

10.335
1974

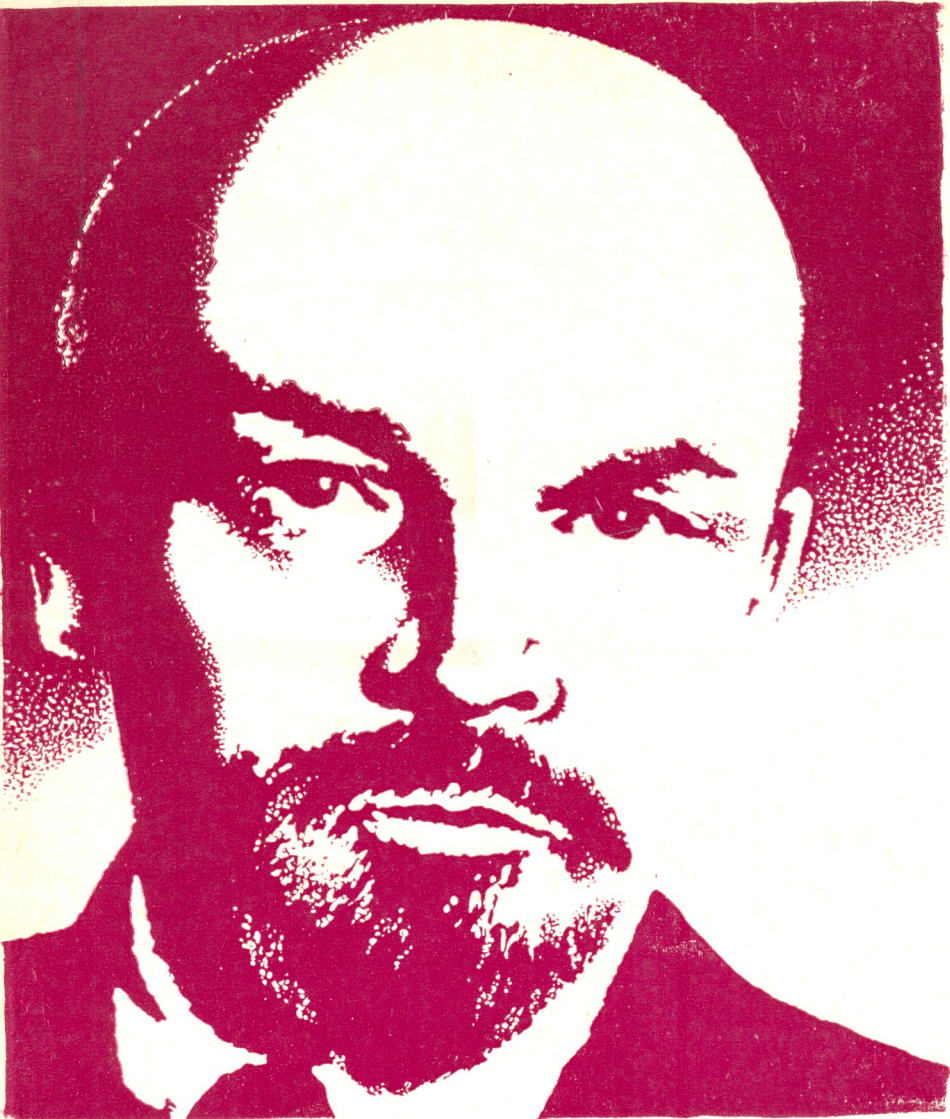

ქართული
წიგნობის
სახლი

ლიბერთი

საქართველო

4

1974

ЛЕНИН

Я, раненный в боях, твой образ изучаю,
Прошедшие бои переживая вновь.
Твоя улыбка мне напоминает
Призыв к борьбе, пылающий, как кровь.
Твои дела немислимо исчислить,
Глаза — моря, что солнце нам зажгли.
И голова, сверкающая мыслью,
Как будто глобус пламенной Земли.
Клич пролетариев пронзает ясный воздух,
Звуча победою рабочих площадей.
Под флагами сверкают, точно звезды,
Открытые глаза родных октябрьских дней.
Мы, коммунары разных стран и быта,
Вокруг тебя собрались, как один;
Как солнце яркое, из наших глаз открытых
Ты поднимаешься, великий исполин.

Ты нас учил всегда борьбе упорной,
Великий вождь трудящихся Земли.
Обильны, как хлеб рососсийских зерна,
Слова призыва — лозунги твои.
Твой голос слышим. Он бойцов готовит:
Ни отступленья, ни тоскливых дум,
А сердце, как корабль, что в волнах крови
Несется через океанский шум.
Ряды твои непобедимы, Ленин.
Мы снова стрсимся, мы знаем, близок бой.
И, как один, все наше поколение
Избрало путь, проложенный тобой.
Я, раненный в боях, твой образ изучая,
Прошедшие бои припоминаю вновь;
Твоя улыбка мне напоминает
Призыв к борьбе, пылающий, как кровь.

Алио МИРЦХУЛАВА

Перевод Р. ИВНЕВА

Литературная Грузия

100/115

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

19

Издательство
ЦК КП Грузии

74

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-18

№ 4

აპრილი 1974 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Марк ЗЛАТКИН,
Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,
Серго КЛДИАШВИЛИ,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Гурам ХАРАИДЗЕ
(заместитель главного
редактора),
Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
Георгий ХУЦИШВИЛИ,
Эммануил ФЕЙГИН,
Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания

18-й

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 380008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) —
93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Двораковская Н. Д.

© «Литературная Грузия». 1974 г.

Содержание

К ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ, ПОСВЯЩЕННОМУ ВОПЛОЩЕНИЮ ОБРАЗА КОММУНИСТА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ . . . . .

5

ПОЭЗИЯ

ХУТА БЕРУЛАВА. Я каждую весну встречаю удивленно. Перевод Галины Павловской	8
МЕДЕЯ КАХИДZE. Отчизне. Перевод Яна Гольцмана	8

ПРОЗА

АЛИО АДАМИА. Большая и маленькая Екатерины. Роман. Перевод Татьяны Соколовой-Рухадзе	9
МИХАИЛ КВЛИВИДZE. Остров Детства	42

ОЧЕРК

ТЕНГИЗ ГОГОЛАДZE. Рукотворное чудо Арагви	46
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

БЕСО ЖГЕНТИ. Совершенствовать критическую мысль	49
ГУРАМ АСАТИАНИ. Ответственность критика	51
МАНАНА ГВЕТАДZE. Штрихи к портрету	56
ДИНА КАЛОЕВА. Народ слагает песнь об Ильиче	60

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Неоплатный долг . . . 63

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

БОРИС ПИРАДОВ. Горький и типография «Нина» . . . 68

НАУКА

АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ. «Русская наука открыла
нам врата просвещения...» 74

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

РОДИОН КОРКИЯ. Вересаев в Грузии. Окончание . . . 85

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ (К 125-ле-
тию со дня рождения А. Казбеги. Беседа с предсе-
дателем юбилейной комиссии — заместителем Пред-
седателя Совета Министров Грузинской ССР О. Е.
Черкезия) 94

ПАРТИЯ—УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ
НАШЕЙ ЭПОХИ

В. Ульманов

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Многие герои многонациональной советской литературы вошли в наше сознание как живые люди, помогающие нам жить, бороться, побеждать. Рожденные жизнью, нашей советской действительностью, воплощенные художниками слова в литературные образы, они воздействуют на читателей примером своей героической личности и целеустремленных действий, продиктованных верой в реальность задач, поставленных перед нами партией, помогая формировать сознание и характеры передовых стрсителей коммунизма.

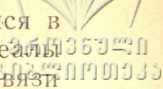
Такова эта закономерная взаимосвязь и взаимозависимость литературы и жизни. Каждый этап более чем полувекового пути первого в мире социалистического общества обуславливал появление соответствующего литературного типа. Это были герои октябрьских боев, гражданской войны, поры восстановления народного хозяйства страны, преодоления разрухи, трудных лет коллективизации, индустриализации, первых пятилеток, лихолетья Великой Отечественной, послевоенного периода и так далее — все ближе и ближе к нашим дням, когда широким фронтом идет строительство коммунистического общества.

Нынешняя наша жизнь — это неостановимое движение к светлому будущему, к коммунизму, а «наши представления о будущем исходят из научных принципов марксизма-ленинизма. Знание этих принципов, безграничная вера и революционные, творческие возможности людей труда наполняют нас оптимизмом» (Л. И. Брежнев).

Но каким бы периодом жизни нашего социалистического государства ни подсказано создание этих персонажей, они всегда были «рожденными бурей» — борьбой за коммунистические идеалы, за интересы и счастье народа. Они всегда были на переднем крае всех ратных, трудовых и идейных сражений. И шли вперед! И отстаивали новое! И в этом видели свое личное счастье и свой долг гражданина и человека. Именно в этом красота и притягательность таких типов.

Но если на первых порах Советской власти романтика их деяний лежала на поверхности, то по мере поступательного развития нашего общества, с осложнением задач и обстановки видоизменялись и параметры героичности. Личность героя усложнялась, и ее героическая сущность не сразу бросалась в глаза. И какой бы отпечаток на их характер, на их облик, на их манеры поведения и поступки ни наложила каждая эпоха, они неизменно оставались **борцами**. Неуспокоенность, мятежность духа, активное начало, действенный характер, непримиримость к врагу — вот рациональные зерна таких образов.

Но по мере приближения героев к нам, показа их крупным планом становятся видны и очевидны другие стороны этих ярких, незауряд-

ных натур. При более близком знакомстве с ними мы убеждаемся в твердости их идейных позиций, в готовности оставлять свои идеалы ценою жизни, в преданности делу и общим интересам, в тесной связи с народом, с массами, в устремленности в будущее... И все это на материале сугубо индивидуализированном, использованном по-разному, самобытно и неповторимо каждым художником, каждой национальной литературой.

Таков образ нового человека, нашего современника. Как правило, он настолько притягательно-обаятелен в человеческом плане, что мы невольно поддаемся под очарование его личности и незаметно для себя начинаем подражать ему, или, что вернее, следовать его примеру, верить им себя, свою жизнь.

Такие герои лучших книг советских писателей разной национальной принадлежности, ставшие непреходящей ценностью нашей литературы, мерцают как свет путеводных звезд. Все насущнее сегодня потребность в обобщающих образах положительного героя наших дней, конечно, несущего в себе преемственные черты своих предшественников. И все же, видимо, это будет уже качественно иной тип человека, отраженного в литературе, обогащенной совокупностью многих новых приемов и средств воплощения героических характеров наших современников, расширивших свой жизненный обзор дерзновенным порывом в Космос, результатами научно-технической революции.

Каждая очередная полоса в жизни новой исторической общности людей — советского народа — обогащает образ нашего современника новыми чертами. И писатели, которые ныне уже не только художники, но и исследователи жизни, познавая их, идут по пути художественного освоения, пластического воплощения этих подсказанных нашей действительностью характеров. Чем ближе к нашим дням эти герои, чем больше они наши современники, тем чаще и настойчивее возникают споры о том — кто же он, каков он, этот герой, сегодня?

По существу дискуссия такого рода идет не только между теми, кто призван критически освоить литературное наследие, но и между самими творцами этих образов, полемизирующих уже своей сущностью. Очевидно, такое столкновение мнений, способствующее кристаллизации истины, неизбежно в ходе обсуждения столь ответственной проблемы.

Ясно одно — такой герой в нашей советской литературе, начиная с ее первых страниц и по сей день, это и есть образ коммуниста. Ибо коммунист — это человек передовых убеждений, высокой нравственности и духовной культуры, воплотивший в себе лучшие качества гражданина, создателя, борца и труженика. Его отличают чистота, честность, смелость, принципиальность. Это ли не ценнейшие человеческие качества? Не они ли порука успешной борьбы, на знамени которой начертаны такие вечные слова, как «Братство, Равенство, Свобода!». Недаром ведь великий Ленин называл партию коммунистов умом, честью и совестью нашей эпохи.

Под этим девизом и будет проходить проводимое Советом по критике и литературоведению при правлении Союза писателей СССР Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков. Состоится оно у нас, в Тбилиси, в городе не только славных революционных и интернациональных, но и литературных традиций. Городе, который стал литературной родиной основоположника пролетарской литературы, литературы социалистического реализма, буревестника революции Максима Горького, создателя первого в ней образа рабочего коммуниста Павла Власова... Столице республики, откуда ушел в литературу другой ее титан — трибун революции Владимир Маяковский. Городе Та-

лактисона — еще одного пламенного певца Октября, великого грузинского поэта, чье восьмидесятилетие так тепло было отмечено недавно в столице нашей Родины Москве, где как бы произошло второе его рождение, ибо впервые так масштабно и доступно многомиллионной советской аудитории прозвучали на русском языке его вдохновенные, проникновенные, провидческие строки...

Все это и символично, и ко многому обязывает, и несказанно радует. И потому столица Советской Социалистической Республики Грузии с присущим ей гостеприимством встречает у себя дорогих гостей. Начнется эта творческая дискуссия, посвященная образу коммуниста в советской литературе, 23 апреля. Знаменательно и время проведения этого форума писателей и критиков — представителей нашей многонациональной литературной семьи. Ведь накануне, 22 апреля, вся страна отметила день рождения Владимира Ильича Ленина, вождя Коммунистической партии, великого коммуниста нашей планеты, образ которого с такой безграничной любовью воплощен в советской Лениниане, нашего родного Ильича, которого Маяковский назвал «самым человеческим человеком». В эти дни проходил и Всесоюзный коммунистический субботник — выражение ленинской трудовой солидарности советских людей. А следом грядет Первомай — праздник международной солидарности трудящихся.

Вот в какие дни, на волне какого настроения будет работать совещание.

Ретроспектива художественного развития современности, несомненно, поможет его участникам выявить определенные закономерности, тенденции возникновения, становления, развития самых разных аспектов художественного воплощения образа нашего современника-коммуниста в произведениях многонациональной советской литературы.

Думается, интересным объектом такого анализа явится и грузинская советская литература с ее богатыми революционными традициями и сегодняшней боевой устремленностью. Грузинская советская проза, в частности романы последних лет, отражающие самые насыщенные моменты и явления нашей действительности, вся грузинская поэзия и ее лирический герой с обостренным чувством справедливости, причастности ко всему происходящему вокруг не могут не влиться в общий поток здоровых, плодотворных, идейных и художественных тенденций литературной жизни всего нашего Советского Союза — дружной семьи братских народов, братских литератур, так интересно и по-новому взаимодействующих, что и об этом, видимо, нельзя будет не сказать.

Предусмотренные программой встречи его участников с читателями тоже, очевидно, подскажут определенные ракурсы подхода к исследуемой теме. Она — обширна, многогранна, многозначна и увлекательна. Она не может не вдохновить на новые творческие поиски и писателей, и критиков. Она зовет вперед и выше, так же как целая плеяда героев-коммунистов нашей литературы, таких как Чапаев, Левинсон, Давыдов, Корчагин, Воробьев, Извеков и множество других, уже воплощенных и еще ждущих своего воплощения в литературе, как и их прообразы — коммунисты прошлых лет и нашего сегодня, провозглашающие крылатыми словами поэта:

— Коммунисты, вперед!

ОТ РЕДАКЦИИ:

23 апреля в Тбилиси начнет работу Всесоюзное творческое совещание писателей и критиков, посвященное воплощению образа коммуниста в современной художественной литературе.

Отчет и материалы о нем будут опубликованы в последующих номерах нашего журнала.

Хута БЕРУЛАВА

Я каждую весну встречаю удивленно

Я каждую весну встречаю удивленно,
В зеленый звонкий мир по-новому
влюбленный.

Шум трепетной листвы, вихрь красок,
цвет фиалок —
Все кажется иным. Так прежде
не бывало.

Так розы не цвели, таким и воздух
не был,
И столько синевы не скапливало небо.

Тропинка по горе взбегает ввысь
проворно,
Но я не узнаю родной тропинки горной.

Лес тоже стал иным:
не помню, чтоб в апреле
Дубы и тополя так ласково шумели.

Роса, что по утрам на шелке
трав сверкает,
Прозрачна, как вчера, и все-таки другая.

А как неповторим густой разлив зари!
И это все твое — рисуй, пиши, твори!

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

Медея КАХИДЗЕ

Отчизне

Что ни день —
Прирастаю к тебе тесней.
Ты со мною нежна и строга.
Словно мама,
Приходишь ко мне во сне,
Чтобы утром легла строга.

Что ни день —
От синего ледника,
Не угнаться диким коням,
Прилетает бешеная река,
Когти длинные по камням.

Что ни день —
Уносит меня далеко
Горных троп свистящий аркан.

Как поется с тобою вдвоем легко,
Терек, Терек — старинный орган!

Если вдруг
Оскудеет долина моя,
И сама на ветру стору —
Ты,
Вовеки неодолимая,
Будешь так же встречать зарю.

И пускай
Пролетают мои года —
Да не молкнут твои соловьи!
Для тебя живу. И тобой — горда.
Мать родная,
Благослови!

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

БОЛЬШАЯ и МАЛЕНЬКАЯ Ескаферины

●
Р о м а н
●

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старый дом из красного кирпича. Третий этаж.

Дверь Ревазу открыла мать Русудан — Текле.

Просторная передняя с очень высоким потолком.

Текле прекрасно знала, что перед ней Реваз Чапичадзе — ее будущий зять, и поэтому, ничего не спрашивая, она провела его в комнату Русудан.

Русудан лежит на низкой широкой тахте, укрытая тонким одеялом цвета кизила. Под головой у нее голубая мутака и маленькая белая подушечка — «думка». Она лежит на спине и будто спит. Вот она медленно приоткрывает глаза, легкая улыбка трогает ее губы, затем глаза ее снова смежаются, и она шепотом спрашивает: «Ты пришел?».

Около тахты — небольшое голубое кресло. Реваз придвигает его к изголовью тахты и, потирая руки, садится.

— Как хорошо, что ты пришел, — опять шепчет Русудан.

Реваз молчит. Он чувствует себя очень неловко, потому что в соседней комнате Текле. Да и только ли Текле? Сегодня воскресенье, и вся семья Русудан в сборе: мать — Текле, отец — Нико, брат — Звиад, невестка — Лили.

«Наверное, они скоро будут обедать. Я уверен, что Русудан не без умысла позвала меня в воскресенье, да еще в такое время. Хочет познакомить меня со своими... Пусть, мол, поговорят, оценят, решат...».

Русудан окончательно проснулась и окинула Реваса оценивающим взглядом. Ей понравилось, как он одет: черные туфли (правда, слишком сильно начищенные), черный костюм, белая рубашка, черный в белую крапинку галстук.

— Ты сегодня что-то очень красивый, — с улыбкой сказала Русудан и, приподнявшись на постели, одной рукой провела по его щеке, а другой обхватила за шею. Потом быстро притянула Реваса к себе и поцеловала в губы.

«Какие горячие у нее губы!».

Реваз положил ей руку на лоб.

«Лоб холодный, а губы просто пылают. Мы тут обнимаемся, а вдруг войдет ее мать?».

* Печатается журнальный вариант.

Реваз оглянулся на дверь.

— Сюда никто не войдет, — чуть слышно шепнула Русудан и, нявшись повыше, обняла его и крепко прижалась к его груди.

Реваз встал, поднял Русудан на руки и, как куклу, покачав ее, ложил на тахту.

— Выйди в соседнюю комнату, я оденусь! — сказала Русудан и сунула ноги в шлепанцы.

— А ты разве не больна? — нарочито громко, с деланным раздражением спросил Реваз и усмехнулся.

— Была больна. Ты пришел, и я выздоровела!

Реваз вышел в гостиную. Он осторожно прикрыл за собой дверь, но эта осторожность оказалась ненужной — у двери в комнату Русудан с книгой на коленях сидела Текле. Казалось, она была настолько увлечена чтением, что и не заметила появления Реваза.

Реваз так и застыл на месте, смущенно глядя на Текле... Она даже не взглянула на вошедшего в комнату гостя, и лицо ее показалось Ревазу сердитым. «Не притворяйся! Я знаю, ты целовал мою дочь! Да, целовал и обнимал! Не рано ли?.. Ну и хитрый же ты — молчишь и глаз поднять не хочешь. Можно подумать, что тебе стыдно или меня стесняешься. Ты виноват, поэтому и стыдно, а хочешь сделать вид, что ты застенчивый молодой человек, который первый раз пришел в незнакомую семью... От меня ничего не скроешь! Разве вы с Русудан дома одни? Дверь-то ведь я тебе открывала. Не мешало бы это помнить! И отец Русудан дома! Запомни его имя — Нико! Для тебя он будет батони Нико, а я калбатони Текле — так уж полагается. Брат Русудан со своей женой у себя в комнате. Дома столько народу, а ты прямо в комнату к Русудан...»

У Реваза мурашки пробежали по спине, не в силах сделать и шагу, он молча стоит, прислонившись к стене, а Текле продолжает сидеть в кресле, вперив взгляд в книгу, но, кажется, она не читает. Потом на ее лице появляется презрительное выражение: «Ваша аудиенция окончена, молодой человек! Можете идти!». Но она не произносит этих слов, очевидно, уверенная в том, что гость сам догадается и уйдет.

А Русудан почему-то не выходит из своей комнаты! Не видно ни Нико, ни Звиада, ни его жены! Наедине со своим гостем Текле напоминает ему его грехи.

«Сколько бессонных ночей я провела в ожидании Русудан, и все из-за тебя!»

«Что верно, то верно, калбатону Текле! Русудан любит погулять после кино, вот мы и гуляем. Сначала пройдемся по проспекту Руставели, потом не спеша спустимся по Элбакидзе, на Верийском мосту ненадолго задержимся, а когда выйдем на набережную, Русудан совсем замедлит шаг. Я посмотрю на часы — скоро два. Тут уж Русудан заспешит, и мы только на минуту остановимся на Ленинградской улице, неподалеку от вашего подъезда. Русудан встанет на дышочки, заглянет мне в глаза, поцелует и убежит... А я спрячусь за деревом и жду, пока она войдет в парадное. Потом посмотрю вверх, на третий этаж, где у освещенного окна стоите вы, калбатону Текле, ожидая Русудан...»

Текле сняла очки и закрыла книгу.

— Почему же вы стоите? Садитесь, пожалуйста!

Она сказала это так приветливо, что у Реваза отлегло от сердца. Он поднял голову и взглянул на нее.

Рядом с креслом Текле стояло такое же голубое кресло, как в комнате Русудан, но Реваз предпочел сесть на круглый черный стул у рояля.

— Играете? — все так же ласково спросила Текле.

— Иногда, — смущенно ответил Реваз.

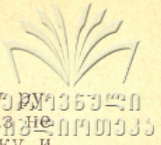
— О, это прекрасно. По-моему, рояль создан именно для мужчины.

— Почему? Женщины тоже хорошо играют.

— Мужские руки — совсем другое дело. Они легко подчиняют себе клавиши, да и инструмент звучит как-то по-особому, когда играет мужчина, — убежденно сказала Текле и слегка улыбнулась.

«Видите? Текле не просто любительница музыки, она, оказывается, и разбирается кое в чем».

В комнату вошел Нико. Это был высокий, худощавый мужчина с бледным, несколько болезненным лицом, редкими белыми волосами и усами с проседью. «Настоящий историк», — подумал Реваз и, быстро встав со стула, пошел ему навстречу.

— Это — друг Русико, — многозначительно сказала Текле.

Нико слегка кашлянул, внимательно посмотрел на Реваза, пожал ему руку и сел в кресло рядом с Текле, что-то при этом тихо пробормотав. Реваз не расслышал, что именно, но почему-то улыбнулся. Нико заметил его улыбку и нахмурился. Реваз понял, что улыбка была неуместной, и сконфузился.

Внезапно спокойное лицо Нико Диасамидзе словно подернулось пеленой, глаза стали меньше, черты лица начали расплываться... И вот уже не различить ни носа, ни усов, лицо Нико исчезло, и вместо него возникло лицо Текле. На коленях у Нико появилась раскрытая книга, на глазах — очки, вокруг глаз — морщины. Взгляд его устремлен в книгу, но он не читает. Он перелистывает страницы жизни Реваза Чапичадзе.

«Знаю, прекрасно знаю, мой будущий зять, что вы собой представляете. В тридцать лет у вас уже готова докторская диссертация. (Мой сын Звиад на два года старше вас, но еще и кандидатскую не защитил, в аспирантах ходит). Ваша диссертация о черве, да, о шелковичном черве. Безусловно, тема серьезная (на лице Нико, которое было лицом Текле, появилась ироническая улыбка, не оставшаяся незамеченной Ревазом). Грузинский шелк славится издавна, и у него большое будущее. Это мне, историку, хорошо известно. Да что и говорить, в маленьком шелковичном черве таится большая сила... Впрочем, оставим пока в стороне и червя, и его силу, поговорим о другом. Вы думаете, что если у вас уже готова диссертация, то я не смогу отказать вам в руке дочери? Ни чего подобного! Докторское звание еще не все! Нам нужно поближе познакомиться, молодой человек, лучше узнать друг друга...»

Сначала с лица Нико исчезли очки, потом появились усы с проседью, редкие седины на голове...

Реваз стоит у рояля, Нико и Текле сидят в креслах. В комнате напряженной тишина, и, чтобы нарушить молчание, Нико, слегка кашлянув, обращается к Ревазу:

— Ваши родители живут в Тбилиси?

— Нет, отец в деревне.

— А мать? — это уже спросила Текле.

— Я был на фронте, когда умерла мама.

— И ваш отец живет в деревне один? — удивился Нико.

— Да.

— Жизнь одинокого человека, да еще если он уже не молод, тяжела, ох, как тяжела, — вздохнул Нико. — И близких родственников у вас нет?

— Нет, никого.

— И готовит отец тоже сам? — с удивлением спросила Текле.

— Сам, — смущенно ответил Реваз.

— Как это трудно! Просто невозможно себе представить, — грустно сказал Нико и, взглянув на стенные часы, подал жене какой-то знак.

Текле вышла из комнаты.

— Исторически доказано, — нарочито пробасил Нико, — да, историей подтверждено, что главной в семье являлась и является женщина, мать... Я сам тоже из деревни, из Квемохвити. Может, слышали?

— Да, я знаю эту деревню.

— Так вот, мы жили в Квемохвити. Я тоже был единственным ребенком в семье. Мой отец делал арбы, и к нему приезжали крестьяне даже из самых отдаленных деревень... Он был настоящим мастером своего дела. Семья у нас была крепкая. После смерти отца я решил забрать мать к себе, в Тбилиси, но она не захотела. «Еще чего выдумал», — сказала она и осталась жить в деревне. Мать моя была сильным человеком. Так как я не собирался возвращаться в деревню, она удочерила бедную соседскую девочку и полюбила ее, как собственное дитя. Когда девочка выросла, мать выдала ее замуж за человека, делавшего, как и мой отец, арбы. Однажды мать сильно заболела и попросила меня приехать. Когда я вошел в комнату, она, лежа в постели, качала люльку. «Это — мой внук, — сказала она мне. — Я уже состарилась, и дни мои сочтены, но я покидаю этот мир со спокойной душой, потому что мой дом стоит крепко и очаг в нем не угаснет».

...В комнату вошел Звиад. Он давно знает Реваза и поэтому поздоровался с ним, как со старым знакомым, и улыбнулся, дружески похлопав его по плечу. Потом Звиад позвал сестру и, не дождавшись ответа, быстро вошел в ее комнату.

— Так вот, в жизни грузинского народа, — продолжал прерванный разговор Нико, — женщина занимала особое место, и это уже исторический факт.

— Наши историки пишут лишь о том, что они сами хорошо знают, но это ведь еще не есть история Грузии и грузинского народа, — каким-то неестественным голосом резко сказал Реваз и посмотрел на Нико.

— Ошибаетесь, и даже очень ошибаетесь, молодой человек, — отпарировал Нико, — так или иначе, но история Грузии изучена и написана. Правда, есть события, которые были либо просто забыты, либо по каким-то причинам остались неупомянутыми, но в основном, да, в основном, нам хорошо известны пути развития грузинского народа с древнейшего времени и до наших дней... К сожалению, многие думают так же, как вы, и уверяю вас — они сильно заблуждаются.

Наконец появилась Русудан. Поздоровавшись с отцом, словно давно его не видела, она бросила исподлобья быстрый взгляд на Реваза и улыбнулась.

Текле объявила, что стол накрыт, и пригласила всех в столовую.

Когда подняли тост за Реваза, Звиад встал и, подмигнув Русудан, неожиданно выпалил:

— За здоровье нашего зятя!..

Реваз опешил.

Русудан вскочила из-за стола и выбежала из комнаты.

Текле и Нико с невозмутимым видом продолжали сидеть на своих местах, а жена Звиада, Лили, так хитро посмотрела на Реваза, точно она что-то знала.

Реваз встал, но тут же почувствовал на своем плече руку Текле.

— Садись, сынок, мы все знаем.

Реваз с трудом скрыл охватившее его волнение. Теперь уже он улыбнулся Лили и смело посмотрел в глаза будущему тестю.

Нико, произнося тост, разразился такой длинной речью, что Текле и Звиад устали от его многословия, и только Реваз с большим вниманием дослушал будущего тестя. Он и сейчас не забыл смысла сказанного им тогда.

«Семья была и останется основой основ нашей жизни. Пока крепка семья, и государство стоит, как крепость. Если же семья рухнет, то и государству не легко. Это прекрасно понимали наши предки, и семья была для них святыней. Благополучие семьи зиждилось на беззаветной любви... Муж любил жену, жена любила мужа, и так вот, в мире и радости жили скрепленные любовью семьи...»

...Звиад привел Русудан и усадил ее рядом с Ревазом.

Она, улыбаясь, заговорщически подмигнула Лили.

— Давайте назначим день свадьбы, — глядя на Реваза в упор, сказала Лили.

За столом наступило неловкое молчание.

Нико слегка кашлянул и, очевидно, решив, что Реваз стесняется Текле, попросил ее заняться чаем. Как только она вышла из комнаты, он решительно заявил:

— Да, моя невестка права. Давайте договоримся о дне свадьбы.

...В Ваке на Имеретинской улице Реваз строит собственный дом. Два года назад он получил участок и после этого с головой ушел в строительство. Сейчас уже возводятся стены, и через год дом будет готов. Русудан и Реваз давно решили, что будут справлять свою свадьбу в новом доме...

Реваз что-то тихо прошептал на ухо Русудан, показав глазами на ее родителей. Он хотел, чтобы она сказала об их уговоре, но Русудан продолжала сидеть, словно воды в рот набрав, и в ответ только сильно наступила Ревазу на ногу.

И тогда Реваз заговорил сам:

— Батона Нико, я строю дом.

— Ну, а кто же вам мешает? Стройте себе на здоровье!

Реваз рассказал будущему тестю о том, как идет строительство дома. Тот сначала по привычке кашлянул, а потом вдруг от души рассмеялся.

— У нас, слава богу, квартира большая. Места для всех хватит, — сказал он. — А про строителей и не говорите, уж я-то их знаю. Если пообещают сделать в этом году, то и через несколько лет не дожدهмся. Нам обещали эту нашу квартиру отремонтировать за месяц, а на деле вышло так, что мы два года жили в грязи! Да, о чем это я говорил? Квартира у нас большая, и пока ваш дом выстроится, вы с Русудан будете жить у нас. А свадьбу откладывать не стоит.

Все согласились с Нико и решили сыграть свадьбу в следующее же воскресенье.

Потом все пошло своим чередом.

Реваз перешел жить к Русудан, и первое время чуть ли не каждый день дом их был полон гостей.

«Кто-то же должен вести хозяйство в такой большой семье», — подумала Текле и, оставив работу в библиотеке, окунулась в бесконечные домашние хлопоты. Первым делом она установила в доме твердый распорядок дня:

Завтрак — в восемь часов утра.

Обед — в шесть.

Легкий ужин — когда кого устраивает.

К завтраку обычно раньше всех выходит Нико. Он включает радиоприемник и садится за стол. В ожидании завтрака он неохотно просматривает различные газеты.

Русудан с матерью хлопочут на кухне, Реваз бреется в ванной, а Звиад, выйдя на балкон, тайком от матери затягивается сигаретой. Лили еще долго сидит на постели, положив на колени маленькое зеркальце... А Нико все сидит в одиночестве и ждет. Газеты уже прочитаны, и, теряя терпение, он смотрит на стенные часы. В эту минуту входит многоуважаемый зять и садится рядом с Нико.

— Как спалось?

— Да так себе... — неохотно отвечает Нико и снова смотрит на часы.

— Они спешат на десять минут... — говорит Реваз и встает.

— Не надо их поправлять! Наша хозяйка специально ставит их на десять минут вперед. У нее на это свои соображения.

— Привет честной компании! — причесываясь на ходу, в комнату входит Звиад и садится рядом с Ревазом. — Мужчины, как всегда, молодцы. Еще и восьми нет, а все уже на месте...

— Ошибаешься! — сердится Нико. — Уже пять минут девятого. Ты, наоборот, уже успел выкурить не одну сигарету. Так я и поверил, что ты занимаешься на балконе зарядкой. Кого ты обманываешь? Меня с матерью, что ли? Себя... Между прочим, мать и сестра готовят нам завтрак, а твоя жена все еще нежится в постели.

Услышав упрек свекра, Лили быстро вскакивает с кровати, накидывает халат и, как была непричесанная, спешит в кухню.

Через некоторое время все три женщины входят в столовую: впереди — Текле, за ней следом — дочь и невестка. Текле ставит перед мужем сковородку с яичницей и колбасой, и он усмехается в усы, потому что то же самое подает Ревазу Русудан, и только Лили как-то нехотя сует в руки Звиаду большую сковороду. На ней только колбаса. Звиад терпеть не может яичницу, вот от курицы он никогда не откажется.

Наконец Текле ставит на стол кипящий самовар, и женщины тоже садятся завтракать.

Первой из-за стола встает Лили, и все-таки она почти каждый день опаздывает на работу, уж очень много времени отнимает у нее зеркало. Музыкальное училище, в котором преподает Лили, недалеко от дома, и ходит Лили быстро, но, как правило, является на занятия через десять минут после звонка. Зная это, ее ученики не торопятся на первый урок.

Русудан, Реваз и Звиад едут на работу одним автобусом. Русудан выходит у гостиницы «Сакартвело». Ей нужно на улицу Кучишвили, в художественное училище, а Реваз и Звиад едут дальше, до сельскохозяйственного института, где они оба работают. Они почти ровесники, но Реваз уже имеет кандидатскую степень и читает в институте лекции, а Звиад работает ассистентом на кафедре и собирается защищать диссертацию только в конце года.

Позже всех засиживаются за столом Текле и Нико, потому что он любит чуть теплый чай и не спеша попивает его. Потом Текле принимается бесшумно собирать со стола. Бывает, что и Нико вызовется помочь ей.

В двенадцать часов дня Нико, с внушительным, похожим на небольшой чемоданчик, портфелем в руке, отправляется в институт истории. Его кабинет на третьем этаже, и, чтобы не подниматься вверх с тяжелым портфелем, он оставляет его на первом этаже у дежурного, которому известно, что в портфеле профессора лежит аккуратно перепечатанная на машинке рукопись книги, подготовленной для издания.

«Землепользование в феодальной Грузии» — так называется работа Нико, которую он писал около десяти лет. Два года тому назад он отнес в издательство два экземпляра книги, приложив к ним ходатайство института истории и рецензию кафедры. Рецензент издательства, хорошо разбирающийся в вопросах грузинской истории, с недоверием отнесся к оценке работы, данной институтом, и с особым вниманием прочитал труд Диасамидзе. Заключение оказалось кратким: «Землепользование в феодальной Грузии» — значительный, заслуживающий внимания труд, но, к сожалению, верные положения, высказанные автором, нуждаются в подтверждении историческими документами». Приняв во внимание замечания рецензента, Нико включил в свою книгу многочисленные архивные данные, после чего страницы его рукописи запестрели цитатами и сносками.

Другой рецензент издательства, тоже очень внимательно изучивший работу Нико, представил издательству такое резюме: «Землепользование в феодальной Грузии» — очень важное монографическое исследование, автор ко-

тогого сказал свое слово в грузинской историографии. Однако надо отметить, что авторские мысли теряются в огромном количестве фактического материала. Для того, чтобы обосновать одно верное положение, автор привлекает материалы одновременно из нескольких исторических источников. Поэтому представляется собой сборник цитат и комментариев. Этот труд надо было отнести в музей, а не в издательство».

Нико переработал книгу еще раз, говоря его словами, «сбалансировал» замечания обоих рецензентов, ни одного не оставив без внимания, после чего из-под его пера вышел «совершенно новый труд».

Теперь три варианта книги, каждый в двух экземплярах, лежат в портфеле издательства и один экземпляр — в его собственном портфеле. Если издательству потребуются какие-либо разъяснения, со стороны Нико задержки не будет... И вот поэтому-то уже в течение целого года он ежедневно берет с собой на работу этот тяжелый портфель. Но издательство продолжает хранить молчание...

..Домой раньше всех возвращается Лили. У нее обычно бывает не больше четырех уроков, и в час она уже дома. Отдохнув немного, она принимается помогать свекрови. Когда в четыре часа приходит Нико, Лили, открыв ему дверь, забирает у него из рук тяжелый портфель, упрекая свекра за то, что он не крикнул ей снизу. Она бы помогла ему донести портфель. Следующим возвращается Звиад. Лили сердито смотрит на него — «Почему ты опоздал? Я же знаю, что после трех ты уже свободен».

Звиад с улыбкой потреплет ее по щеке, и «конфликта» как не бывало.

У Русудан в художественном училище только два урока. После занятий она спешит на Имеретинскую улицу, где близится к концу строительство дома. Все основные работы уже закончены, покрашены окна и двери, осталось только настелить паркет. Будущая хозяйка помогает мастерам, а заодно и следит за тем, как продвигается работа... Не сегодня-завтра все будет готово к приему жильцов: на первом этаже, в кухне, установлена газовая плита, подключено электричество, подведен водопровод.

В пять часов за Русудан заходит Реваз. Обычно он немного помогает мастерам, а к шести Русудан с Ревазом должны спешить домой, потому что в это время все семейство Диасамидзе садится обедать.

Да, с завтраком и обедом у Текле все обстоит благополучно, а вот собрать всех вместе к ужину просто невозможно.

Русудан с Ревазом чуть ли не каждый день бегут в кино, в театр или на концерт, и Лили со Звиадом частенько составляют им компанию, так что за большой стол садятся ужинать только Текле и Нико.

— Мы тоже были молодыми, но...

— Текле, дорогая моя, тогда было совсем другое время, — ласково говорит Нико, вставая из-за стола.

Пройдясь несколько раз по комнате, он включает радио, чтобы послушать последние известия.

— Да, время-то было другое, но, несмотря на то, что знали мы меньше, в нашей жизни было больше романтики и увлечений! Теперешней молодежи доступно все — она летает к звездам и опускается на дно морское, поэтому у нее и нрав иной. Тут уж, мать, ничего не поделаешь...

Потом Нико прикрывает радио, садится за письменный стол и, открыв рукопись своей книги, погружается в размышления...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наступил сентябрь, и в доме Диасамидзе все пошло вверх дном. Текле давно уже потеряла сон и ходила по квартире с измученными запавшими глазами, вся какая-то враз поникшая и постаревшая. Плечи ее ссутулились, лицо покрылось морщинами. Все у нее так и валилось из рук, и не проходило дня, чтобы она не разбила что-нибудь из посуды, стакан или тарелку, или сама обо что-то не споткнулась. На душе у нее скребли кошки.

Даже когда муж должен был защищать диссертацию, Текле так не волновалась и не теряла присутствия духа. Она гордилась своим мужем... Да, вот что значит, если дело касается твоего ребенка, твоей плоти и крови, твоего сына. Мать не просто близко к сердцу принимает его заботы, они надрывают ей сердце, заставляют тревожиться и страдать.

Нико тоже волнуется. Все лето он провел в Тбилиси под предлогом, что у него в институте много работы, а на самом деле он почти ежедневно ходил в институт, чтобы еще раз в спокойной обстановке пересмотреть диссертацию Звиада.

«А сам Звиад... Звиад с Лили сначала были в Боржоми, потом они отправились в Сочи и только вчера соизволили явиться в Тбилиси. Хороши, нечего

сказать! Так всегда и бывает: отец с матерью волнуются, места себе не находят, а они развлекаются в свое удовольствие... Русудан в положении, капризничает, всех избегает... Звиад и его диссертация ее не интересуют. Она уверена, что у нее родится девочка, и поэтому нашла розовых распашонок, а теперь занялась вязаньем... Реваз уехал в Москву и должен вернуться только в день защиты диссертации...

Вот и понадейся на них, честное слово!»

... В квартире Диасамидзе свет горит только в комнате Звиада, Лили лежит в постели спиной к мужу, а он медленно листает книгу за письменным столом. Вот он нашел нужное место, закрыл книгу и, потерев лицо руками, встал. Потом выключил свет и лег в постель.

В столовую вошла Текле. Надев очки, она достала из кармана халата карманчик и тетрадь и занялась какими-то подсчетами.

Неслышно входит Русудан, но Текле все же делает ей предостерегающий знак, и та идет дальше уже на цыпочках.

— Спят?

Текле утвердительно кивает головой, и Русудан садится рядом с матерью. Под тяжестью ее тела скрипит стул. Потом в комнате опять становится тихо.

— Сколько, мама?

Текле заглядывает в тетрадь и шепчет:

— Шестьдесят четыре.

Русудан оглядывает комнату.

— Поместятся?

— Нужно, чтобы поместились

Русудан шепчет матери на ухо:

— придется кого-нибудь вычеркнуть!

Текле сердито смотрит на дочь.

— Ну что ты говоришь?! Разве ты не знаешь, сколько раз мы переделывали этот список!

Текле передает Русудан тетрадь, и та начинает негромко читать фамилии, то хмурясь, то улыбаясь. Вернув матери тетрадь, Русудан все так же на цыпочках измеряет шагами длину комнаты.

— Двадцать четыре. Два раза двадцать четыре — сорок восемь. Если рядом поставить еще два стола, то все поместятся. Наверняка поместятся!

В комнату вошел Нико. Он сердит, но, сдерживаясь, ласково говорит жене и дочери:

— Оставьте этот список в покое, мои дорогие. Его незачем проверять: все давным-давно проверено и взвешено! Вы лучше подумайте о закуске.

Текле осторожно встала и пристально посмотрела на Нико.

— Как будто ты не знаешь, что у нас все есть.

— А цоцхали?

— Цоцхали Захария обещал достать.

— Это хорошо, а то, говорят, замминистра очень любит ее. А как с икрой?

— Жужуна утром зайдет на Авлабарский рынок.

— А если там не будет?

— Такого в истории не бывало.

Нико вспыхнул:

— Историю вы не трогайте... И вообще, хватит вам суетиться, нужно хоть немного поспать.

Нико выключил свет, и все трое, стараясь не шуметь, вышли из комнаты.

... Часы пробили четыре.

Звиад встал, выключил свет и потихоньку вышел в столовую. Он раздвинул занавески и открыл окно.

Светало.

«Сейчас я, Звиад Диасамидзе, — еще рядовой аспирант, но сегодня я защищу диссертацию и вечером уже буду кандидатом наук... А как волнуется вся наша семья! Вчера мать заставила меня лечь спать раньше обычного, но мне сон не шел в голову. Мой отец, неутомимый собеседник, как и все историки, но вчера он точно онемел и за весь вечер не произнес и слова, чтобы не помешать мне спать, хотя я чувствовал, что он был сердит на меня — завтра, мол, его ожидает такое испытание, а он беззаботно растянулся на кровати... Я же просто лежал с закрытыми глазами и даже слышал, о чем думала моя мать. Она у нас верующая и три раза за вечер молилась за меня: боже всемогущий, дай завтра победу моему Звиаду — пощади его мать...»

— Ты уже встал, сынок? — услышал Звиад голос матери.

От неожиданности он растерялся. Закрыв окно, он повернулся к матери.

— Нет.

— А что тебе нужно в столовой?

— Воды. Я пил воду, — солгал Звиад.

— Ложишься! Не слоняйся по комнате и не мешай нам спать! — словно упрекая, сказала ему Текле.

Но Звиад знает, что мать затаив дыхание лежит в постели, и сон не приходит к ней.

«Она, конечно, волнуется и старается, чтобы я ничего не заметил. Но что-то лос ее выдал. Каким дрожащим голосом она спросила: «Ты уже встал, сынок?» Да, мама очень волнуется...»

Звиад потушил свет и вздрогнул от неожиданности, услышав в темноте голос Русудан:

«Звиад, ты уже встал?»

— Тш-ш, кто встает в такую рань! — рассердился он.

Голос Русудан: «Тогда что же ты делаешь в столовой?»

— Пьянствую, — еще больше раздражаясь, ответил Звиад.

Голос Русудан: «Один?»

— Да, один. И пью за твое здоровье, — угрожающе прошептал он.

Голос Русудан: «Я не слышу, что ты говоришь! Погромче, Звиад, милый!»

Звиад на цыпочках подошел к двери Русудан.

— Сматри, не разбуди маму, а то я тебе такого милого Звиада покажу, что не обрадуешься! Тише! Сматри, как расшумелась!

«... А ведь она тоже за меня волнуется и чего-то боится... Или, может быть, это только я не чувствую, что над моей головой сгущаются тучи! Неужели завтра я уже не буду тем же Звиадом Диасамидзе, что сегодня? Нет, не может быть! Хотя завтра я уже буду кандидатом наук, и в институте на меня станут смотреть совсем иными глазами, и в министерстве тоже, и соседи будут по-другому мне улыбаться, а товарищи... Товарищи-то станут относиться ко мне с большим уважением! Ведь вот какая магическая сила заключена в листке бумаги, который мне вручит ученый совет! Отец давно говорит, что главное в жизни — документ. И вот, пожалуйста, я получу документ, в котором черным по белому будет написано: кандидат наук Звиад Николозович Диасамидзе».

Звиад вошел в спальню и сел за стол. Проснулась Лили и, зевая, спросила:

— Сколько времени?

Звиад не ответил, сделав вид, что не слышал вопроса.

— Сколько времени? — еще раз спросила Лили.

— Понятия не имею!

— Почему? Ты что, потерял часы?

— Не знаю!

— В шкафу, в левом ящике лежат мои. Дай их мне!

Звиад неохотно встал, принес Лили часы и снова уселся за стол.

— Еще только шесть. В котором часу мы с тобой вчера легли?

— Не помню! — уже сердясь, ответил Звиад.

— Зато я очень хорошо помню: было одиннадцать. А потом мы еще целый час разговаривали!

— Возможно.

Лили, зевая, села в постели.

— Мало я спала. А ты давно встал?

— По-моему, да, — неохотно ответил Звиад.

— Так нельзя, Звиад. Ты же без причины нервничаешь.

— Почему без причины? — вспыхнул Звиад.

Лили улыбнулась.

— У тебя дело в шляпе, — сказала она по-русски.

— Кто это вам сказал, мадам?

— Разговаривай со мной по-русски, хоть исправишь произношение.

— Я спрашиваю, кто это сказал? — Звиад встал.

Продолжая улыбаться, Лили многозначительно ответила:

— Дядя мой сказал, глупенький!

Ехидно усмехнувшись, Звиад посмотрел в лицо жене:

— Но ваш дядя — еще не ученый совет.

— Да ученый совет никогда не пойдет против него, глупыш!..

— Это было раньше, но с тех пор много воды утекло, и ваш дядя не имеет того веса, как раньше.

— Разве что-нибудь изменилось? — удивилась Лили.

— Ученый совет, — по слогам произнес Звиад.

— Ложь, сменились члены совета, а совет все тот же, — Лили спустила с кровати ноги и стала причесываться, смотря в зеркало, висевшее над кроватью.

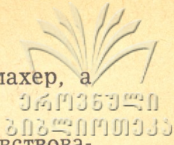
— Сколько с ними, проклятыми, возни... Наши готовятся?

— По-моему, ты готовишься больше всех.

Повернувшись от зеркала, Лили с улыбкой сказала:

— Разве это не естественно? Я — жена юбиляра и должна выглядеть лучше всех. Ты не бойся, на защиту я не приду. Сегодня я в доме главная хозяйка и сама должна встретить гостей... Тебя это не радует?..

— Очень радует.

Продолжая улыбаться, Лили опять повернулась к зеркалу.

— Но ты только посмотри, как плохо меня постригли! Не парикмахер, а холодный сапожник!

— Ты бы уж лучше наголо остриглась.

Лили не понравилась колкость Звиада, но она сдержалась. Она чувствовала, что Звиад очень нервничает и всеми силами старается скрыть свое волнение, но его выдавал неестественно звучавший голос.

— Пожалуйста, помоги мне, поддержи косу!

С помощью Звиада Лили заколола волосы шпильками и попыталась состричь:

— Видишь, глупыш, как далеко вперед шагнула техника? Этот металл легче материи.

— Но тяжелее, чем мозг у некоторых.

Это было уж слишком, и Лили вспыхнула. Она резким движением отбросила руку Звиада, выхватила из волос с таким трудом заколотые шпильки и швырнула их на пол:

— Ты что, хочешь, чтобы я закрутила волосы, как твоя мать, и может быть, еще и тапочки надела, как она? Ты забываешь, что мне двадцать шесть лет!

Звиад не ожидал такого поворота дела, но отступить было поздно.

— Да, ты права. Я забываю, что тебе двадцать шесть лет и что женщина в таком возрасте должна спать не менее восьми часов в сутки. Ты мало спала, вот ложись и спи.

Бросив на жену сердитый взгляд, Звиад выключил свет и вышел в столовую. Он был удивлен, увидев там Текле.

— Что это значит? — испуганным голосом спросила Текле.

Звиад быстро взял себя в руки и, вытянувшись перед матерью, сказал басом:

— А это значит, моя любимая мать, что твой сын, Звиад Николозович Диасамидзе, готов к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук! Честное благородное слово, калбатано Текле!.. Ваш сын...

— Ты что всю ночь провел на ногах? Хотя зачем я спрашиваю, и так по лицу видно, что глаз не сомкнул.

Текле нахмурилась, плечи ее поникли, и казалось, она вот-вот заплачет. Звиаду стало жаль мать.

— Да нет, я спал. Даже сон видел...

Текле посмотрела ему в глаза.

— А что ты видел во сне?

От этого вопроса Звиад растерялся. Улыбнувшись, он сказал:

— Сон-то я не видел, но действительно спал.

В комнату вошла Русудан. Протерев глаза, она посмотрела на висевшие на стене часы и с удивлением перевела взгляд на мать и брата. Текле вспыхнула:

— Тебя только здесь не хватало! Ты-то чего так рано поднялась?

Но испуганный вид Русудан смягчил ее сердце, и, обняв дочь за талию, Текле проводила ее до дверей спальни.

Звиад открыл окно и выглянул во двор. Около крана голый до пояса стоял их сосед Шадиман Шарангиа и энергично растирался полотенцем.

«Да, вот как судьба играет человеком. Он окончил историко-философский факультет, а работает директором столовой. У него есть свой собственный, правда, своеобразный, взгляд на жизнь с ее радостями и невзгодами, и мой отец напрасно пытается перевоспитать его... А у меня как получилось? Я ведь увлекался легкой атлетикой и собирался поступать в институт физкультуры, но мой дядя «предсказал» большое будущее сельскохозяйственной механизации Грузии, и меня сунули в сельскохозяйственный институт. В том, что меня приняли туда, занятия легкой атлетикой сыграли не последнюю роль — да благословит ее господы!»

— Ты что, уже начал защиту? — услышал Звиад голос матери.

— Да, — громким голосом отозвался Звиад, — я репетирую, мама, а вот ты меня просто удивляешь. Ну, чего ты так волнуешься с самого утра! Не собираешься ли ты со мной вместе защищаться сегодня?

— Как будто ты не знаешь, что меня волнует?

— Знаю, что ты скажешь: ужин, гости... Видишь, мама, какая сложная и запутанная штука жизнь: сын и мать не могут сказать друг другу правды! Сегодня твой сын делает шаг вперед на жизненном пути, поднимется на одну ступеньку общественной лестницы. Это тебя радует, но ты боишься — не дай бог поскользнется! Ты боишься, как бы этот страх не передался мне, и стараешься скрыть его от меня... Ты забываешь, что я уже не ребенок, мама!

100115

С шумом открылась дверь, и вошел Нико. По всему было видно, что встал он уже давно, его редкие волосы были тщательно зачесаны. Нико улыбнулся жене и сыну и взглянул на часы.

— Доброго вам утра... Что за споры спозаранку, ведь до вечера еще много времени!

Текле с раздражением посмотрела на мужа и встала.

— Ну, что ты заладил одно и то же: еще много времени.

— Я должен это твердить, дорогая моя Текле, должен, — чеканя каждый слог, сказал Нико, — я не люблю излишней суеты! Прошу прощения, но вы, женщины, всегда найдете повод для беспокойства: где поставить эту вещь, а эту где повесить, кого посадить во главе стола... Все это мелочи! В жизни самое главное — спокойствие, да, именно спокойствие! Спокойствие помогает нам в больших и трудных делах...

Сердитая Текле вышла из комнаты. Сев в кресло, Нико спросил уже дошедшего до двери Звиада:

— Ты ведь спокоен?

— Спокоен, отец!

Нико явно не понравилось «спокойствие» сына.

— Это хорошо... Только у тебя почему-то немного дрожит голос.

Звиад отвел взгляд.

— Голос? Это от радости, — как можно беззаботнее сказал Звиад.

— Возможно... Надеюсь, ничего непредвиденного не произойдет?

— Не думаю, отец!

Нико посмотрел сыну в глаза и жестом подозвал его к себе. Несмотря на то, что в комнате никого не было, Нико поднялся с кресла и шепнул сыну на ухо:

— Несомненно, благодаря Рамишвили!

— Благодаря Рамишвили? — удивился Звиад. — Почему? Рамишвили утверждает, что мои расчеты правильны, а ты знаешь, какой вес имеет мнение Рамишвили!

Нико скептически улыбнулся.

— Вес мнения Рамишвили уменьшается оттого, что он твой родственник.

— У профессора на лбу не написано, чей он родственник.

— Мы же знаем? Я, ты, твоя мать, твоя жена? Будь уверен, что и другие узнают, если им понадобится, и прекрасно сумеют этим воспользоваться.

Внезапно Звиада охватил страх. Отец наверняка что-то знает, но не хочет сказать прямо.

— Здесь дело касается расчетов и вычислений. А цифры говорят сами за себя, это тебе не история! — заметил Звиад.

Нико горько усмехнулся. Казалось, ему вдруг стало жарко, он расстегнул ворот рубашки и стал искать в кармане халата платок, чтобы вытереть со лба пот. Откашлявшись, он пробурчал:

— Бедная история! История опирается на истинные факты, она имеет свои собственные законы, так же как ваша механика и математика! История... Да, история.

Нико начал нервно ходить из угла в угол. Глаза у него потускнели, подбородок начал дрожать, на лбу опять выступили капли пота. Казалось, что всегда спокойный и уравновешенный Нико Диасамидзе потерял самообладание. Страх снова кольнул Звиада в сердце. Он попытался оправдаться перед отцом.

— Отец, я хотел сказать...

— Знаю, знаю, что ты хотел сказать, — грозно посмотрел на него Нико. — Это не только твое мнение, твой профессор тоже так рассуждает и очень ошибается! Если бы он знал историю своей страны, то по-другому оценил бы твою диссертацию...

В дверях появилась испуганная Текле. Она слышала спор отца с сыном и с язвительной улыбкой обратилась к Нико:

— Доброго вам утра! Что за споры спозаранку, ведь до вечера еще много времени!

— Для умного спора всегда время, дорогая моя Текле, — сдержанно ответил Нико, — дело в том, о чем спорят.

Текле позвала отца и сына завтракать. Звиад пошел с матерью, а Нико махнул рукой, что, мол, придет потом, сел в кресло и, закрыв глаза, теперь уже тихо, для себя, продолжил спор с Силованом Рамишвили: «Бедная история! Да, Рамишвили считает, что механика — наука, а наша история — сказка завязного вруна! Вы только послушайте его!».

В комнату вошел сосед Диасамидзе Шадиман Шарангиа. Нико встал с кресла и радостно пошел ему навстречу.

— Доброе утро — хлеб-соль этому дому! — пробасил Шадиман.

Нико пожал ему руку и улыбнулся.

— Дай бог тебе здоровья! Странный ты человек, Шадиман, с утра уже думаешь, где бы выпить да закусить!

— С утра надо хорошо подкрепиться, батоно Нико, а история потом слять пробасил Шадиман.

— И ты тоже против истории? — Нико нахмурился.

— Что вы, — решительно возразил Шадиман, — я не мыслю жизни без истории и философии, батоно Нико! Ваш любимый Эпикур говорит, что началом и основой основ всякой доброты является удовольствие желудка — мудрость и все добродетели связаны с ним.

Шадиману самому понравилось то, что он сказал, и, разведя руками, он смело улынулся Нико.

— А что вы, батоно Нико, думаете на этот счет? История будет отрицать это соображение?

— Ты все чересчур упрощаешь, Шадиман, — как бы между прочим ответил Нико.

— Каждый человек, — все более смелел Шадиман, — по своей природе материалист. Существует голос плоти, вызываемый голодом, жаждой, ощущением холода — и наша душа прислушивается к этому голосу в первую очередь. Поэтому мы и стремимся, чтобы у нас было что поест, что выпить, что надеть, чтобы нам было тепло. И когда мы имеем все это, жизнь кажется нам прекрасной...

Нико усмехнулся и хотел сказать Шадиману что-нибудь такое, чтобы тот понял, что у него нет никакого желания продолжать разговор и обсуждать в это утро подобные вопросы, но вместо этого с упреком бросил Шадиману:

— Значит, ты вял голосу желудка и, повернувшись спиной к истории, помчался в столовую, не так ли?

— Нет, это произошло по более серьезной причине. — вошел в роль Шадиман, — я, батоно Нико, реалист! Просто я понял, что ничего нового в исторической науке не скажу, и освободил дорогу другим. Я уверен, что, если некоторые ваши уважаемые коллеги поступят таким же образом, наука не пострадает.

Нико не понравилось, как думает об историках директор столовой, и он сердито сказал:

— Слишком много на себя берешь, дорогой Шадиман!

— Уж и не так много, как вам кажется, — убежденно сказал Шадиман. — Однако, батоно Нико, я в такую рань к вам пришел не для того, чтобы спорить! Сегодня ведь в вашем доме большой праздник, и я по-соседски вношу свою лепту.

Нико (каким-то очень домашним тоном) — Правда?

Шадиман — Форель в вашей кухне, живая, еще трепещет.

Нико — Замечательно! А где вы ее купили?

Шадиман — На рынке.

Нико — На каком рынке?

Шадиман — На нашем рынке.

Нико — На Верийском?

Шадиман — Верийский — это ваш рынок, а я вам сказал, на нашем рынке.

Нико — А где этот ваш рынок?

Шадиман — Вы его не найдете!

Нико — Почему же? Я знаю все тбилисские рынки!

Шадиман — А вот рынки директоров столовых все же не найдете, уважаемый Нико! У него нет адреса... Если покупатели узнают, где он находится, стены разнесут.

И Шадиман, стоя в непринужденной позе, как-то еще больше выпрямился, чуть поведя широкими плечами, и с торжеством посмотрел на соседа.

— Да, форель — это сила, очень большая сила, дорогой Нико. Я хочу напомнить случай из истории: во время одной войны армия, штурмовавшая крепость, обессилела от голода, солдаты буквально валились с ног. Штурм срывался, и тогда военачальник прибегнул к хитрости: он объявил воинам, что враг так яростно сопротивляется потому, что в крепости находится бассейн, полный форели. И вот тут-то у наступавших прибавилось сил, они стремительно атаковали крепость и взяли ее... И летописец записал, что сила форели превосходит силу крепости! Помните это место из «Картлис цховреба», батоно Нико?

Нико (очень сердито) — Наверняка это написали фальсификаторы.

Шадиман (улыбаясь) — Историки способны на фальсификацию!

Нико — Шадиман, вы что, навеселе?!

Шадиман широко улынулся и, разведя руки, как будто желая заключить Нико в свои объятия, приблизился к соседу и прошептал ему на ухо:

— Вы правы, я уже зарядился, пропустил пару рюмочек — двести грамм... Кстати, так как у вас сегодня соберутся очень уважаемые люди, то водку я тоже пришло...

— Зачем? Уж водка-то продается в магазинах! — с удивлением в голос сказал Нико.

Шадиман с явной насмешкой посмотрел на соседа.

— Вашими устами мед пить, батано Нико, но водка, которую вы купите в магазине, будет сильно разбавлена водой. А я возьму прямо с завода... Хотя и оттуда она выходит уже разбавленной, но у меня есть знакомый, он мне поможет.

Нико перекрестился.

— Мы ведь тоже верующие, господин историк, — просипел Шадиман, — но такие верующие, которые мясо сами едят, а господу богу кости жертвуют.

И Шадиман, тоже осенив себя крестом, с улыбкой посмотрел на соседа.

— Извините меня, батано Нико, я сейчас же уйду, но не считайте мою душу загубленной: рынок директоров столовых не я основал. Когда вашего покорного слугу благословили на пост директора столовой, у этого рынка уже была, если можно так выразиться, трехтомная история.

* * *

Из Москвы прилетел Реваз, и семья Диасамидзе немного успокоилась. Так разлившаяся река наконец входит в свои берега, и ее воды снова становятся чистыми.

Нико не мог спокойно усидеть на месте и под каким-то предлогом ушел из дому. Текле ни о чем не спросила мужа, уверенная, что он отправился в институт. У них было уговор, что Нико не будет присутствовать на защите сына, он считал, что это неудобно, но, очевидно, в последний момент отповское сердце не выдержало, и он пошел... Да, Нико незаметно прокрадется в зал и скромно сядет где-нибудь в уголке. У него же есть книга? Вот он откроет эту книгу, надеет очки и будет себе читать и читать, словно пришел сюда по долгу службы и судьба диссертации и диссертанта его нисколько не интересует... Да, Нико сбежал, на самом деле сбежал от Текле, не смея признаться ей в том, что изменил ранее принятому решению, потому что он не мог не присутствовать на защите сына. Дома оставались только Текле, Лили и повара. Скоро должны были прийти подруги Русудан и Лили, которые поехали то ли в Дигоми, то ли в Цавкиси за цветами, чтобы украсить квартиру.

В дверь позвонили, и Текле очень удивилась, увидев вместо девушек сердитого Нико.

— Ну что, принесла Жужуна икру? — насмешливо спросил он.

— Нет еще, но она принесет, — растерянно ответила Текле, а Нико вспыл:

— Не принесла и не принесет! И чтобы я не слышал ни об Авлабарском рынке, ни о рынке директоров столовых! Пусть каждый своим делом занимается и знает свое место! Вот так-то!

Нико протянул Текле завернутый в пергаментную бумагу сверток с черной икрой и, подмигнув удивленной жене, велел положить в холодильник.

— Если меня кто-нибудь будет спрашивать, меня нет дома.

Нико пошел в свою комнату и, не раздеваясь, лег на тахту.

«... Сейчас, наверное, говорит уже второй оппонент, наш дорогой и уважаемый профессор Силован Рамишвили. Присутствующие, конечно, с большим вниманием и интересом слушают профессора, и в зале уверенно звучит его тенор. «Постепенно механизация все глубже и глубже внедряется в грузинское сельское хозяйство, благодаря чему заметно повышается культура земледелия. Крестьянин все больше разгибает спину и при меньшей затрате сил и энергии получает больший урожай, нежели прежде. Именно это подтверждает этот, я бы сказал, блестящий труд диссертанта...».

У некоторых из присутствующих в зале на лицах появится как будто ничего не означающая усмешка, но у Рамишвили прекрасный слух и острое зрение. Он услышит и увидит скрытую насмешку и сам с усмешкой посмотрит на аудиторию и, не прерывая мысли, уверенно заключит: «...И поэтому я считаю, что автор труда достоин присуждения ему степени кандидата наук».

Самое главное — это заключение, а ведь вы слышали, что сказал главный оппонент. Все остальное — простая формальность. Председатель ученого совета обратится к присутствующим с вопросом, не хочет ли кто-нибудь высказаться. Зал ответит молчанием. Председатель еще раз обратится к сидящим в зале, и, так как ответом ему опять будет молчание, он прервет заседание ученого совета и попросит посторонних временно покинуть зал. Гости поднимутся с мест, улыбаясь диссертанту и как бы заранее поздравляя его с успехом. Постепенно зал опустеет, выйдет и диссертант и, скромно стоя в коридоре, будет ждать решения

своей участи... Потом все пойдет как обычно: голосование и подсчет голосов, минут двадцать займет составление протокола заседания ученого совета. Потом откроется дверь, и всех снова пригласят в зал. Диссертант поднимется на кафедру, председатель попросит внимания, и секретарь совета зачитает протокол. Аплодисменты, поздравления, поцелуи...»

Нико посмотрел на часы, было уже четыре. Заседание ученого совета, должно быть, уже закончилось, и Русудан с Ревазом приглашают гостей. Хотя для чего приглашения, весь ученый совет и так пожалует к Диасамидзе, а уж они не ударят лицом в грязь.

Нико быстро поднялся с тахты и, выйдя в столовую, увидел там группу девушек. Он медленно обошел вокруг вытянувшегося от стены до стены накрытого стола и, удовлетворенный осмотром, любезно улыбнулся девушкам. Потом он отправился в кухню к Текле и Лили.

— Икра пусть пока лежит в холодильнике, да и форель тоже! — распорядился Нико и, ободряюще улыбнувшись жене и невестке, поспешил в столовую.

— Я думаю, гости уже должны подойти.

— Пусть приходят, батоно Нико, мы встретим их как полагается.

Нико еще долго бродил из комнаты в комнату, несколько раз выглянул на улицу, но гостей все не было видно. Часы показывали начало шестого. Ожидание становилось невыносимым, и, схватив палку, Нико вышел на улицу.

Начался час «пик», и улицы были забиты машинами. Нико присоединился к бесконечной веренице возвращавшихся с работы людей и пошел по улице, увлекательный этим людским потоком. Идя навстречу своим гостям, Нико оказался у Верийского моста.

— Куда вы, батоно Нико? — вдруг услышал он голос Шарангиа и остановился, щурясь от удивления.

— Да тут у меня небольшое дело, Шадиман.

— Я пойду с вами!

— Нет, ты ступай домой и помоги женщинам... а я скоро вернусь, — в растерянности сказал Нико и, не дожидаясь ответа Шадимана, пошел вверх по улице Элбакидзе.

... Но скоро Нико снова оказался на Верийском мосту. Да, ему уже трудно подниматься в гору. Вот и теперь он не прошел и половины подъема, а так устал, что с трудом мог дышать, и колени у него подкашивались. Пришлось прислониться к платану, чтобы дать отдохнуть уставшим ногам, а потом медленно повернуть назад... Нико возвращается домой, ведь гости наверняка уже пришли и спрашивают хозяина, а раз так, хозяин сейчас же явится. Дорогие гости, простите Нико его небольшое опоздание.

Эти мысли придали Нико силы, и он зашагал быстрее. Приблизившись к дому, он взглянул вверх и увидел в окне невестку. Казалось, она вот-вот выскочит из окна, высматривая кого-то на улице. Это его встревожило и испугало.

— Очевидно, еще никто не пришел.

Огромного труда стоило Нико подняться по лестнице. Его встретила открытая дверь и тишина. Встревоженная Лили стояла у окна, продолжая смотреть на улицу, девушки закрылись в комнате Звиада, в кухне, ничего не видя и не слыша, скорчившись, на низенькой табуретке сидела Текле, около холодильника, словно аршин проглотив, стоял Шадиман Шарангиа.

Ни слова приветствия, ни единой улыбки, точно все потеряли дар речи, пораженные чем-то. Тишина и страх царили в доме Диасамидзе.

Нико обошел заставленный яствами стол, и он показался ему печальным и словно бы дремлющим.

От дурного предчувствия у Нико заняло сердце, и он опустился в кресло.

В столовую вошла Текле и, увидев дремавшего мужа, обиделась — нашел место и время спать. Она громко кашлянула, потом с шумом передвинула несколько стульев и включила свет в надежде, что муж проснется, но Нико продолжал неподвижно сидеть в кресле и беззаботно посапывать.

Текле позвала невестку.

— Стыдно просто, гости скоро придут, а он спит. Разбуди его.

Лили села в кресло рядом со свекром.

— Мы завтра же уезжаем, — не очень громко и как-то нараспев сказала она. Делая вид, что он и вправду спал и голос невестки отрезвил его, Нико зашевелился, потянулся и, открыв глаза, неохотно сказал:

— Я не расслышал, что ты мне сказала...

— Я сказала, что мы со Звиадом завтра же уедем.

Нико опять закрыл глаза.

— А-а, уезжаете.

— Я уже все приготовила.

— Это хорошо, что ты уже все приготовила, — все так же нехотя ответил

Нико.

Стенные часы пробили семь раз.

— Уже вот-вот должны подойти, — сказала Лили и подбежала к окну.

Из кухни послышался голос Текле: «Что, идут? Ну, наконец-то! Встречайте!»

— Я просто сказала, что вот-вот подойдут, — Лили обошла вокруг стола. — Вот здесь сядут представители министерства (на «территории» министерства несколько стульев нарушали общий порядок, и Лили подвинула их). С этой стороны до конца стола сядут члены ученого совета. Напротив — места для представителей парткома и профкома. С почетными гостями все ясно. Если еще останется место, то здесь же можно будет посадить случайных гостей. В крайнем случае, есть и моя комната! И дело с концом. Все сидят за столом. Нужно только выбрать тамаду.

Лили опять села рядом с Нико.

Нико продолжал дремать и только чуть пошевелинулся в кресле, давая ей понять, что он слышал, как она села рядом.

— Я изменила план нашей поездки, — громко сказала Лили.

— Ну и хорошо.

— Что хорошо?

— Что изменила.

— Из Ленинграда мы поедem в Ригу, из Риги — в Киев, а из Киева — в Одессу...

— Прекрасно.

— Из Одессы — в Гагра. В Гагра будем отдыхать.

— Мне Гагра не нравится, — убежденно сказал Нико.

— Почему?

— Жара... шум...

— Зато там весь Тбилиси.

— Да, это тоже верно, — отозвался Нико и вдруг неожиданно спросил: —

А не позвонить ли в институт?

Лили вздрогнула и, казалось, только теперь почувствовала, как затянулась защита.

— Но ведь в актовом зале нет телефона... Наши, наверное, уже идут домой, а то сами бы позвонили. — И вдруг, подойдя к окну, она, воздев руки, истерически закричала:

— Вестница идет! Русико идет!

При этих словах Нико вскочил с кресла, заспешила из кухни Текле, с шумом выбежали из комнаты Лили девушки.

К дверям раньше всех успела Лили.

Медленно, как-то нехотя поднималась Русудан по лестнице, ноги не слушались ее. Увидев на пороге отца, она остановилась, пытаясь унять стук собственного сердца.

— Кончилось, дочка? — испуганным голосом спросил Нико.

Русудан вздрогнула, с трудом одолела оставшиеся ступени и грустно посмотрела вокруг. Встретившись взглядом с испуганными глазами отца, она опять вздрогнула и остановилась.

— Все кончено, отец! — с надрывом, каким-то безжизненным голосом сказала Русудан.

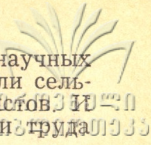
Вначале защита диссертации проходила именно так, как представил себе Нико.

Актовый зал был переполнен. На защиту пришли студенты последнего курса сельскохозяйственного института, аспиранты, молодые научные работники, уже пожилые профессора и преподаватели, заслуженные ученые — словом, весь цвет института собрался в этом зале.

...Заседание ученого совета началось вовремя. Диссертант сначала заметно волновался, но, постепенно успокоившись, обстоятельно изложил основные положения своей работы и ответил на замечания, высказанные в рецензиях оппонентов. Потом наступил черед оппонентов. Первым выступил кандидат наук Илларион Цхададзе, который волновался больше, чем сам диссертант. Он решил бы обойти без конспекта, но сразу же, едва начал выступление, так растерялся, что ему все-таки пришлось прибегнуть к его помощи. Его выступление несколько затянулось: временами он пытался оторвать взгляд от лежавшего перед ним листа бумаги и при этом даже снимал очки и гордо смотрел на аудиторию, давая понять, что в рукописи он заглядывает только по привычке. На самом же деле, как только его глаза отрывались от бумаги, он терял ход мысли, снова топропливо надевал очки и читал, уже сильно волнуясь и смущаясь.

Когда он кончил, по залу пробежал шепот и кое-где послышались смешки. Председательствующий позвонил в колокольчик, требуя тишины, зал утих, и тогда на кафедру поднялся профессор Силован Рамишвили. Он спокойно провел рукой по седым волосам, сняв очки, улыбнулся аудитории и прокашлялся.

Профессор Рамишвили известен всем как автор многочисленных научных трудов и обаятельный оратор. Он как свои пять пальцев знает все отрасли сельского хозяйства, на его трудах воспитано несколько поколений специалистов. Вот этот заслуженный ученый, разобрав некоторые вопросы механизации труда в грузинской деревне, дал высокую оценку работе диссертанта.

...После окончания официального диспута председатель ученого совета по обыкновению спросил, не желает ли кто-либо из присутствующих высказаться, а так как в таких случаях добровольцев обычно не бывает, то он, даже не посмотрев в зал, объявил временный перерыв в заседании.

— Я прошу слова, — послышался голос из зала.

Председательствующий растерялся, но тут же, позвонив в колокольчик, извинился за поспешность. Посмотрев в зал, он увидел стоявшего рядом с Русудан бывшего студента института Арчила Джиноридзе. Председатель узнал его сразу, но не подал и виду и официальным тоном спросил:

— Какую организацию вы представляете?

— Я — агроном.

— Я вас спрашиваю, какую организацию вы представляете? — так же строго и официально повторил свой вопрос председательствующий.

— Я работаю агрономом в колхозе. Может быть, вы слышали о земоимеретинском селе Итхвиси? Я — Арчил Джиноридзе.

По залу пробежал шепот, послышался шум, возгласы удивления.

— Вы наш институт кончали, товарищ Джиноридзе?

— Да, я ваш бывший студент!

— Не помню! Но это не имеет никакого отношения к делу. Пожалуйте, товарищ Джиноридзе!

Председатель ученого совета позвонил в колокольчик, зал затих, и агроном из Итхвиси поднялся на кафедру.

— ... Я представил свои замечания диссертанту в письменном виде, но, возможно, он не получил моего письма или просто не придал значения моим замечаниям. Поэтому мне придется самому высказать ученому совету свои соображения по поводу диссертационной работы товарища Диасамидзе. Я не буду говорить о первой части труда, в которой рисуется неверная картина состояния механизации труда в сегодняшней грузинской деревне, а остановлюсь на главном, на заключительной части диссертационной работы: в ней приводятся явно ошибочные расчеты мощности сельскохозяйственных машин, а именно тракторов и комбайнов. И это ошибка не только диссертанта, но и уважаемого профессора Силована Рамишвили и Министерства сельского хозяйства. В результате этой ошибки для трактора и комбайна установлена одна и та же норма выработки на Мухранской равнине и в горных районах. Профессор Рамишвили и диссертант Диасамидзе утверждают, что машины теряют мощность только на подъеме, а на самом деле агрегаты теряют мощность и на пологом склоне, и даже на незначительном уклоне. Комбайнеры и трактористы давно уже говорят об этом, но безуспешно. К сожалению, Министерство сельского хозяйства упорно стоит на своем. Печально, что специалисты поддакивают министерству, этой же цели служит и труд диссертанта.

Воспользовавшись доской, Джиноридзе при помощи формул и математических выкладок доказал ученому совету неверность расчетов в диссертационной работе Диасамидзе.

Диссертант ничего не ответил Джиноридзе, Силован Рамишвили тоже почему-то решил воздержаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Большая комната в квартире Диасамидзе тонет в полумраке. За накрытым столом в кресле сидит Нико, а его единственный гость Шадиман Шарангиа из угла комнаты украдкой поглядывает на стол, сожалея о том, что пропадает такое божественное угощение. Он все порывается встать и уйти. Впервые видит Шадиман, чтобы не было гостей за таким столом, и это его злит. Вот сейчас встанет и уйдет единственный гость, но неудобно перед хозяином, а сам хозяин сидит в кресле и дремлет. Сначала его утомило ожидание гостей... А потом? Потом пришла Русудан и принесла эту ужасную весть. Она была как гром среди ясного неба. Нико побагровел и не смог вымолвить ни слова, даже не выругался, не отвел душу... только застонал и опустился в кресло. После этого прошел почти час, а Нико все сидит с закрытыми глазами, привалившись к спинке кресла, и молчит.

Когда все вышли из комнаты, а Нико заснул в кресле, Шадиман, улучив момент, поставил в холодильник разложенную по маленьким тарелкам икру, а потом, собрав форель, с благоговением сложил ее в небольшие кастрюли и тоже отнес в холодильник... Нарочно топя ногами, он обошел вокруг стола, громко кашлянул, но Нико даже не шелохнулся. Все-таки не решаясь открыть дверь, Шадиман осторожно сел на стул в углу комнаты.

Что же это за порядки такие, зять и шурина после провала диссертации сбежали в дом зятя, а Текле, Русудан и Лили закрылись каждая в своей комнате. Шадиман видел еще каких-то людей, которые суеились в квартире, но теперь и их не слышно. Нико дремлет в кресле, а что же делать Шадиману? Так и сидеть сложа руки? Он голоден, ему хочется выпить (ну что такое один стаканчик, в конце концов), но и того не смеет. Шадиман решительно встал и направился в двери.

...Нико очнулся и обвел взглядом комнату:

— Шадиман, ты здесь?

— Да, батона Нико!

— Как хорошо, что ты не ушел! Я что, спал?

— Очень недолго.

— Как это со мной могло случиться? Почему тебя оставили одного? Звиад не приходил?

— Нет, еще не приходил.

— Русудан! — по обыкновению громко крикнул Нико.

Русудан и Лили вошли вместе.

— Почему так темно? Зажгите люстру и позовите Текле!

— Папа, маме нездоровится, она лежит, — шепотом сказала Русудан.

— Ничего, пусть Лили поможет ей встать и приведет сюда, а ты сыграй что-нибудь веселенькое на рояле, только громко, чтобы все соседи слышали...

— Неудобно, папа!

— Я сам знаю, что удобно, а что нет. Играй, играй! Лили и твоя мать будут хлопать в ладоши, а мы с Шадиманом — танцевать! Не смейте грустить, давайте пировать и веселиться! Да, да, я приказываю веселиться!

В комнату в сопровождении Лили вошла с завязанной головой Текле. Нико усадил Шадимана, Текле и Лили за стол, а Русудан — к роялю.

— Сюда бы этого агронома! — вдруг вырвалось у Нико.

— Какого агронома, папа? — не поняла Русудан.

— Какого, да золотого... Кажется, его фамилия Джиноридзе?

— Наглец! — резко сказала Русудан, а Нико рассердился.

— Раз Рамишвили и Цхададзе хвалили твоего брата, а Джиноридзе доказал, что все они неправы, то он наглец?

— Ты бы только послушал его выступление! Такой надменный тон...

— А что, тон! — все больше распалялся Нико. — Видите ли, нам не нравится тон противника! Нам не по себе от этого тона! Он говорит правду, мы прекрасно видим, что его доводы верны, и только потому, что ничего не можем возразить, во всеуслышание заявляем, что нам не нравится его тон. Мы готс-вы обвинить его в надменности только потому, что он доказал неверность наших выкладок. Ничего себе, хороший выход из положения...

Никто не проронил ни слова. Нико молодцеватой походкой прошелся вокруг стола, в запальчивости, словно споря с самим собой, отрывисто изрекая: «История! Да, да, история!», «Тон!», «Приношу глубокую благодарность!», «И это ваша документация...»

В дверь позвонили. Присутствующие недоумевающе переглянулись.

— Это Звиад, — сказал Нико, направляясь к двери, но Шадиман опередил его.

Вошли Силован Рамишвили и Илларион Цхададзе. Шадиман, не закрывая двери, вышел на лестницу, чтобы встретить остальных гостей, но в подъезде никого не оказалось, и, огорченный, он вернулся.

Рамишвили, ни с кем не поздоровавшись, бросил в кресло шапку и портфель и принялся ходить вокруг стола. Цхададзе же вежливо поклонился хозяевам, поцеловал руку Текле и робко сел на стул, держа шапку и портфель на коленях. Взглядом он следил за метавшимся вокруг стола Рамишвили.

— Я только на минутку. Позовите Звиада! — бросил Рамишвили и взглянул на Нико.

— Его нет дома, — спокойно ответил тот.

Рамишвили посмотрел на часы.

— Звиада нет дома? Ну что ж, хорошо. Я категорически заявляю, что решение ученого совета неправильно. Мы поедем в Москву, там представим диссертацию и там же защитим!

— В Москву? Почему, профессор? — удивился Нико.

Рамишвили приблизился к Нико. Он подошел так близко, что Нико пришлось отступить назад.

— Именно в Москву! — поднял голос Силован Рамишвили, — Да, да, в Москву! Там нас поймут, и там выяснится, кто прав — ученый совет или мы! Моему мнению предпочли мнение неофициального оппонента. Вы понимаете, батона Нико, что это значит? Вам понятен их расчет? Диссертационная работа здесь ни при чем, главная причина кроется в другом! Я утверждаю, что Звиад Диасамидзе — талантливый человек, а у таланта всегда найдется противник и

соперник! Так было, есть и будет! Да не смотрите вы на меня с таким удивлением, я вам правду говорю!

Нико отступил еще на шаг.

— Таланта никто не сможет отнять, дорогой Силован!

— Зато преградят дорогу, обрежут крылья, возьмут в оборот и принудят к покорности, а покорность и талант — вещи несовместимые! Да, талант и покорность даже одной ночи не могут оставаться под одной крышей, так-то, мой друг... А потом, кто доказал, что у Рамишвили помутился рассудок, что глаза у Диасамидзе не на месте, а разум и глаза агронома...

— Арчил Джиноридзе и... жизнь, сама жизнь! — решительно сказал Цхададзе и встал.

Рамишвили подскочил к нему, потрясая кулаками над головой:

— Ну, и кого же вы подразумеваете под этой жизнью, уважаемый товарищ доцент? Почему вы и ваши коллеги думаете, что эта жизнь не я или кто-нибудь другой и даже не этот ваш Джиноридзе? Значит, только кто держит в руках лопату и серп, тот и есть жизнь? Мои знания, мои мысли, мои исследования, мои труды и бессонные ночи — не жизнь? Доцент Цхададзе и его коллеги должны бы знать, что Силован Рамишвили в свое время и серпом жал, и лопатой землю рыл, и секатором резал, и на тракторе тоже сидел... И почему Силован Рамишвили не жизнь? А непременно агроном колхоза жизнь? Ответьте мне, доцент Цхададзе!

Глаза Рамишвили метали молнии. Он бушевал, и слова его были похожи на завывание. Цхададзе, не ожидая такой реакции профессора, не решился продолжать спор и собрался уходить.

Раздался звонок. Дверь опять открыл Шадиман и, когда Рамишвили увидел секретаря ученого совета Левана Дочвири, тотчас поспешил ему навстречу.

— Как вы вовремя пришли, коллега! Можете себе представить, что я никак не могу убедить уважаемого Нико, что решение ученого совета неправильно, что произошла ошибка, недоразумение. Какое у вас мнение на этот счет?

— Я думаю, что все совершенно ясно, — холодно сказал Дочвири.

Ответ Дочвири не понравился Рамишвили, и он с вызовом спросил:

— А все-таки, что же вам ясно?

— Неужели вы сами не знаете?

— Нет, я ничего не знаю!

— Ученый совет вынес правильное решение, уважаемый профессор!

Профессор опять вспыхнул и, нервно рассмеявшись, язвительно бросил в лицо Дочвири:

— Не живите чужим умом!

Все смутились, не ожидая от Рамишвили такой грубости. Леван чувствовал, что возбуждение Рамишвили уже перешло в истерику и возражать ему не имело смысла, поэтому он только как можно спокойнее спросил:

— Кто вам сказал, уважаемый профессор, что я живу чужим умом?

— А мне не нужно, чтобы об этом докладывали! Мне достаточно посмотреть на человека, и я моментально догадываюсь, своим или чужим умом он живет. — Он пристально посмотрел в глаза Левану и заключил: — Вот, например, вы чужим умом живете, да, да, как раз чужим!

Это было уже чересчур, и Леван не выдержал.

— Вы сердитесь и становитесь невежливым!

— Жить чужим умом — первейшая невежливость, — грубо ответил Рамишвили, — пока Джиноридзе не выступал, ваши мозги были так (он сделал рукой жест), а после его слов сразу перевернулись, и вы, подойдя к урне, проголосовали против... А теперь вы пришли сюда, чтобы высказать родителям соблазнование! Что, попал прямо в точку? Правда-матка глаза колет!

... Хозяевам неловко. Больше всех встревожен Нико, несколько раз он пытался успокоить Рамишвили, но тщетно, и он вышел из комнаты, Текле и Лили последовали за ним.

— Не скрою, — очень сдержанно ответил Леван Дочвири, — что я бросил черной... Если бы вы заглянули себе в сердце, вы бы тоже так поступили...

— Так вероломно отрезать путь молодому ученому, — как-то утих Силован Рамишвили и другим тоном, но с прежней язвительностью продолжал: — Всадить нож в спину. Вы захотели угробить талант, но это вам не удастся, не выйдете, товарищ Дочвири! Вы думаете, я не знаю, чьих это рук дело? Мне ведь известно, что против проголосовало пятнадцать человек. Разве не так? Пятнадцать, да? Я могу назвать их фамилии! Хотите? Нет? Вам что, не по себе? Вот то-то и оно! Я прекрасно вижу, товарищ Дочвири, что вы и ваши коллеги хотите сдать меня в тираж, но рановато! Без Рамишвили вы ничего из себя не будете представлять. Ну, в конце концов, кто такой этот ваш Джиноридзе?

— Вы знаете его, — просто сказал Цхададзе.

— Я? Я знаю Джиноридзе? — удивился Рамишвили.

341036340
308-101033

— Да, вы его знаете! Он ваш бывший студент, — решительно подтвердил Цхададзе.

— Мой студент? — еще больше удивился Рамишвили. — Нет... что-то не помню! Очевидно, он был бездарным интриганом. Бездарные люди обычно озлоблены и желчны. Таких я не запоминаю!

— Этого не может быть!

— Замолчите! — с раздражением прикрикнул Рамишвили на Цхададзе. — Как вы смеете так со мной разговаривать, вы что, Джиноридзе?

— Ваш воспитанник сказал вам сегодня правду, — пришел на помощь Цхададзе Леван.

Повернувшись к Левану, Рамишвили отчеканил:

— Это вы тоже говорите с чужих слов!

— Во всяком случае, не с ваших!

— Вы, — растягивая слова, сказал Силован Рамишвили, — говорили с моих слов, товарищ Дочвири, когда я был заведующим кафедрой! А сейчас я рядовой профессор!

— Ложь! — крикнул Леван, а Рамишвили, словно приобретя новые силы, еще более разгоряченный и сердитый, накинулся на него:

— Правда, святая правда! Вы подражаете только начальству! Мнение и решение должностных лиц для вас закон, и вы являетесь не секретарем кафедры, а секретарем мнения заведующего кафедрой!

— Я не позволю вам!..

— Не нуждаюсь! — прервал Дочвири Рамишвили. — Я не нуждаюсь ни в каком позволении.. Ваше позволение пусть остается при вас, товарищ секретарь! Я вам сказал чистейшую правду, все это чувствуют, я, он (он показал на Цхададзе) и многие другие, они боятся тебя, потому что ты, — все более чеканя слог, продолжал говорить Рамишвили, — сделать дело другому не можешь, а вот испортить его — на это ты мастер. Это вы тоже великолепно доказали сегодня!

— Вы бесстыдно ждете! — бросил в лицо Рамишвили Леван и повернулся к нему спиной.

— Что вы себе позволяете, профессор? Это уже слишком, — начал было Цхададзе, и Силован Рамишвили накинулся на обоих:

— Слишком? Это вы слишком близко к сердцу приняли выступление Джиноридзе. Мы со Звиадом как-нибудь обойдемся без этого агронома и предъявим диссертацию в Москве.

— Конечно, после основательной переработки, — убежденно сказал Цхададзе.

— Никаких переработок! Все останется так, как есть, без изменений.

— Ведь все равно, откуда работу перешлют на заключение в наш институт, — глухо проговорил Леван. Услышав это, Рамишвили насмешливо спросил:

— Почему в наш институт, уважаемый секретарь?

— Потому что этот труд касается грузинского сельского хозяйства.

— А что, Грузию представляете только вы? Дочвири и Цхададзе — это Грузия? Рамишвили к Грузии не имеет никакого отношения? Будьте спокойны, в Москве имя Силована Рамишвили известно... Рамишвили знает грузинскую деревню, потому что в грузинской деревне Рамишвили жил.

— В ваше время грузинская деревня была иной.

— Вы говорите чужь! — распаялся Рамишвили. — Да, да, чужь! Мое время — сегодняшней день! Я и мои коллеги создавали его! Мы воистину являемся зодчими нашего сегодня, а некоторые, — горящие глаза Рамишвили устремились на Цхададзе и Дочвири, — да, некоторые только и стараются ловко использовать сегодняшний день! Не упрекайте меня, что я жил в прошлом, именно поэтому я лучше, чем вы, вижу сегодняшний день!

— Не надо спекулировать на своем возрасте, — глухо, почти беззвучно сказал Леван, но Рамишвили услышал.

— Извините, молодой человек! Я в летах, но еще не старик! Вы прекрасно знаете, что некоторые старики моложе иных юношей!..

... В комнату с шумом вошли Нико, Текле, Шадиман, Русудан и Лили. Они в соседней комнате прислушивались к перепалке гостей, и чаша их терпения переполнилась.

— Друзья, — пробубнил Нико, — даже между государствами устанавливается мир, а мы не можем добиться согласия между коллегами. Прекращаю войну и объявляю мир! Прощу всех за стол! Правда, мы очень опоздали, но это не моя вина!..

Шадиман Шарангия из-под руки посмотрел на стол.

— Какое великолепное угощение! Было бы жаль, если бы оно испортилось.

Это была явная бестактность, и даже Силован Рамишвили как-то приморительно посмотрел на Цхададзе и Дочвири.

— Сейчас, сейчас, дорогой Шадиман, — чтобы рассеять неловкость, это звался Нико. — Не скучайте, друзья, застолье есть застолье, и оно имеет свои законы! Русудан, ты играй, Лили будет петь, остальные — хлопать в ладоши, а мы с Шадиманом — танцевать... Но сначала промочим горло, поднимем тост! Ну-ка, веселей! Вы садитесь здесь, рядом со мной, дорогой Силован... Тамадой буду я, своим заместителем я назначаю Шадимана.

— Я буду виночерпием, а заместителем — наш дорогой профессор, батано Нико!

— Профессор устал... Виночерпием тоже буду я, Шадиман, — сказал Нико и взял кувшин, но подоспевший Шадиман выхватил его у него из рук.

— Друзья, — громким голосом начал Нико и оглядел стол, такой малоллюдный, что у хозяина защемило сердце, но он не подал и виду. Ободряюще улыбнувшись Текле, он подмигнул Лили и Русудан и приказал виночерпию наполнить чайный стакан.

— Друзья, с вашего разрешения я хочу предложить первый тост за сегодняшний день, — и он посмотрел на Силована Рамишвили. — Да, тост за сегодняшний день, профессор!

— За сегодняшний день? — удивился Рамишвили.

— Прошу прощения, уважаемый профессор, но я сказал именно то, что вы слышали.

В дверь позвонили. Тамада не обратил на это никакого внимания. Дверь пошла открывать Русудан.

— Папа, к тебе Джиноридзе! — холодно сказала она.

Рамишвили вскочил с места. В комнате воцарилось напряженное молчание.

— Джиноридзе? Пришел Джиноридзе? Проси его, сейчас же проси!

— Я ухожу! — резко сказал Рамишвили.

— Вам что, нездоровится, батано профессор? — спросил Цхададзе, однако они с Дочвири тоже встали.

Рамишвили бросил быстрый взгляд на Нико и с усмешкой посмотрел на Цхададзе и Дочвири:

— Нет! Я не вы, что подобны траве, выросшей на бывшем болоте.

И прежде, чем Джиноридзе вошел в комнату, Силован Рамишвили покинул дом Нико.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Давно не было в Хемагали такой зимы.

С двадцатого декабря девятый день подряд не переставая идет снег. Все родники занесло снегом, завалило дороги и тропинки, а колодца Абесалома Кикнавелидзе вообще не стало видно.

Екатерина испугалась, что провалится крыша школы, и распустила на занукулы учеников еще до наступления Нового года.

Снег пошел как раз в тот день, когда Александре Чапичадзе собирался поехать в Тбилиси. Внук Абесалома — Коки должен был помочь ему пройти по нагорью, а дальше Александре обошелся бы без чужой помощи, потому что до самой Херги дорога идет под уклон. Хотя зачем идти в Хергу? Ведь до платформы Сатевела ближе. Тбилисский поезд стоит там три минуты, а народу в такую погоду много не бывает! Забросил бы хурджин в вагон... и был бы сейчас уже с Татией, Андро, Русудан и Резо. Что они могут подумать, не дождаввшись его, ведь не было случая, чтобы Александре не приехал в Тбилиси на Новый год. Возможно, испугаются, что он заболел, и решат приехать... А что если они уже в пути? Какие только глупости не лезут в голову! Если Александре не сумел пройти по заснеженному склону, то им и подавно не подняться в гору. Нет, не встречать им вместе этот Новый год.

Но какая-то надежда еще теплилась в душе Александре.

Осторожно, на ощупь спустился он по ступенькам и вышел во двор, сделал один решительный шаг и по колено увяз в глубоком снегу. Опираясь на палку, он попытался дойти до ворот, но от чрезмерного напряжения у него перехватило дыхание, лоб покрылся испариной.

Расстроенный, Александре вернулся в дом и, бросив в угол балкона хурджин, который хотел взять с собой в Тбилиси, в сердцах сильно толкнул дверь

в большую комнату. Он развел в камине огонь и, отогрев руки, стал с неохотой готовить для себя трубку.

Трещит сухое буковое полено, пылает камин, в комнате тепло. У камина понурив голову, сидит Александре, и сердце у него разрывается от горя.

Он выбил о колено недокуренную трубку и зашвырнул ее на камин. Так ее недолго и сломать, но Александре сейчас не до нее.

Рассерженный вышел он на балкон и поразился: следы, оставленные им всего десять минут назад, уже занесло снегом. Нет, не дойти ему до ворот, да и глаза дальше ворот ничего не видят.

Мир кончался у ворот Александре Чапичадзе. Не различить ни дома Абесаломы Кикнавелидзе, ни школы большой Екатерины, исчезли и Хемагальские горы...

Да, воспарили горы Хемагали и скрылись вдали.

Идет снег. Одинаково белы небо и земля, белое небо слилось с белой землей, словно растворившись друг в друге, и в этом снежном круговороте белобородый Александре стал похож на деда-мороза, только хурджин его с новогодними подарками валяется на балконе. А в Тбилиси Александре с нетерпением ожидают внуки. Верно, стоят у окна, прильнув к стеклу, Татиа и Сандро, в ожидании дедушки. Обычно, услышав звонок, они наперегонки мчатся к воротам, чтобы успеть распахнуть перед ним калитку, и Александре с трудом протискивается в нее со своей ношей.

А Александре здесь, стоит на балконе своего дома и в белизне, соединившей небо и землю, тщето пытается отыскать дом Абесаломы Кикнавелидзе или школу большой Екатерины. Весь мир кончается здесь, у его ворот.

А снег все валит и валит. За весь день ни один человек не прошел мимо ворот Александре. И птицы разлетелись куда-то, и свиней Абесаломы не видно, а уж они-то каждый день с утра пораньше подходили к воротам Александре и хрюкали. И не просто хрюкали, эти глупые ненасытные твари оглушительно визжали до хрипоты, пока Александре не выносил им что-нибудь поесть, после чего они удалялись, благодарно похрюкивая и виляя хвостиками. Сегодня их, видимо, напугал снег. Он спрятал дома и горы, окутал туманом Хемагали, лишил голоса волны Сатевелы, а Александре загнал в дом.

Он с неохотой затащил хурджин в комнату.

Огонь в камине чуть теплится.

На камине, грустя, стоял чичилаки.

Александре не любит новогоднюю елку, украшенную мишурой и серпантинном.

Чичилаки — совсем иное дело. Александре кажется, что крестоподобный чичилаки улыбается ему, ведь он верит в его магическую силу и считает, что именно поэтому ему так повезло в жизни. Сын у него уже профессор, живет в Тбилиси, имеет собственный дом, невестка и внуки здоровы. Александре глубоко убежден, что в этом немалая заслуга чичилаки.

...Сделать чичилаки — целое искусство. Сначала очищенный от веток ствол мелкого ореха Александре подсушивает около горящего камина, а потом, зажав его между коленями, медленно и осторожно снимает с него руками кору, остальное уже делает нож — на ореховой палке появятся длинные, одинакового размера стружки, и чичилаки готов, белый, шуршащий, как шелк, приносящий людям радость чичилаки.

Потом Александре украшает крестоподобный конец чичилаки: на одну сторону креста он надевает красное яблоко, на другую — гранат, а сам чичилаки обвивает плющом.

«Пусть все мои будут здоровы, пусть множится наш род, пусть достаток не покидает нашего дома», — загадывает Александре, уверенный, что его желания исполнятся.

Вы не любите чичилаки и не верите, что он приносит счастье? Ну что ж, не верьте! Ваше дело. Но с Александре не спорьте, не бередите его душу. Вы не сможете переубедить Александре, он не отречется от того, во что свято верит.

Устанавливайте посреди комнаты новогоднюю елку, наряжайте ее, украшайте гирляндами сверкающих лампочек, а под ней стелите вату, словно это снег, и ставьте деда-мороза из палье-маше — смотрите и радуйтесь. Хлопайте в ладоши и танцуйте... Александре же предпочитает обтесанный собственной рукой ореховый чичилаки, чичилаки, похожий на крест. Яркое яблоко на нем яблоко и гранат, блестит плющ, шуршит, как шелк, чичилаки, и Александре Чапичадзе счастливо улыбается.

... Он подложил в камин большие буковые поленья, зажег лампу и поставил ее на камин.

В доме стало светло и тепло...

В этом небольшом, окруженном тенистым садиком двухэтажном доме, что стоит в Ваке в начале Имеретинской улицы, живет семья Реваза Чапичадзе.

Реваз Чапичадзе — глава семьи.

Русудан Диасамидзе — его жена и хозяйка дома.

Их дети —

Татиа

и

Сандро,

и Дареджан Амашукели, дальняя родственница Русудан, взятая в семью на воспитание, а потом превратившаяся в домработницу.

Как-то так случилось, что все памятные или сколько-нибудь значительные события в семье Чапичадзе произошли в апреле месяце.

Русудан и Реваз поженились в апреле.

Через год, как раз в апреле, у них родилась дочь, которую в честь бабушки Русудан назвали Татией.

Спустя еще два года в семье появился симпатичный бутуз, и на этот раз в честь отца Реваза в свидетельстве о рождении было записано имя Александре.

Даже Дареджан Русудан привезла из деревни Квемохвити в апреле.

Поэтому первая суббота и воскресенье апреля в доме Чапичадзе считаются праздничными.

В субботу Дареджан собирает детей,

в воскресенье — взрослых.

Строительство дома очень затянулось, так что Татиа и Сандро родились еще в доме родителей Русудан. Только три года тому назад, в апреле, семейство Реваза переехало на Имеретинскую улицу, и тогда в новом доме отпраздновали все сразу:

и дни рождения Татии и Сандро.

и восьмую годовщину со дня свадьбы Русудан и Реваза.

Дом кирпичный, и низкая ограда вокруг него тоже из кирпича.

Большую часть прилегающего к дому участка занимают фруктовый сад и огород. В одном углу двора Реваз посадил около сорока саженцев виноградной лозы таквери, специально привезенной из Хемагали, и виноград прекрасно прижился. Но подлинное украшение двора — это инжирные деревья сортов тетри, кесма и цуга. Тетри созревает в конце июля, Кесма — в августе. Цуга — в сентябре-октябре. Русудан больше всего любит кесму, потому что на ней не бывает червей, и высушенные солнцем прямо на деревьях плоды хорошо хранятся зимой.

Самую большую комнату на верхнем этаже занимают Татиа и Сандро. Несмотря на то, что Дареджан убирает у них по несколько раз на день, в комнате всегда беспорядок: на самых видных местах валяются клочки бумаги, сломанные карандаши, носки, туфли, стекла пестрят надписями, ковер на полу сдвинут в сторону, а дверь, ведущая в комнату Дареджан, распахнута.

Мастерскую Русудан Реваз устроил на чердаке. Отсюда через стеклянные двери открывается великолепная панорама города. Каждый раз, улучив минутку, Русудан спешит в мастерскую, но рисует она очень редко, и то лишь для собственного удовольствия. От участия в выставках она обычно отказывается, отговариваясь тем, что она, мол, домашняя художница. Портреты отца и матери, Реваза, детей... Да, эти картины Русудан рисовала с особой любовью. Портреты Татии и Сандро теперь висят в столовой, а родителей и Реваза — в спальне.

Конечно, «домашней художнице» нетрудно писать портреты своих родных. Каждая черта лица абсолютно точно переносится на холст, губы, глаза, лоб и, конечно, цвет волос. И перед вами точная копия натуры, но это еще не живопись. Русудан и сама отлично знает, что настоящая живопись — это нечто большее, что-то другое, и это «другое» требует от человека настоящего призвания, способности видеть мир «глазами художника», требует таланта. Она не чувствует в себе этого призвания, нет в ней чего-то такого, что непременно присуще художнику истинному. Не находит она этого и у художников своего поколения.

Выставка ее друзей произвела на Русудан удручающее впечатление. «Чайные плантации на побережье», «Старый Тбилиси. Набережная Куры», «Обновленный Самгори», «Прокладка дороги в Хевсурети», «Осушение колхидских болот», «Пастухи с отарой овец на зимних пастбищах»... Нет, эти картины не пленяли глаз, не действовали на воображение, не возбуждали эмоций, и у видевших их не появлялось желания прийти на выставку снова, чтобы посмотреть картины еще раз. Чайные кусты на этих полотнах слишком ярко-зеленые, пастухам не

холодно на зимних пастбищах, и улыбки их неестественны... Бульдозеры и экскаваторы, ведущие наступление на колхидский рогоз, на фоне растущих на отнятой у болот земле цитрусовых... Нет, Русудан сама была в Колхидской долине и знает, что новая Колхида представляет собой зрелище гораздо более трагичное и впечатляющее, нежели это изображено на холстах ее друзей. Такую картину и Русудан нарисовала бы. Это не что иное, как простое перенесение чего-то увиденного на полотно, но для создания настоящего произведения искусства одного видения недостаточно.

...Исходив вдоль и поперек необозримую Колхидскую долину, молодые художники остановились в деревне Кулеви. Они были поражены, увидев картины местного художника-самоучки, которые специально для них председатель колхоза велел выставить в сельском клубе.

Этим художником оказался сын кулевского рыбака по фамилии Одишариа, звали его Лонги. Рисовал он с детства и, окончив семилетку, поступил в Тбилиское художественное училище, то самое, где преподавала Русудан. Проучившись год, Лонги потерял всякий интерес к учебе, потому что он сильно отставал по многим предметам.

Удивительным было то, что он, как оказалось, не всегда мог рисовать с натуры. Никак не удавался Лонги портрет одного старика, хотя внешность у него была совсем заурядная: длинное лицо, запавшие глаза, нос с горбинкой, белая борода, на голове — папаха. Так он его и не написал. После этого случая Одишариа вызвал к себе директор училища и, прямо заявив, что художника из него не получится, предложил Лонги перейти в другое учебное заведение, обещая свое содействие.

Рассердившись, Одишариа в тот же день уехал домой. Отец долго не мог понять, что случилось с его сыном, ведь в Кулеви не осталось ни одного старика, которого бы Лонги не нарисовал. Почему же он так оплошал в Тбилиси?

— Я не настолько близко знал того старика, чтобы нарисовать его, — сказал Лонги отцу, но такое объяснение только вывело старшего Одишариа из себя: — Тебе не нужно было никакого знакомства с ним, ты просто должен был сделать его портрет, и все.

Лонги Одишариа пошел по стопам своего отца. Ему пришлось по сердцу рыбацкое дело, и он вскоре возглавил бригаду рыбаков. В бригаде есть моторная лодка, и, если на рассвете со стороны кулевского причала послышится урчание мотора, все в деревне знают, что это — лодка Лонги. Узнав, что в Кулеви приезжают художники, он, несмотря на плохую погоду, рано утром вышел в море, предупредив, что вернется только на следующий день.

Пять лет не трогал кисти Лонги, но потом, видно, сердце не выдержало. Он стер пыль со старых картин, валявшихся в подвале, и, взяв из них первую попавшуюся на глаза, повесил у себя в комнате.

...Бывает по утрам, как только взойдет солнце и море заиграет всеми своими красками, Лонги садится на весла и отплывает метров за сто от берега. Из куска рельса он сделал некое подобие якоря, и теперь в открытом море лодка может неподвижно стоять на месте, особенно вблизи Кулеви, где море всегда спокойное. Лонги установил в лодке конструкцию, которая служит ему подрамником. Укрепив на ней кусок фанеры, он кладет сверху лист бумаги и рисует, поглядывая на кулевский берег. Когда бригада отдыхает, Лонги целые дни проводит в море, возвращаясь домой только к ночи.

Художникам из Тбилиси особенно понравились два полотна кулевского самоучки — «Новый Кулеви» и «Ночь рыбака, застигнутого штормом в море». Вторая картина выполнена в очень темных, мрачных тонах: на море такая неистовая буря, что кажется, волны вот-вот обрушатся на берег и поглотят сушу. Они как щепку бросают маленькую лодочку и, вздыбившись над ней, чуть ли не переворачивают суденышко. Гребец всеми силами старается удержать лодку на волне. Сквозь затянувшие все небо тучи едва пробивается свет луны.

— Этот человек в лодке — я, — сказал художникам председатель колхоза. Раньше у нас у всех были такие крошечные лодки, и рыбачили мы в одиночку. Я тогда был молодой да ранний, ничего не боялся. Тот день был дождливый, и море какое-то беспокойное, но меня это не пугало, а главное, рыба у нас в доме кончилась. Несмотря на уговоры жены и матери, я спустил лодку на воду и вышел в море. Очень скоро мне пришлось пожалеть, что я их не послушался... Я только два раза успел закинуть сети, как на море началось сильное волнение. Потом все было в точности так, как на этой картине: вокруг меня с ревом вздымались волны, море словно обезумело, и огромные волны швыряли мою лодку вверх и вниз словно щепку. То была дьявольская ночь. Меня утащило далеко в море. Буря кончилась только на рассвете, и, когда я подплывал к Кулеви, на берегу меня встречала вся деревня. Увидев меня целым и невредимым, мать ескриннула и потеряла сознание.

Да, на этой картине вы видите старый Кулеви с его нищенскими лачугами. Вот на таких утлых суденышках мы и ходили за рыбой. Жили мы в вечном стра-

хе перед морем, поэтому Черное море на этой картине действительно черное и грозное.

Другая картина тоже изображает Черное море, но здесь оно словно лучится каким-то светом, и этот свет рождает в сердцах людей веру и надежду.

Кулеви.

Черное море в месте впадения в него Холодной речки.

Вдали — синие горы Мегрелии.

В низине цветут цитрусовые.

Апельсиновые сады кулевцев словно уходят в море.

На берегу видна моторная лодка.

У развешенных сетей стоит рыбак; рябой, с крючковатым носом и чуть прищуренным левым глазом. Он уже не молод, но от всей его могучей, широкоплечей фигуры так и веет силой и здоровьем.

Кулевские ребятишки, зарывшись в песок, кидают друг в друга морскими камешками.

При виде этих картин Русудан вспомнились слова ее учителя о том, что самое главное не то, какого цвета гора, река, цветок или море, а то, какими глазами ты сам смотришь на них... Глазу человека жизнерадостного и природа предстает веселой и привольной; счастливому человеку в журчанье ручейка и шелесте волн слышится песнопение, для печального сердца радостные звуки природы — причитание и плач.

И вот у этого художника-самоучки из Кулеви две пары по-разному видящих глаза... Странно, что он не смог написать лицо того тбилисского старика, ведь у него зарисован весь Кулеви с его прошедшим и сегодняшним днем. Эта речка холодная на самом деле так плавно течет к Черному морю, эти плакучие ивы именно так склонили к воде свои ветки, дети так же осторожно стоят на берегу реки и точно так у них заброшены в воду удочки.

Живые, настоящие картины! И так же смеются кулевские ребятишки, так же мерцает поверхность реки, над Кулеви распростерлось такое же лазурное небо.

Но море, видимо, было стихией художника. На его полотнах оно то спокойное, то бурное до неистовства, а то игривое, весело обмывающее берег... прибрежную гальку...

Позже, уже после отъезда из Кулеви, поняла Русудан, что виденные ею картины произвели на нее такое сильное впечатление именно потому, что они нарисованы самоучкой.

Как только скрылись из глаз кулевские рыбаки, моторные лодки и Холодная речка, кулевские женщины и дети, кулевский апельсиновый сад, картины Лонги Одишариа как-то поблекли, их краски потускнели, и они незаметно потеряли свою непосредственность и живую выразительность... Русудан обнаружила поразительное сходство в судьбе своих работ и работ Лонги Одишариа: действительно, пока портрет Текле висел в квартире Диасамидзе, у Текле в спальне, он казался иным, даже выражение лица было другим, очевидно, потому, что близость натуры заполняла картину. Русудан смотрела на мать, потом — на картину, и ей нравилось. Но как только картину повесили в другом месте и она удалась от оригинала, все изменилось.

...На следующий день после своего возвращения из Колхиды Русудан вынесла свои эскизы из мастерской и спрятала их в темном углу гаража.

— Лучше бы я специализировалась по набивке тканей, определенно, это было бы лучше, — обведя взглядом опустевшую мастерскую, с тоской сказала Русудан... Она была на втором курсе, когда преподаватель по классу живописи очень деликатно подсказал ей такую мысль, но Русудан это показало абсолютно неприемлемым и в некоторой степени оскорбительным, и она возненавидела любимого прежде педагога.

Прошло не меньше шести лет с тех пор, как Русудан последний раз держала в руке кисть.

Татиа и Сандро уже большие, Дареджан прекрасно справляется с домашними делами, и в училище Русудан не сильно загружена, а мастерская почему-то ее не привлекает. Летом студенты училища выезжают на практику в Цихиджвари, и поэтому семья Русудан вынуждена проводить все лето там. В позапрошлом году Реваз уговорил поехать в Цихиджвари Лили со Звиадом, и им так понравилось место, что они решили построить там дачу.

...В этом году в Тбилиси с мая наступила сильная жара, и, как только в школах закончились занятия, Реваз вывез своих в Цихиджвари, а сам весь жаркий июль провел в городе, так как был вынужден ежедневно ходить в Министерство сельского хозяйства. Обедая у тещи, а потом до поздней ночи сидел в мастерской Русудан, склонившись над самим им составленной картой Хемагали, и все снова и снова что-то чертил на ней, пока чистая карта не оказалась испещренной какими-то линиями.

Впереди еще август. Сегодня Реваз поедет в Цихиджвари. Или нет, сегодня он поедет в Хемагали повидать отца. Вот уже третий год не едет Александре

в Тбилиси, обидевшись на сына и невестку за то, что они не приезжают к нему. Да, уже прошло три года с тех пор, как Александре уединился в Хемагали. Сыну он пишет, что чувствует себя хорошо и ни в чем не нуждается. Но кто его знает, так ли это на самом деле! Сейчас у Реваза выдалось свободное время, и он сегодня же едет в Хемагали. Может быть, ему удастся уговорить отца поехать с ним вместе в Гагра, и хоть месяц побыть с невесткой и внуками. Правда, в августе в Гагра жарковато, но старики как раз любят тепло, да и морской воздух принесет Александре пользу. Он хоть немного окрепнет, и настроение у него исправится.

...Реваз поехал сочинским поездом. Завтра он поднимется в Хемагали, уговорит отца, потом заедет в Цихиджвари, и они всей семьей отправятся в Гагра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Ну, а тебе что надо? Ты кто такой?»

Кто? Да Шарангиа, Шадиман Шарангиа!

Может быть, вам не знакомо мое имя или не нравится фамилия, уважаемый Кукури, а?

А сам-то он кто?

И на кого только похож: оттопыренные уши, приплюснутый нос, глаза навывкате, низкий лоб и ничего не выражающий взгляд.

Пришел я к этому человеку, вежливо поздоровался, улыбнулся как старому другу, а он притворился, что видит меня впервые и спрашивает, кто я такой.

Я — Шарангиа, уважаемый Кукури, Шадиман Шарангиа, стыда нет у тебя в глазах. И кто только тебя такого вырастил!..

Будто правда не узнал меня?

Не может этого быть! Мы же бывшие одноклассники, жили в одном районе, играли в одной футбольной команде, я был третьим номером, а он — восьмым.

Неужели Кукури меня не узнал? Нет, я этому никогда не поверю. Еще как узнал. Он узнал меня, как только я открыл дверь кабинета, но не захотел показать этого, стыд в нем, видно, заговорил... Ведь в школе он был последним учеником и с трудом дотянул до десятого класса. И вот в десятом-то классе он удивил всех.

Дело было на выпускном экзамене по грузинскому языку.

— Не волнуйся, — ласково сказала ему учительница грузинского, калбатони Нино, — и расскажи содержание «Кациа Мунджадзе»¹. — Она специально выбрала для Кукури вопрос полегче, надеясь, что он сможет ответить. Но, увы, всегда болтливый Кукури был нем, как сам Кациа Мунджадзе².

— Ну, скажи, детка, что-нибудь, не бойся. Хотя бы начни, — все так же ласково уговаривала его калбатони Нино, а Кукури обвел класс грустным взглядом, потом вдруг быстро вскочил на парту, молниеносно распахнул окно и прыгнул... Да, этот болван выпрыгнул со второго этажа, а калбатони Нино без чувств упала на пол. Мальчики помчались во двор, а девочки засуетились вокруг учительницы. Вся школа взбудоражилась. Вывихнувшего ногу Кукури отвели домой, а учительницу еле-еле привели в чувство.

После того Кукури в школе не появлялся, но «аттестат зрелости» получил вместе с нами, и прощальный банкет мы устраивали у него, потому что у его родителей был большой и красивый дом.

И вот теперь этот самый Кукури не узнал меня? Или к нему надо придти как-то по-другому? Но как?

«Извините, Кукури Абесаломович, за беспокойство, но наше старое знакомство дает мне смелость обратиться к Вам за помощью...», и, может быть, тогда он снизошел бы до меня?

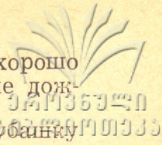
Негодный человек! Шадиман Шарангиа на это ни за что не пойдет, нет! Я человек прямой — глаза у меня для того, чтобы смотреть, а уши — чтобы слушать. Я давно понял, что ничего путного из тебя не выйдет, а отныне я знать тебя не знаю и знать не хочу. Я уверен, что скоро глаза мои увидят тебя ползающим по земле...

Из Министерства торговли Шадиман вернулся в гостиницу очень возбужденным. Он ругался и все грозил кому-то, и Гоча, племянник, никак не мог его успокоить.

— Если бы я просил о чем-то невозможном. А то ведь просто возьми и переведи с одного места на другое, вот и вся моя просьба! И то ресторан и это тоже. Разве он не должен был спросить, почему я не хочу оставаться на старом месте? Сначала узнай о моих затруднениях, а потом уже изрекай свое категорич-

¹ Рассказ Э. Ниношвили.

² Игра слов: по-грузински «мунджи» — немой.

ное «нет», «нет»... Другого слова их уста не могут вымолвить! Шадиман хорошо знает эту породу людей. Извините, уважаемый Кукури, но от меня вы не можете ждать того, что дают другие.

Отведя душу, Шадиман немного успокоился. Он умылся, сменил рубашку и вместе с племянником спустился в ресторан.

В большом зале «Сакартвело» было немногочленно и не очень жарко.

— Аристократия, видно, обедала за городом, — пробасил Шадиман, заказывая обед склонившемуся перед ним официанту.

— Если бы в моем ресторане был такой зал, то можно было бы и пиры закатывать, и министерство получало бы от меня прибыль раза в два большую, но на реконструкцию никакой надежды нет. Какая-то проектная организация вот уже два года работает над созданием типового проекта районных ресторанов, и бог его знает, что это будет за проект... Неужели обязательно, чтобы во всех районных центрах рестораны были одинаковыми? Кому в голову пришла такая мудрая мысль?

Официант накрыл на стол. Шадиман с жадностью выпил два стакана боржоми, потом чокнулся с племянником коньяком и объявил его тамадой.

— Тамада, когда за столом всего два человека? — удивился Гоча.

— Обязательно, — пробасил Шадиман. — Даже если ты один будешь сидеть за столом, ты должен быть тамадой для самого себя, иначе слыханное ли дело?

— Тогда вы...

— Смолоду нужно учиться вести застолье. В твои годы я уже бывал тамадой на свадьбах. Начинай!

Гоча наполнил стаканы. Заморив червячка, Шадиман обвел взглядом зал и опять стал ругать типовой проект.

— Построить в Поти и Хашури одинаковые здания для ресторанов, разве же это разумно? Конечно, нет! Поти стоит на берегу моря, в низине, летом там жарко, зимой тепло, поэтому здание ресторана должно быть там белым и легким. Белое здание на фоне моря приятно для глаза. А представь себе что-либо подобное в Хашури! Да оно в первое же лето за неделю почернеет, а зимой будет как ледник. В Поти часто идут дожди и нет пыли, в Хашури же наоборот... В Поти морозы очень редко достигают двух-трех градусов, а в Хашури частенько бывает больше пятнадцати. Теперь понятно? Но кто у нас тамада — я или ты? За тобой тост.

На лице Гочи изобразилось смущение. Он чувствовал себя с дядей неловко, хотя среди своих друзей считался очень независимым и не в меру бойким.

— С вашего позволения я скажу тост.

— Позволяю, говори.

— Я предлагаю выпить за нашу землю.

— За какую это «нашу землю»? — с вызовом спросил Шадиман, взглянув племяннику в глаза.

— За Итхвиси...

— Что за ерунда! Мы сами себя обманываем. Почему Итхвиси твой или мой? — с какой-то яростью, возбужденно сказал Шадиман и, глотнув вина, снова накинуду на племянника. — Ну почему Итхвиси наш? Что мы там имеем? Усадьбу? Сад с виноградником? Пастбища? Нет! Дом там у нас не стоит, нет ни сада с виноградником, ни пастбища, ни мельницы! А ты говоришь — мой Итхвиси, моя земля... Земля Гочи Шарангия — это студенческий городок, проспекты Руставели и Чавчавадзе, Дворец спорта, стадион, парк Ваке и тбилисские кинотеатры... Ведь это так, и ты, дорогой племянничек, должен смотреть правде в глаза. Ты что, кончишь университет и поедешь в Итхвиси? Так я тебе и поверил! Итхвиси существует сам по себе, ты — сам по себе, и говорить тут не о чем... Моя земля? Земля Шадимана Шарангия?

Шадиман на какое-то время замолчал, прищурился, словно вспоминая что-то, а потом потер ладонью лоб и сказал с усмешкой:

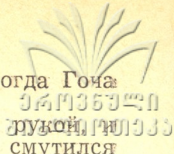
— Земля Шадимана Шарангия — это ресторан в Херге. Да, хергский ресторан — мое небо и земля. Все двадцать четыре часа в сутки я кручусь там. А Итхвиси завладел Галактион Шарангия. У него в Итхвиси горит очаг, пасется его корова, лает его собака. И поэтому — да здравствует Галактион Шарангия!

Взглянув на часы, Шадиман подозвал официанта, расплатился, а потом дядя и племянник торопливо поднялись наверх, на второй этаж, взяли чемоданы и поспешили на вокзал.

Поезд вот-вот должен был отойти, когда Гоча внес чемоданы в купе спального вагона.

— Спасибо, — пробубнил Шадиман и, прижав племянника к груди, расцеловал его в лоб и щеки, а потом вдруг стукнул себя ладонью по лбу и как сумасшедший закричал:

— Боржоми! Боржоми! А то твой дядя погиб, Гоча!

В узком проходе вагона было тесно от стоявших там людей, и, когда Гоца пробрался к выходу, поезд уже тронулся.

— Пропал я, — с горечью сказал Шадиман, безнадежно махнув рукой, расстроенный вошел в купе. Увидев сидевшего у окна пассажира, он смутился и, извинившись, сел у двери.

На столике стояли две бутылки боржоми.

— Не хотите? Еще холодный, — с улыбкой сказал Реваз и протянул бутылку.

— Нет, нет! Не беспокойтесь!

— Не стесняйтесь, возьмите!

— Ну, хорошо, так и быть, но только до Мцхета! Там я обязательно раздобуду.

Шадиман взял бутылку двумя руками. Она была холодная, и холодок от ладоней пробежал по всему его телу. У Шадимана заблестели глаза.

— Раз так, будем знакомы — Шадиман Шарангна.

— Реваз Чапичадзе, — глухо сказал Реваз и пожал Шадиману руку.

— Чапичадзе? Реваз Чапичадзе? Слышал, определенно где-то слышал вашу фамилию... Чапичадзе... Реваз Чапичадзе... — несколько раз для себя повторил Шадиман, медленно проводя рукой по лбу и пытаясь вспомнить, где он мог встречаться с Ревазом.

— Пейте, а то будет теплый, — сказал Реваз и, чтобы Шадиман не чувствовал себя неловко, сам взял вторую бутылку.

— Дай вам бог здоровья, — с признательностью сказал Шадиман, выпив разом полбутылки боржоми.

— Пить вино, когда есть такая вода, — это же преступление, но иногда попадетесь такой тамада, что оказываешься в безвыходном положении... Ни за что от тебя не отстанет — будет заклинать именем матери, жены, детей, живыми и мертвыми и своего добьется.

Шадиман допил боржоми, громко рыгнул и, смущаясь, извинился.

Поезд проскочил мост ЗАГЭС. На станции Шадиман вместе с проводником направился к ресторану.

Оставшись один в купе, Реваз откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

...Ваке. Имеретинская улица. Уже опустились сумерки, и на улицах зажглись фонари. Дом Реваза погружен в темноту, а у соседей светятся окна, открытые навстречу вечерней прохладе. По Имеретинской улице идет семья Чапичадзе. Впереди — Русудан и Сандро, за ними — Татиа и Дареджан. Они неслышно входят во двор, и Дареджан с детьми задерживается у калитки. Русудан тяжелою шагом поднимается по лестнице. Она устала, устала так, что с трудом ододела лестницу. Нехотя открыв дверь, она включила свет, и дом сразу словно повеселел, засмеялся дом Чапичадзе. Русудан заглянула во все комнаты и, не найдя мужа, нахмурилась. Дом Чапичадзе тоже загрустил... В комнату Реваза неслышно входит Сандро и начинает собирать разбросанные на столе книги.

...Поезд тронулся, и Реваз очнулся. Оказалось, что в купе он один. Поезд пронесся мимо станции Дзегви. Реваз вышел из купе, но и в тамбуре не найдя Шадимана, махнул на него рукой.

«Наверное, он остался в Мцхета, и нужно будет что-нибудь сделать с его вещами. Хорошо еще, что хоть знаю его имя и фамилию. Придется вызвать начальника поезда и сдать ему чемоданы, пусть найдет хозяина. Из-за какой-то бутылки боржоми потерялся человек».

Реваз поставил стоявший около двери чемодан Шадимана на полку, сел в кресло и только было задремал, как дверь в купе с шумом распахнулась, и Реваз услышал бас Шадимана:

— Вы не испугались, батоно Реваз?

Шадиман был во всеоружии — в правой руке он ловко держал две бутылки шампанского, в левой — довольно большой бумажный пакет, из карманов его брюк выглядывали бутылка коньяка и боржоми.

— Нас подвел станционный диктор, он так нежно прошептал что-то в микрофон, что в ресторане никто не услышал его голоса. Хорошо, что проводник был начеку и сразу заподозрил что-то неладное. Мы выбежали на перрон и увидели, что поезд уже тронулся. Вскочили мы, по-моему, э-э, в пятый от нашего вагон. Вы должны извинить меня, батоно Реваз...

— А я собирался вызвать начальника поезда.

— Начальник поезда и без всякого вызова явится сюда, он знает, в каком купе мы едем. Давайте-ка лучше соберем на стол!

Шадиман положил на стол бумажный пакет, выстроил в ряд бутылки шампанского, коньяка и боржоми и крикнул в коридор:

— Не помочь, батоно Николаоз?

— А вот и я, — послышался тонкий, надтреснутый, характерный для железнодорожника голос появившегося в дверях проводника, который выложил на

столик знаменитые мцхетские пирожки, жареную курицу, грузинский хлеб и редиску.

— Ну, за дело, как ты умеешь, батона Николаоз, — по-свойски обратился к нему Шадиман. — Стаканы, несколько тарелок, маленький нож и под твоим руководством начнем...

Ревазу почему-то не понравилось столь щедрое угощение малознакомого человека, он нехотя встал и вышел в коридор.

Поезд мчался в вечерних сумерках, и все окружающее казалось миражем.

— Батону Реваз, — позвал из купе Шадиман, с увлечением накрывавший на стол, — вкус пирожков покойного Захар Захарыча помните?

— Слышал...

— Слышать — это что! Я был студентом первого курса, когда впервые попробовал пирожки Захар Захарыча, и, если поверите, иногда и сейчас ощущаю во рту их вкус! Какие пирожки и пирожные делал Захар Захарыч, золотые руки были у этого человека! Теперь у них осталась только прежняя форма, а содержание — до свидания, фьють, улетучилось вслед за душой Захар Захарыча... Заходите, батона Реваз, все готово.

— Я как раз перед уходом...

— И слушать даже не хочу! — забубнил Шадиман. — Притом после вашего боржоми у меня появился такой аппетит, а вы хотите подвести меня?

Шадиман почтительно, но с некоторой долей фамильярности взял Реваза за локоть, завел в купе и усадил за стол.

— Вы меня не спрашиваете, но я уверен, — начал сладкоречивый Шадиман, — что вы, конечно, интересуетесь, кто я такой, откуда и куда еду. Это длинная история, и я не буду отнимать у вас время, а расскажу о себе вкратце: поначалу меня заинтересовала философия, и я ею здорово увлекся, но по-настоящему так ничего и не понял, и пришлось мне с ней распрощаться... Потом меня захватила история, и как-то так получилось, что я окончил исторический факультет. Три года я преподавал историю в школе: войны, главнокомандующие, цари... Потом одни и те же вопросы учеников и курсы повышения квалификации отвратили меня от этой науки, и с ней я тоже смиренно расстался... Чем я занимаюсь сейчас? Только не удивляйтесь, я тружусь на ниве общественного питания в должности директора ресторана в Херге.

— Интересно! — улыбнулся Реваз.

— Вы хотите сказать — удивительно, не правда ли, батона Реваз? — тоже с улыбкой сказал Шарангиа. — В этом жизнь виновата. Правда, в философии я не много чего понял, но занятия ею навели меня на одну верную мысль. Если хочешь быть умным, веди себя так, как диктует жизнь. Вот и я делаю то, что диктует мне жизнь и что необходимо для моего существования!.. Угощайтесь, это так называемые мцхетские пирожки.

Проводник принес тарелки и стаканы.

— Позови-ка еще президента, мой Николаоз, и я буду считать, что ты свое дело сделал, — пробасил Шадиман и два стакана до половины наполнил коньяком.

— Уже не так жарко, выпьем, батона Реваз!

Чокнувшись, они выпили.

Шадиман разрезал курицу и сложил ее на блюде, а сыр, пирожные и хлеб — на принесенную из ресторана вощеную бумагу, и они выпили холодного лимонада.

От выпитого коньяка у Реваза покраснело лицо, заблестели глаза и исчезла прежняя скованность. Отбросив всякие церемонии, он взял одной рукой кусок курицы, а другой — пирожок.

Шадиман тоже повеселел и снова разлил по стаканам коньяк.

Они выпили.

— Ну, наконец-то стало прохладно! Кажется, подъезжаем к Гори?

— Да, ведь Уплисхце мы уже проехали.

— Если бы наш проводник догадался принести горийских персиков, это нам не мешало бы... Они, правда, теперь не такие крупные, как раньше, как и пирожки Захар Захарыча, но лучше, чем в других местах.

Реваз встал.

— Ни в коем случае, — вскочил Шадиман. — Вы что, хотите выйти в Гори, чтобы купить недозрелых персиков? Для чего они нам нужны? Это я просто так, к слову сказал. Фрукты у нас есть...

Реваз встал, посмотрел в темноту за окном и повернулся к Шадиману.

— Если вы не возражаете, я предложу тост за деревню Хемагали.

— Извините, я что-то не понимаю!

— Я хочу выпить за мою деревню, — сказал Реваз.

— Хемагали — ваша деревня? Вы живете в Хемагали?

И когда, улыбаясь, Реваз утвердительно кивнул головой, Шадиман с трудом поднялся и, с удивлением глядя на Реваза, решительно положил ему обе руки на плечи.

— С ума можно сойти! Оказывается, мы с вами соседи, ближайшие соседи! Осмелев, Шадиман притянул к себе Реваза и крепко поцеловал.

— Я просто не могу поверить! Ведь я сам из Итхвиси! Значит, вы купались в Сатевеле, голыми руками рыбу ловили? Как я рад нашей встрече, батон Реваз! Вы просто не представляете! Итак, да здравствует Хемагали! Выпьем за Хемагали...

Шадиман заметно повеселел.

— Выпьем за наше соседство, за Хемагали и Итхвиси! Боже мой, мы такие близкие соседи, а я-то думал, что со мной в купе едет кто-то чужой. Значит, вы направляетесь в Хемагали? У вас там есть кто-нибудь?

— Отца хочу повидать.

— Представляю, как обрадуется старик! Александре? Александре Чапичадзе! Как же, как же, знаю! Слышал о нем! Дай бог всего наилучшего сыну Александре Чапичадзе!

Шадиман снова наполнил стаканы.

— За здоровье Александре Чапичадзе, старейшины Хемагали! Обожаю его белую бороду! Как он будет рад...

Поезд стрелой проскочил Лихи, дав один долгий гудок, и как бешеный влетел в Ципский тоннель.

Сырая прохлада и шум тоннеля ворвались в купе, и Шадиман до половины поднял окно.

Вагон закачался, как колыбель, и Реваз задремал. Глядя на него, Шадиман нахмурился.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На Хергском вокзале вернувшаяся из Тбилиси Екатерина не увидела никого из знакомых. Проводник помог ей сдать вещи дежурному по станции, и она вышла в город.

Ресторан «Перевал» был открыт. У Екатерины со вчерашнего дня росинки маковой во рту не было, и она решила зайти.

Было жарко. Все окна просторного зала были распахнуты настежь, но входящий в них волнами воздух был такой густой, что его можно было взять в кулак и выжать.

Буфетчик почтительно поздоровался с Екатериной и позвал официанта, чтобы тот обслужил посетительницу, но, когда Екатерина попросила принести порцию какого-нибудь супа, буфетчик смутился и, с удивлением посмотрев на Екатерину, скрылся в кухне.

Бывший ученик узнал Екатерину по голосу. Конечно, калбатони Екатерина очень изменилась: похудела, лицо покрылось морщинами, поседели волосы, согнулись плечи. Только ее голос, ласковый и чуть повелительный, остался прежним. Этот голос лет двадцать тому назад внушал Абелию Кикнавелидзе, что он способный мальчик (он отличался прилежанием и с успехом закончил школу) и должен поехать в Тбилиси, чтобы учиться в политехническом институте и стать инженером, дорожным инженером... Когда ты вернешься в Хергу, то первым делом построишь шоссе между Хергой и Хемагали, но не на месте старой, а проведешь дорогу в Хемагали со стороны ущелья Сатевелы, вдоль берега реки... А потом? Потом проведешь шоссе от Хемагали до Итхвиси, от Итхвиси до Клдеети, от Клдеети до Нигвзиани и от Нигвзиани до Херги. Таким образом все горные деревни будут связаны с Хергой шоссе, по которому помчатся автобусы, машины с пассажирами и грузами. Из Хемагали в Хергу будут доставляться вино и виноград, фрукты и овощи, мясо и сыр, шелковичные коконы, а в Хемагали — кирпич и черепица, пшеница и мануфактура; книги, журналы и газеты...

И вот, когда Абель услышал этот голос, ласковый и немного повелительный, сердце его дрогнуло... Что поделать, если не смог юноша из Хемагали узкой хемагальской тропинкой выйти на шоссе? Она привела его в хергский ресторан, определила его за буфетную стойку, поставила перед ним весы и дала в руки острый нож.

Посетитель говорит Абелию Кикнавелидзе: двести граммов колбасы, двести граммов сыра, двести граммов сатевельской форели, сто граммов водки, немного зелени, и... быстро зарабатывает правая рука Абели: ловко недовесит он одного, другого, потом красиво разложит все на тарелках, так, чтобы казалось побольше, улыбнется посетителю, и, когда ночью пойдет домой, карман его будет туго набит краденными деньгами.

... Три года Абель снимал комнатушку у некоего Хидашели, но Хергский горсовет в конце концов выделил ему место под жилье. Он огородил участок железной сеткой, посадил фруктовые деревья и выстроил двухэтажный дом.

Женился он на дочери ревизора райфинотдела, и сейчас у Абеля Кикнавелидзе трое детей — Аристрахо, Мтвариса и Гулсунда. Преподаватели ходят к детям Кикнавелидзе домой: Аристрахо учит английский, Мтвариса и Гулсунда занимаются музыкой, жена Абеля Софиго тоже вдруг почувствовала влечение к музыке и языкам, так что семья Абеля Кикнавелидзе живет интеллектуальной жизнью. На ужин к ним обычно заходит кто-нибудь из друзей. Абель любит повеселиться, правда, потом ему становится плохо — всю ночь пыхтит, как кузнечные меха, волнуется во сне, что-то говорит, кого-то о чем-то умоляет, кому-то грозит. Иногда Софиго, теряя терпение, трясет его за плечо:

— Я же говорю тебе, не надо столько пить!

Испуганный Абель вытаращит глаза и оглядится по сторонам.

— При чем тут это, глупая ты женщина! Черт бы побрал этих ревизоров!

— Ты что, бредишь, что ли? Откуда здесь ревизоры?

— Да во сне приснились! Во сне! А ты что, хочешь, чтобы наяву были? — грозно посмотрит на жену Абель.

— Глупости не говори! Для чего мне нужны ревизоры? Спи лучше, — пожурит мужа Софиго.

И Абель, пыхтя, повернется на бок спиной к жене, некоторое время будет лежать молча, а потом опять начнет сопеть, опять замечется, но жена уже не разбудит его. Она знает, почему он нервничает. Пусть ревизоры будут во сне! Софиго же встанет и пойдет в комнату детей. Они спокойно спят. Им не известны ревизоры, которые лишают сна их отца. Софиго-то знает их, некоторые из них давнишние друзья ее отца, а некоторые друзья друзей отца, поэтому она их не боится. Днем, при ярком свете солнца Абель Кикнавелидзе тоже не боится ревизоров, но ночью, когда он с украденным возвращается домой и к сложенным в ящике деньгам прибавляет новые, его охватывает такой страх, что он до утра дрожит без сна... Поэтому-то каждый раз и зовет Абель кого-нибудь на ужин, чтобы было с кем выпить и позабыть свои страхи, а Софиго думает, что ее муж любит выпить, и бранит его за это...

Так случилось, что узкая хемагальская тропинка привела Абеля Кикнавелидзе именно в хергский ресторан. Перед ним весы, в руке он держит острый нож, режет и взвешивает, улыбается и обманывает посетителей. Не гнушается Абель и повару помочь, он режет лук, чистит картошку, рубит мясо, чистит и моет зелень, если надо.

Голос калбатони Екатерины, ласковый и в то же время немного повелительный, всколыхнул многое в душе Абеля, смутил его спокойствие, заставил сбегать в кухню и притаиться в углу.

...Немного перекусив и отдохнув, Екатерина медленными шагами направилась к рынку.

Постарела Екатерина. Она прожила длинную и трудную жизнь и устала... Школу в Хемагали закрыли. Ей дали пенсию. В Министерстве просвещения Екатерине выдали справку, в которой указывалось, что причиной закрытия хемагальской школы было слишком малое число учащихся... Может быть, малочисленность учеников ни при чем? Может быть, дело в том, что постарела Екатерина Хидашели? Постарела. Поэтому и упразднили школу в Хемагали? Но какая это несправедливость! Екатерина сама бы оставила школу, вот извольте, ее заявление, возьмите и наложите резолюцию...

Когда Екатерине передавали приказ о закрытии школы, свет померк у нее в глазах и тупо заняло сердце, а потом ей вдруг показалось, что оно и вовсе куда-то пропало, и до сего дня она не может его найти. В жару ей не жарко, и окружающий мир Екатерина воспринимает словно сквозь призму. Действительность существует сама по себе, а Екатерина — сама по себе. Как в сомнамбулическом сне, видит она, что хемагальская школа отошла в сторону, закрыла калитку, прикрыла двери и окна и кругом воцарилось безмолвие.

Екатерина равнодушно ходит по улицам Херги, никого не видя и не слыша. И в поезде на пути из Тбилиси в Хергу она была сама не своя. Пассажиры разговаривали, шутили, смеялись, потом все заснуло, и только Екатерина сидела и караулила ночь и искала свое потерянное сердце...

«В чем провинились малыши? Отцов у них поубивали на войне, у некоторых матери вышли замуж, и за детьми, в основном, смотрят бабушки. Дедушки водят их в школу, рассказывают им сказки, развлекают, видя теперь в этом смысл своей жизни, и вот, кто-то, никого ни о чем не спросив, принял мудрое решение и запер на замок школу в Хемагали...»

...Перейдя улицу, Екатерина зашла на рынок и смешалась с толпой покупателей. Кого-то толкает она, кто-то толкает ее. Если кто-нибудь сам поздоровается с ней, она ответит, а то она ничего и никого не видит и не замечает.

Она молча прошла мимо прилавков с зеленью, мимо торговцев мацони, сыром и яйцами.

Потом она прошла мимо ряда, где продавали поросят, и, подойдя к «территории виноторговцев», услышала знакомый голос: «Эка!»

Это был Гуласпир.

Его голос заставил Екатерину найти сердце, с глаз ее точно спала пелена, и она отчетливо увидела яркие краски южного базара: покрытые росой дыни, красную с белым редиску, длинные остроконечные, как рога быка, огурцы, желтые мухранские дыни, яблоки и груши, ранний белый инжир... Сердце Екатерины наполнилось радостью, она улыбнулась Гуласпиру Чапичадзе и похлопала его по плечу...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Рассказы старшей Екатерины

I

После окончания филологического факультета Тбилисского государственного университета я приехала в Хергу. Прихожу в отдел просвещения, а там совещание. Пришлось мне ждать до пяти часов вечера, пока оно кончится. Когда я зашла к заведующему, его кабинет утопал в облаках табачного дыма и сам он выглядел очень уставшим, но принял меня любезно и даже предложил холодного боржоми. Я отказалась. Он открыл папку и нашел мое заявление. Это заявление и письмо с просьбой назначить меня учительницей в моей деревне я отправила из Тбилиси за месяц раньше.

— Вы назначены в хергскую школу, в девятый и десятый классы, — сказал заведующий отделом и окинул меня внимательным взглядом с головы до ног.

— Я просила направить меня в мою деревню, — сказала я и опустила голову.

— Вы же преподаватель грузинского языка? — сердясь, громко спросил заведующий и, раскурив потухшую было папиросу, встал.

— Да.

— Так в чем дело?

Пауза.

— Снять Зураба Барбакадзе и назначить вас? — насмешливо спросил заведующий и опять окинул меня взглядом.

— Что вы! — удивилась я и почувствовала, что краснею.

— Так вот, раз этого сделать нельзя, вы назначаетесь в хергскую среднюю школу, — спокойно и доброжелательно сказал заведующий и протянул мне руку.

— Я все-таки поеду в свою деревню, а в хергскую школу вы можете назначить кого-нибудь другого! — сказала я, прощаясь с ним.

Меня вырастила тетя. Жила она совсем одна, и я знала, что она ждет меня — все глаза, наверное, просмотрела, глядячи на дорогу. Как же я могла остаться в Херге?

«Бывшего вашего учителя снять и вас назначить?» — так, кажется, он, усмехаясь, спросил. Если бы он назначил меня на место Зураба Барбакадзе, вы думаете, я согласилась бы? Согласилась бы? Конечно, нет. Зураб был для меня не просто учителем, он был моим духовным наставником и старшим другом с первого класса... И потом, могу ли я заменить Зураба? Вы когда-нибудь слышали, как он ведет урок? Если слышали, то никогда не забудете. Я наизусть знала стихотворение Рафиэла Эристави «Родина хевсура», но когда Барбакадзе произнес: «Не променяю мои скалы на древо бессмертия», для меня открылся совсем иной мир и мне представился свободолюбивый и сильный, очень сильный человек, мужественный и непоколебимый, как скала. Нет. Такие люди не завидуют роскоши других и их богатству предпочитают прилепившуюся к скале саклу, горные цветы, журчание ручейка, покрытые вечным снегом хребты, хлопоты у очага в долгие зимние ночи, думы и стихи.

«Не променяю мои скалы на древо бессмертия», — так естественно и просто говорит Зураб Барбакадзе, словно эти строки принадлежат ему самому. Слово после долгих раздумий он высказал свою самую сокровенную мысль... «Не променяю мои скалы на древо бессмертия», — убежденно говорит он, будоража сердца своих учеников.

Нет, никогда не забуду уроки Зураба Барбакадзе!

Я решила переночевать в Херге у кого-нибудь из знакомых. Конечно, можно было бы провести ночь и на вокзале, но я побоялась. Ошибается тот, кто

думает, что только в столице бывают мелкие хулиганы. Я боюсь этих мальчишек и вынуждена была пойти ночевать в семью, которую знала не так уж близко. Чувствовала я себя очень неловко. Но какая хозяйка не встретит вас веселой улыбкой и не скажет, что очень рада вашему приходу? Она предложит вам чай с вареньем, думая про себя, что ваше знакомство еще не дает вам права приходить ночевать... Может быть, я ошибалась, но именно с такими мыслями я шла по направлению к улице Бараташвили, где жила моя знакомая, и ноги меня не слушались. Я купила в гастрономе пирожных, чтобы не прийти с пустыми руками, и мечтала только о том, чтобы скорее наступило утро и я могла отправиться в путь. Ведь тетя ждет меня.

Мне предлагают работу в Херге... Нет, не волнуйся, я не согласилась и к тебе, к тебе иду. Завтра вечером я буду уже дома, тетя!

И вот я на пути в Хемагали. Еще не было и восьми часов, а я прошла уже больше половины дороги. Сумка у меня была немного тяжелая, но я как-то не чувствовала усталости, потому что самую трудную часть пути — большой подъем — прошла в утренней прохладе, время от времени, чтобы сократить дорогу, сходя на тропинку.

...Может быть, дорога между Хергой и Хемагали стала короче? Ну, как это я смогла так быстро дойти! Еще только двенадцать часов, а я уже вижу свою деревню! Стою я на Санислском хребте и смотрю на Хемагали! Правда, отсюда деревня еще далеко, километрах в семи: от Санисле нужно спуститься до Сатевелы по крутому склону, потом — немного в гору и — Хемагали!

Если бы кто-нибудь мне сказал, что смог так быстро пройти от Херги до хребта Санисле, я бы не поверила и решила, что это простое хвастовство. Может быть, меня часы обманывают? Нет, идут, да и по солнцу видно, что еще рано.

Но когда я увидела деревню, меня вдруг охватила страшная усталость, и я села в тени вяза на траву.

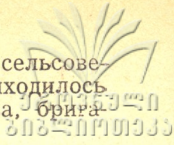
Немного отдохну и бегом спущусь к Сатевеле, решила я.

Сижу я в тени на травке и смотрю сверху на мою деревню. Отсюда видны дворы, а вот строения-то я различаю с трудом, хотя нет, одно здание я узнала сразу — это наша школа. Школьное здание самое большое в нашей деревне. Строили его пять лет и закончили как раз в тот год, когда тетя отдала меня в первый класс. Десять лет я училась в этой школе, пять лет — в университете, значит, нашей школе уже пятнадцать лет... Или нет, я ошибаюсь, не пятнадцать, а семнадцать: окончив школу, я в том же году пыталась поступить в университет, но срезалась по истории и математике. Меня, наверное, спросят, при чем здесь математика, если поступаешь на филологический факультет, но раньше в университете сдавали экзамены по многим предметам. Вернулась я в деревню расстроенная и разочарованная. Тетя чувствовала себя виноватой за то, что не нашла никого, кто мог бы мне помочь при поступлении. Она была уверена, что все дело только в протекции. Это было неверно. По математике я из трех примеров не решила ни одного, а по истории ответила только на один вопрос и, конечно же, провалилась. Не знаю, как сейчас, но когда я поступала в университет, покровительство и протекция не были столь всесильны... Я решила, что никогда не смогу сдать вступительных экзаменов, и смирилась со своей судьбой. Ну что ж, буду жить в деревне, придет время, полюблю кого-нибудь или меня кто-нибудь полюбит, выйду замуж, нарожу детей, и пройдет моя жизнь в заботах о семье.

Тетя же Пелагея всячески подбадривала меня и уговаривала месяца три позаниматься математикой с Гуласпиром (тогда Гуласпир Чапичадзе работал в колхозе счетоводом), а историю повторять самостоятельно, чтобы на следующий год обязательно поступить в университет.

..Как-то меня вызвал председатель сельсовета и предложил мне должность культработника. Дела там немного, сказал он, будешь распространять среди сельчан газеты и журналы и выпускать к праздникам стенную газету, ну, а если что-нибудь еще сделаешь — дело твое.

Я согласилась. На самом деле работы было хоть отбавляй. Больше всего хлопот доставляло кино. Летом и осенью два раза в месяц из Херги должны были привозить картины, но и в два месяца раз не всегда приползала кинопередвижка. Надо было звонить, писать, сколько раз приходилось на лошади спускаться в Хергу, но ничего не помогало. Еще больше забот требовала стенная газета. К праздничным датам делать газету, собственно говоря, было нетрудно, сущим наказанием были газеты во время очередной кампании. Сев, прополка, уборка урожая, заготовка кормов, выполнение квартальных планов заготовок мяса, сыра, яиц, работа постоянно действующей комиссии сельсовета, подготовка к новому учебному году и другие животрепещущие вопросы.

Каждый день я собирала сводки, потом до поздней ночи сидела в сельсовете и писала статьи для очередного номера нашей газеты. Подписи приходилось ставить разные: председателя сельсовета, иногда председателя колхоза, бригадира или рядового колхозника.

Я собирала материалы, писала статьи и выпускала новые и новые номера газеты «Луч Хемагали», но читал ее мало кто. Главным редактором газеты и ее цензором являлся председатель сельсовета. Моей работой он был доволен и даже как-то похвалил меня на общем собрании колхозников, а потом совсем неожиданно мы с ним поссорились.

Был воскресный день, и я сидела дома, когда под вечер подскакал к калитке председатель сельсовета и позвал меня. Тетя пригласила его в дом, но он даже не слез с коня, сказав, что у него ко мне срочное дело. Я вышла. Он был весь багровый, и мне показалось, немного выпивший. Тете он сказал, чтобы она ушла, так как у него дело секретное. Тетя вошла в дом, председатель слез с коня, и мне в нос ударил запах винного перегара. Он достал из кармана брюк какие-то бумаги, огляделся вокруг и, понизив голос, сообщил, что это документы, доказывающие, что бессовестный заведующий фермой обманывает правление и народ; он не выполняет плана заготовок молока и сыра и на верняка продает сыр на рынке, а деньги кладет в собственный карман. Он смеет утверждать, что план заготовок слишком высок, а коровы не могут давать столько молока. Как он крутит, этот негодяй! Это письма от пастухов. Садись и сегодня же сделай стенную газету, только в двух экземплярах, один вывесим в сельсовете, а другой я сам отнесу на ферму. Я знаю, что мне делать, чтобы заставить убраться из колхоза этого вора и мошенника. Я добьюсь, чтобы его арестовали, посадили в тюрьму, тут ему и сам господь бог не поможет.

Председатель выпалил это, не переводя духа. Он сильно волновался, и в голосе его звучала угроза. Он перекидывал письма из одной руки в другую, потом пересчитал их (бумаг оказалось девять) и передал их мне. Только он повторил, чтобы я сделала то, что он велел, в ту же ночь, а потом, если захочу, могу отдыхать хоть целую неделю. Вскочив на лошадь, председатель усканал.

В ту ночь мы с тетей не сомкнули глаз, и к утру два экземпляра газеты были готовы.

Председатель пришел в сельсовет поздно, что-то около двенадцати. Он улыбался, и было видно, что он отоспался и пребывал в прекрасном настроении духа.

— Ну, как дела, Эка, ничего нового? Из района никто не звонил?

Я расстелила на столе стенгазету.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Ты и вправду молодец! — без энтузиазма, как-то нараспев проговорил он и стал читать газету.

Вдруг улыбка сошла с лица председателя, и он нахмурился.

— Это чересчур, Эка — сказал он, вздохнув.

— Чересчур? — удивилась я. — Это те же самые письма пастухов, я их только отредактировала и все!

— Содержание тоже надо было исправить! — решительно сказал председатель, глядя на меня в упор.

— Содержание? Тоже? Это же письма пастухов, с их подписями.

— Подумаешь, пастухи! Ну и что из того, что они пастухи? Что они, плохо живут? Недовольны заведующим фермой? Он их контролирует и не дает много украсть? Поэтому они утверждают, что заведующий фермой плохой человек и обвиняют его в воровстве? Это не дело, Эка!

Я опешила, не в силах произнести и слова.

— Правда, эти письма принес я, но я же не знал, что эти сумасшедшие пастухи написали такие гадости. Они прямо говорят, что наш заведующий молочной фермой вор и его надо арестовать. Вы только посмотрите на них! Эка они через край хватили! Нет, это не пройдет, — сказал председатель и, иронически посмотрев на меня, сложил газету вчетверо, положил ее в ящик стола и добавил, что, мол, этой газеты не было и нет, не выпускали ее!

Я сказала, что устала, и ушла домой.

Только всего и было.

В сельсовет я больше не пошла.

На следующий день тетя отвела меня к Гуласпиру Чапичадзе.

— Ты только слушайся меня, и не только сдашь экзамен по математике, но так ее полюбишь, что и думать забудешь о своей литературе, — с улыбкой сказал Чапичадзе и в тот же день назначил меня своим помощником. — Я

почти год держал это место для тебя, — подмигнув, шепнул он мне на ухо, чтобы никто не услышал.

— В месяц ты будешь иметь двадцать пять трудодней. Мало? — сказал Гуласпир и испытующе посмотрел на меня. Я сказала, что, конечно, немало, только я боюсь.

— Боишься? Бояться тут нечего, считать до ста ты же умеешь, — пошутил он. Я сказала, что знаю, что мой ответ наивен. — Так вот, если до ста считать умеешь, то твое дело в шляпе и волноваться нечего. Мы покажем нашим балансам, где раки зимуют.

Я ничего не поняла насчет раков и улыбнулась.

— Ну, давай начнем! — деловым тоном сказал Гуласпир.

Он велел внести в комнату второй стол и поставить у окна, около своего. Потом, открыв шкаф, достал две большие конторские книги и положил их передо мной, а сам устроился рядом.

— Значит, так, — многозначительно начал Гуласпир, — это так называемая летопись нашего колхоза. Возьмем первый том. Видишь, здесь фамилии наших колхозников, но это не простой список. Откроем шестую страницу. Найди номер девять. Нашла? Читай!

Читаю:

1. Гургенидзе Харитон Александрович.

Год рождения — 1903.

2. Гургенидзе Дзута — его жена.

Год рождения — 1912.

3. Гургенидзе Алмасхан — их сын.

Год рождения — 1934.

— Теперь прочти, где написано «итог», — сказал Гуласпир и приготовил карандаш.

Читаю: $3 - 2 = 1$.

— Харитон утверждает, — тихо рассмеялся Гуласпир, — что он на три года старше своей жены, а из «летописи» следует совсем другое! Уважаемый Харитон не меньше чем на девять лет старше своей жены. Сейчас найди шестую страницу второго тома.

Нашла.

— Найди номер девять и прочти.

Я положила палец на девятый номер и читаю: Гургенидзе Харитон Александрович: $3 - 2 = 1 + 190$.

— Сейчас я тебе расшифрую, — сказал Гуласпир. — В общем списке колхозников порядковый номер Харитона Гургенидзе девять, его семья состоит из трех человек, из которых трудоспособен только один, в данном конкретном случае сам Харитон. Правда, жена Харитона Дзута здорова, но у нее маленький ребенок, поэтому пока что ни ее, ни ребенка трудоспособными считать нельзя. И вот этот единственный в семье трудоспособный член колхоза, Харитон Гургенидзе, выработал сто девяносто трудодней. Молодчина Харитон Гургенидзе! Он немного обманывает относительно своего возраста, но трудолюбив, и поэтому простим ему эту невинную ложь. Вот так в этой моей летописи самым подробным образом записана вся подноготная каждого члена колхоза. Перечитай, не только перечитай, но и изучи ее, подробно изучи!

Перевод Татьяна СОКОЛОВОЙ-РУХАДЗЕ

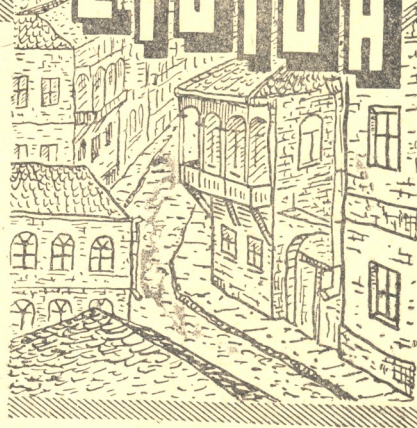
Продолжение следует

Михаил Квлибидзе

ОСТРОВ ДЕТСТВА

Поваленный забор
Растянут, как гармошка,
У малыша пока —
Не все как у людей:
Хотел сорвать цветок
Душистого горшка,
А он внезапно ожил,
Вспорхнул и улетел.
Малыш следит за ним
Таким счастливым взором...
О если бы под старость
Глядеть он так же мог
И так же видеть сад
С поваленным забором
И маленькое чудо —
Летающий цветок.

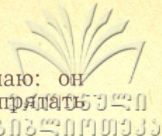

Новорожденное существо похоже на Робинзона, который после кораблекрушения очутился на необитаемом острове. Каждую минуту этот маленький Робинзон делает открытия, постепенно знакомясь с окружающим его миром.

Первым моим открытием, насколько я помню, была мать. Говорят, будто младенцы видят предметы не так, как взрослые, а в перевернутом виде. Еще говорят, будто они не различают красок: белое им кажется черным, черное — белым и т. д. Не берусь судить, насколько это верно, но с полной ответственностью заявляю: родных и близких я никогда не видел в «перевернутом виде». Правда, в зрелом возрасте мне часто приходилось сталкиваться с предметами (и даже мыслями и понятиями!), поставленными с ног на голову, бывало, что и черное не раз представлялось белым и наоборот, но это — особая тема... Сейчас я хочу вернуться к тому берегу, куда после девятимесячного шторма «девятый вал» жизни выбросил меня целым и невредимым — к Острову Моего Детства.

Вспоминаются какие-то отрывки, похожие на отдельные кадры давно виденного фильма... Тбилиси (тогда еще — Тифлис)... Воронцовская площадь... Воронцовский мост... Ниже моста, на набережной Куры, там, где сейчас начинается улица Камо, выстроились фаэтоны. Здесь их стоянка. Поздний вечер. Недавно прошел дождь, и мощенная булыжником площадь лоснится, будто смазанная жиром. Неподвижные, как памятники, извозчики дремлют на облучках, высоко подняв воротники своих меховых тулупов. Оглушительно кричат продавцы газет: «Муша!» «Муша-а!» «Вечерний рабочий!».. Связки газет лежат прямо на тротуарах и тают быстро, как холмики свежевыпавшего снега. То и дело раздается: «Извозчик, сколько возьмешь до вокзала?», «Хозяин, на Авлабар повезешь?»..

Мы с отцом возвращаемся домой. Мы где-то были, задержались и поэтому спешим. Отец держит меня за руку, он шагает неровно, размашисто, и я тщетно пытаюсь пристроиться к его шагу. На мир я гляжу снизу вверх, все мне кажется большим, пугающим: и площадь, и дома, и деревья, и люди — все это незнакомое, чужое, непонятное... Мы останавливаемся. Отец покупает

тазету, потом подходит к киоску, где продают папиросы. Я заранее знаю: он попросит «Тропики» или «Федерацию», закурит, и тогда мне придется спрятать нос в воротник пальто, потому что я не переношу табачного дыма...

Мы пересекаем шумную площадь и сворачиваем в полуосвещенную Черкезовскую улицу, где проходит трамвайная линия. Здесь безлюдно. Тишину нарушает только звук наших шагов. Потом вдруг со страшным лязгом и скрежетом появляется из-за поворота трамвай. Грохоча и дребезжа, он проносится мимо нас, подпрыгивая и раскачиваясь из стороны в сторону, будто вот-вот должен сойти с рельсов или рассыпаться на части. Откуда-то сверху, от трамвайного бигеля, прижатого к мокрому проводу, сыплются искры, освещая сиреневым светом пустынную улицу, слепые окна домов и наглухо, будто навсегда заколоченные подъезды.. И снова — тишина и мрак. Только отчетливый звук наших шагов: «даг-дуг», «даг-дуг» — тяжелый и мерный — отца и «как-кук», «как-кук» — быстрый и четкий — мой, эхом отдается где-то в конце улицы.

Отец ворчит: «Шагай же быстрее, что ты плетешься!». Моросит. Колючая крупа больно царапает кожу лица, я морщусь, и мы спешим домой, где сейчас тепло и где за накрытым белой скатертью столом сидит мать и, беспокоясь, дожидается нас...

Спустя много лет отдельные отрывки тревожного ощущения той ночи войдут в стихи:

Дождик мелкие веснушки
Не уставая моросят.

Осенний и полусонный
За окнами темнеет сад...

Кто знает, может, именно в ту осеннюю ночь, глядя с Воронцовского моста на Куру, я впервые заметил, что

Вдоль набережной стоя, фонари
В Куру полощут желтые рубашки..

Или, может, бесконечно дорогой образ матери, у которой была удивительная способность не помнить о себе и всегда заботиться о других, как раз оттуда, из той далекой ночи перекочет в годы моей зрелости и выльется в горестные строки:

Ты смерти своей не заметила, мама,
Охвачена вечной тревогой о нас..

Остров Детства — край, где ничему не верят за глаза, где все предметы пробуются на вкус, на цвет, на запах, ощупываются кончиками пальцев, на которых будто содрана кожа и обнажены нервы. Там укус пчелы — нестерпимо болезнен, свет солнца ослепителен, как вспышка магния, запах дыма (от осенних листьев, например, которые сжигают в садах или на обочине улицы) сладок и удушлив и неприятно щекочет ноздри... Там, на этом Острове, нет неинтересных и малозначительных вещей. Обыкновенная комната в два окна, где прошло твое детство (в ней, оказывается, всего шестнадцать квадратных метров!), вызывает ощущение, о котором позднее напишешь:

Как комната была велика!
Она была, как земля, широка
И глубока, как река.

Да, в детстве — другие масштабы, другие представления о ценностях жизни:

Средь толчи в вагоне
Я вижу малыша:
Он камешки в ладони
Считает
не дыша.

Он рад своей удаче,
Во взгляде торжество...
В вагоне нет богаче
Мальчишки —
никого!

Такое нужно испытать самому, пережить и запомнить, когда в кармане нет ничего, кроме «надкусанного яблока» и «перочинного ножика» и, несмотря на это (а может, благодаря этому!), ты счастлив безмерно и доволен жизнью...

Тбилиси моего детства... По утрам он наполнялся новыми звуками. Едва рассветало, под нашими окнами раздавался крик табакельского или цхетского крестьянина: «Мацо-они — малако! Мацо-они — малако!» ...Вслед за тем раздавался рев, от которого дрожали оконные стекла и звенела посуда в буфете. Порою случалось наоборот: сначала ревел ишак, а потом уже «Мацо-они — малако» — кричал продавец. Мацони квасилось в высоких глиняных кувшинах, разукрашенных цветными узорами. Горлышки кувшинов были аккуратно

прикрыты лоскутами марли, пожелтевшей от жирной пенки. Кувшины, как солдаты в строю, плотными рядами стояли в хурджине — переметной суме, и недовольный рев осла, по-видимому, был вызван тяжестью этой поклажи.

Теперь, когда я вспоминаю, мне кажется, что в чередовании этих звуков была определенная закономерность: чем жалобнее ревел ишак, тем больше уверенности и оптимизма сквозило в голосе его хозяина. ...Первые лучи солнца, ложась на мое одеяло тенью оконной рамы, вносили в комнату радостное обещание или ожидание чего-то. Раздетый, в одних трусах я выбегал на балкон. На изъеденных ржавчиной перилах сверкали лужицы ночного дождя. Привстав на цыпочках, с трудом дотянувшись до перил, я втягивал в себя губами эту влагу и замирал от восторга: она была сладкой и удивительно пахла. Никогда потом мне не приходилось пить такую вкусную воду...

А небо над головой сверкало такой нестерпимо слепящей голубизной, так громко кричали ласточки и так весело прыгали солнечные зайчики в огнях, что казалось —

Если бросить в небо камень,
То услышишь звон стекла!

Каждым летом мы уезжали в деревню, к бабушке. Там, на берегу бурливой реки Июри, среди тенистых садов и виноградников постигал я азбуку поэзии.

Бы жаркий полдень ленью настоян
И ароматом полевых цветов.
Реска лизала берег, как теленок
Наполненное сытной влагой вымя.

Стрекозы от былинки до былинки
На крохотных катались мотоциклах,
Сливалось в звонкий гул их стрекотанье...

Это ощущение — оттуда, из Страны Детства. Оно долго вынашивалось в памяти, созревало, как плод, чтобы обрести, наконец, форму стиха...

Память Детства — как колодец, в котором никогда не иссякает вода. Нужно только поглубже забросить бадью и терпеливо дожидаться, пока она не наполнится, после чего осторожно и умело поднять ее на поверхность, чтобы, не дай бог, не расплескать драгоценную влагу. Память прошлого еще и тем похожа на колодец, что, если спуститься на самое дно, в глубину воспоминаний, оттуда даже днем можно увидеть звезды, т. е. заглянуть в свое будущее...

Из глубины прошлого, из трудных дней конца 30-х годов, незримая рука детства водит пером, и на бумаге возникает образ одинокой женщины, у которой муж (а может, отец или брат) ушел однажды ночью из дому, и неизвестно, когда он вернется:

Женщина, уже немолодая,
Зябко в мех полустертый дышит
И по тихой улице идет.
Ветер, сор к ее ногам сметая,

Лист газетный на стене колышет.
Осень, осень.. Потускнела высь...
На ногах стоим, что ни случись!

Конечно, ребенок далек от понимания душевной драмы героини этого стихотворения, но зрительный образ женщины (чем-то напоминающей мать), одиноко бредущей по безлюдной улице, — эта картина поднята из колодца детских воспоминаний.

Безудержная радость подростка, в котором, как молодое вино, бродят жизненные силы, звучит в строках зрелого человека, для которого Красота и Любовь — неотделимые друг от друга понятия:

Помню каждый пустяк:
Как, подобное сказочной рыбе,
Билось солнце в сетях
Ослепительно-рдеющей зыби.

Как в прибрежном леске
Вдохновенно малиновка пела...
На горячем песке —
Обнаженное женское тело.

И разве не оттуда, не из подводного царства безотчетных детских страхов, всплывают на поверхность слова, передающие тревогу влюбленного, который спешит на станцию, чтобы проводить в путь свою подругу:

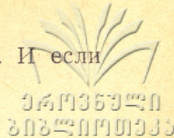
Успею? Застану? Да нет, не застану...
Как тихо, как мертвенно тихо вокруг.

И топот копыт через мост деревянный
Походит на сердца испуганный стук.

Я вовсе не думаю, что гражданские, философские и политические убеждения человека — прямое следствие воспитания, полученного в детстве. Жизнь и общество вносят много своих поправок в формирование личности. Однако

нравственный облик будущего пражданина определяется уже в детстве. И если взрослый говорит:

Солгать себе или другим —
Так это ведь одно и то же!

— в этом утверждении есть большая доля опыта детских лет, когда ложь и обман влекли за собой если не наказание, то хотя бы угрызения совести. А обида неразделенного чувства, когда не с кем поделиться своей радостью, разве это ощущение не пришло к нам оттуда, из детских лет, где любой подарок (игрушка или книга) обретал ценность лишь в том случае, если можно было порадоваться ему вместе с другими?

Я в майскую рощу ходил на рассвете
К березам в прозрачном белом дыме...

Скорей приезжай! На березы эти
Хочу поглядеть глазами твоими.

Чувство общности с людьми, причастности к их радости и горю — это тоже бесценный дар детства...

В наше время технический прогресс дал человеку в руки могучее оружие созидания и разрушения, и потому задача поэзии — сделать человека достойным той силы и свободы, которыми он располагает. Проблема воспитания (имеется в виду не узко утилитарное значение этого слова) выступает на первый план. В чем же воспитательная сила поэзии, какими методами она оперирует? Тем, что наставляет, поучает, дает готовые образцы для подражания? Нет, конечно. Поэзия воздействует на человека средствами художественного отображения мира, и средства эти — безграничны в своем многообразии. Особую роль в поэтическом воспитании личности играют воспоминания детства... Но об этом, пожалуй, лучше сказано у Достоевского.

«Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение». («Братья Карамазовы»).

Время летит быстро, мы стареем, и с каждым годом удаляется от нас сказочная страна Маленького Принца Экзюпери. Но мы должны сохранить в сердце память о ней, чтобы не окончить жизнь раньше, чем оборвется наше существование.

РУКОТВОРНОЕ

ЧУДО

АРАГВИ

О черк

Кто не был пленен красотой Военно-Грузинской дороги! Минувешь Мцхета, Nataхтари, въедешь в Арагвское ущелье, и со всех сторон, вдруг, поднимаются горы-великаны.

«Стоят и ждут», — сказал о них Важа Пшавела. А ждали они, верно, великих потрясений, и вот оно пришло, это время.

«Если понадобится, мы и горы сдвинем», — говорят наши современники...

Как будто Кавкасиони недоставало собственных гор и отрогов — строители ЖинвалиГЭС решили воздвигнуть еще одну гору в Арагвском ущелье. Это — плотина, которая встанет на пути Арагви, то ласково журчащей, как родник, то грозной и беспощадной. Плотина преградит реке путь, по которому она веками несла свои воды, остановит безумный поток. И не знает Арагви, стремительная и своенравная, что будет укрошена, успокоится, ляжет голубым озером у Жинвали.

Что поделаешь, моя Арагви! Но не волнуйся, полностью тебя не остановят. Кто сможет задержать твой бег! Хоть и маленькая ты, но гордая и сильная. Вот и понадобилась людям твоя сила. У подножия Карталинского хребта для тебя уже готовят отводные тоннели. В них ты свободно уместись. Разливайся, носи свои воды, крепи свою мощь, но с грохотом, как это тебе свойственно, обрушья на турбины подземной электростанции, которую воздвигнут у плотины. Весело тебе будет! Ты же любишь шуметь, бусевать, пробовать свою силу. Вот и действуй! Атакуй турбины и обрати свою

энергию в электрический ток. Это ведь сила необоримая!

Пятьдесят лет назад у Авчала ты, Арагви, пришла на помощь своей младшей сестре — Куре. Пятьдесят лет ты вместе с ней вращала турбины ЗАГЭСа. Сейчас же тебе предстоит трудиться в одиночку — ты вдохнешь жизнь в электростанцию, гораздо более мощную, чем ЗАГЭС!

И вправду, с этой беспокойной рекой хочется говорить, как с живым человеком, втолковать ей, что ждет ее у Жинвали. Она ведь ни о чем не подозревает...

Когда пятьдесят лет назад на Куре у Земо-Авчала началось строительство гидроэлектростанции, строители таскали землю на носилках, несколько грузовых машин и один американский экскаватор, приводимый в движение паром, — вот и вся техника тех времен. Время коренным образом изменило темпы и возможности строительства. Разве сравнится прежний размах строительных работ с нынешним! Высота плотины ЗАГЭСа — 18 метров, высота же плотины Жинвали-ГЭС будет равна 110 метрам. Ее шестисотметровое основание ляжет в русло реки, и эта втиснутая меж гор искусственная громада остановит 520 миллионов кубических метров воды.

Не будет более села Жинвали, села Гуруджи и части Ананури... Не пугайтесь, в Жинвали нет ничего, о чем можно было пожалеть, и о Гуруджи жалеть не стоит, а в Ананури кристальная озерная вода подступит к основанию самого красивого уголка Арагвского ущелья — Ананурской крепости. И тогда, верно, Ананурская крепость, глянув в голубое зеркало водохранилища, впервые увидит свое отражение и осознает свою красоту и, отраженная в озере, станет вдвойне привлекательней.

Это все будет по ветви Арагви, текущей в сторону Гудамакари. Другая ее ветвь течет по Пшавскому ущелью. Озеро захватит и его часть и скроет дорогу на Барсахо, что идет сейчас вдоль берега Арагви. Под водой окажется и часть Военно-Грузинской дороги от Жинвали, включая Ананури и еще чуть выше. Строители уже сейчас прокладывают новые дороги на склонах гор. Ког-

да Арагви остановит свой бег и превратится в огромное озеро, горы вокруг станут ниже, вновь проложенные дороги окажутся на уровне берегов озера... Но из-за этих гор, вдруг потерявших высоту, выглянут другие, и ощущение величия не исчезнет. Кто знает, может быть, еще краше станет эта часть Арагвского ущелья? Может быть. Она наверняка будет самым красивым ее уголком. Здесь, на берегу озера, вырастут пансионаты, дома отдыха. Озеро будет богато рыбой. А как вкусна арагвская вода!

Чуть не забыл, моя Арагви! Из нижнего Жинвали тебя так просто не отпустят. Если до сих пор ты несла свои воды меж гор, то теперь по проложенному в горах пути отправишься прямо к Тбилисскому морю. В дороге тебя ждет еще одна запруда. А у Тбилисского моря воды твои профильтруют, очистят, и живой силой вольешься ты в город, в дома, где столько людей будут благоденствовать тебя!

Арагви, ты каждый день видишь людей, замысливших и свершающих эти великие дела. Каждый день — то в тоннелях, то на машинах, то высоко в горах на строительстве дороги, то на полигоне нового бетонного завода...

...Стояла золотая осень, когда я и мой приятель, фотокорреспондент Тархан Арчвадзе, прибыли на строительство ЖинвалиГЭС. Был чудесный солнечный день! Яркие краски горной осени разукрасили склоны Ломис-Алеви, Гудамакари и Карталинских гор. Сам воздух казался золотисто-голубым.

Обыкновенно при появлении корреспондентов — будь то стройка или завод, кузница или садоводство — возникает определенная неловкость, исчезает непринужденность, присущая любой рабочей обстановке, интервьюируемый заочно смотрит в объектив фотоаппарата в тайной надежде получиться на фотографии более красивым и значительным. Такая напряженность и скованность ни в коей мере не характеризовали строителей ЖинвалиГЭС.

Нас познакомили с прославленной бригадой строителей, которой руководит Нико Вучукури. Мы решили сфотографировать их. В такой момент обычно допускаются небольшие инсценировки: «Как будто беседуете о деле», «Как будто спорите»... Фотокорреспондент идет на любые ухищрения, лишь бы фото получилось «рабочим», естественным. На этот раз в такой инсценировке не было необходимости.

Со строительством нас ознакомил молодой инженер производственно-технического отдела Отто Каландаришвили. На каком бы участке стройки мы ни появлялись, мы ощущали атмосферу делового взаимопонимания между рабо-

чими и инженером, между всеми участниками строительства. На нас не обращали особого внимания, казалось, мы приехали сюда не сегодня, а давно работаем здесь. Ежеминутно, ежесекундно строителей интересовало только их дело. А делу конца нет: надо возвести дом, прорыть гору, а пока они переносят сварочный аппарат, месят бетон, очищают от мусора площадь перед тоннелем...

Я услышал, как тоннелепроходчик Борис Колчин выражал недовольство бухгалтеру по поводу задержки с зарплатой. Я заинтересовался, конечно, прислушался, почему это задержалась зарплата, по какой причине рабочие получили ее с опозданием?

— Мы ни на минуту не снижаем темпа работ, а зарплату выдали с опозданием на два дня, — пояснил Каландаришвили.

— Сколько в среднем получает у вас рабочий?

— Двести-триста рублей в месяц. Сейчас мы возводим жилые дома для них. Это будет новый поселок Жинвали. После окончания работ он переоборудуется в одно из курортных местечек. Здесь же расположатся пансионаты.

Строительство комплекса ЖинвалиГЭС началось во второй половине 1971 года, и поначалу темпы его были очень низкие. Но успех любого строительства во многом зависит от таланта руководителей, от их умения управлять людьми. Сегодня стройкой ЖинвалиГЭС руководят именно такие люди. Они не только хорошо знают свое дело, они умеют управлять многотысячным коллективом, и поэтому им по плечу это чудо — грандиозная стройка, намеченная XXIV съездом нашей партии. Вот они, эти люди, — начальник строительства Гиви Чкония, главный инженер Анзор Джавахидзе, директор строительства Владимир Джапаридзе, секретарь партийного комитета Георгий Банцури.

Начальника строительства в конторе мы, конечно, не застали. Он на новом бетонном заводе, — сказали нам. Мы направились туда. Ревут бульдозеры, скреперы, идут караваны самосвалов, до небес поднимаются железные каркасы, огромные бетономешалки соседствуют со складами цемента и песка...

От группы строителей отделился представительный мужчина и направился к машине: это был начальник строительства Гиви Чкония. Он пригласил нас в контору, познакомил с руководителями строительных работ, рассказал о значении и перспективах дела, которое возглавляет.

На стенах кабинета начальника строительства — схемы, проекты, чертежи плотины, тоннелей в разрезе, фотографии тех мест, где будет водохранилище.

Вот одно из них: село Ананури. Фотографию почти пополам перерезает голубая линия. Уровень воды достигает основания Ананурской крепости.

Правда, мы были гостями строителей, но гостями, прибывшими сюда по делу, и не могли надолго отрываться от работы своих любезных хозяев. Мы постарались отнять у них очень немного времени.

Мы предложили руководителям стройки сфотографироваться.

— Позже, позже, когда закончим дела, — улыбается Гиви Чкония и просит Каландаришвили: — Познакомьте товарищей с бригадой Нико Бучукури.

Вскоре мы отыскали Нико Бучукури и его бригаду, вступившую в схватку с горами: бурильщиков Георгия Тандилашвили, Славу Гранже, Григола Карапетяна, рабочих-геологов Реваза Муселяна и Гио Кулумбегашвили, подрывника Алекси Бучукури и других. Они вместе с бригадой Шамше Лацуриани проложили сквозь гору два огромных отводных тоннеля. Сейчас эти тоннели, один диаметром восемь метров, другой — поменьше, почти готовы. Завершаются последние работы, и комплексные бригады тоннелепроходчиков будут переброшены в район нижнего русла Арагви. Предстоит проложить еще немало тоннелей сквозь Карталинский хребет.

Ананури—Жинвали — Сагурамо — Тбилисское море... Эта пятидесятикилометровая трасса — основной участок строительства, на котором будет возведена плотина, электростанция, проложат дороги, очистят огромное дно водохранилища. Оно должно быть очищено так, чтобы даже соринки не осталось. Глядя на эту местность осенним, сверкающим золотом днем, я думал о том, какие руки и какая сила нужны, чтобы выкорчевать столько деревьев и кустарников...

Площадь поверхности водохранилища предусмотрена до 12 квадратных километров. Электростанция, мощность которой будет равняться 130 тысячам киловатт, станет вырабатывать в год 500 млн. киловатт электроэнергии.

Нельзя не отметить, что место для таких грандиозных работ выбрано очень разумно. В обрамлении Карталинских, Ломис-Алевских и Гудамакарских гор Жинвальское озеро засверкает драгоценным камнем.

Строительство комплекса должно завершиться к 1977 году, а электростанция уже через четыре года окупит свою стоимость. На сегодняшний день она считается младшей сестрой ИнгуриГЭС и наиболее достойным внимания участком строительства, намеченного планом девятой пятилетки.

Говорят участники

Всесоюзного совещания критиков

Совершенствовать критическую мысль

Размышляя над тем, какие ощутимые, реальные и важные результаты для нашей литературно-критической мысли последовали после исторических документов XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза и постановления ЦК КПСС о литературно-художественной критике, я должен прежде всего отметить, что за эти два года существенно изменилось отношение к критике и со стороны руководителей печатных органов, и всей нашей общественности.

Сейчас окончательно преодолена долгое время царившая в нашей литературной среде недооценка роли и значения критики. По каждому случаю говорилось, что критики не понимают своих задач, не разбираются в том, чем занимаются, что они беспомощны в решении сложных вопросов литературы. Так постепенно удельный вес критики в руководстве наших писательских организаций, печатных органов Союза писателей становился все меньше. В результате многие критики отказывались от своей профессии, уходили в область далеких исторических изысканий, в историю литературы или просто начинали писать романы, новеллы, пьесы, словом, отходили от острой боевой критической деятельности.

Дело шло к явному оскудению критической мысли в нашей литературе.

Не касаясь того, кто в этом виноват прежде всего — сами критики или еще кто-либо, — скажем о главном — возникла реальная опасность того, что советская литература будет развиваться в дальнейшем не только без активного воздействия, но и без участия литературно-критической мысли.

Бесо ЖГЕНТИ

И в этот период партия со всей определенностью заявила с высокой трибуны XXIV съезда КПСС о том, что развитие советской литературы, успешное решение стоящих перед ней задач невозможно без участия боевой, принципиальной, партийной литературной критики.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил в своем докладе на XXIV съезде, что успехи и достижения нашей литературы были бы больше, а ее недостатки изживались бы быстрее и успешнее, если бы критика наша стояла на должной высоте. Тем самым партия подчеркнула огромную роль и значение литературной критики для развития всей советской литературы и культуры.

Активизация критиков, появление новых критических органов, более внимательное отношение прессы к процессам литературы не могут не повлечь за собой дальнейшего развития и усовершенствования критической мысли.

На Всесоюзном совещании критиков, состоявшемся в январе этого года в Москве, мы выслушали очень серьезные, важные, содержательные доклады, все основные положения которых во многом помогут нам. В них было перечислено много книг о литературе, названо много хороших статей.

Но не в этом самое главное и самое существенное, что мы получили от критики за прошедшие два года. Работы наших критиков издавались и задолго до постановления ЦК КПСС о критике. Так, книга В. Перцова о Маяковском написана не в прошлом и не в позапрошлом году, как и книга И. А. Меченко, но важно, что эти работы отмечены Государственной премией, что роль и

значение критики подняты на должную высоту наравне со всей нашей советской литературой. И это, конечно, не может не повлиять на повышение профессионального уровня критики, углубление ее теоретической, философской оснащенности, совершенствование ее мастерства.

Сейчас наша очередная задача — дать развитие тем добрым начинаниям, которые наметились. Конечно, создание журнала «Литературное обозрение» — очень хорошее дело, но нельзя взвалить на него всю тяжесть освещения живого литературного процесса. Важно, чтобы все наши журналы, вся наша пресса решительно перестроили и расширили свою работу в этой области.

Несмотря на значительные сдвиги, пока ни один наш журнал не может похвалиться тем, что душой его стала критика. Этого нет даже в «Вопросах литературы».

Надо добиться такого положения, чтобы большая часть всей книжной продукции получила оценку критики. Надо стараться, чтобы критики смелее, откровеннее, решительнее говорили не только о достоинствах, но и о недостатках того или иного произведения, чтобы была создана такая атмосфера, при которой никто из писателей — больших или малых — не оставался вне поля зрения критики, чтобы все они подвергались критическому анализу — доброжелательному, уважительному, требовательному, чтобы при этом критики руководствовались высокими принципами нашего социалистического искусства.

Должен сказать, что доклад Л. Н. Новиченко на всесоюзном совещании критиков при всех его достоинствах не дал полной картины нашей всесоюзной критической мысли. Не касаясь других литератур, остановлюсь на грузинской. В Грузии живет и активно работает большой отряд критиков, и вряд ли правильно было отметить за эти два года как самое важное и существенное только то, что молодой и, безусловно, талантливый критик К. Имедашвили в одной из своих статей упомянул апостолов Матфея и Луку. Неужели ничего больше не произошло в деятельности грузинских критиков? Неужели за эти два года они ничего не сделали?

Конечно, отдельные промахи, пробы, ошибочные формулировки в их работах еще встречаются, но в целом грузинская критика, как и вся многонациональная критическая мысль, развивается в правильном направлении, борется за реализацию указаний нашей партии, изложенных в исторических документах последнего времени.

У нас издан ряд интересных литературоведческих и критических работ. Я могу назвать новую книгу Г. Маргвела-

швили, посвященную поэзии Г. Табидзе, большой сборник критических статей Л. Каландадзе, книги Г. Меркуриадзе «Роман и время», Г. Гвердцители и Богомолова и Р. Миминошвили; последняя содержит большой и ценный материал о взаимосвязях грузинской литературы со всеми братскими литературами Советского Союза. Отрадным событием является выход в свет первой книги трехтомного исследования Т. Буачидзе, посвященного узловым проблемам истории русской литературы. Труд этот содержит много смелых, оригинальных положений, находок и широких обобщений.

В грузинской литературной периодике и во всей республиканской прессе появилось много интересных квалифицированных статей, написанных на высоком профессиональном уровне. Радует появление новых имен молодых, талантливых, эрудированных критиков. Это Д. Гвинджилия, Д. Титмерия, С. Сигуа, Р. Алимоцали, Т. Цивцивадзе и другие.

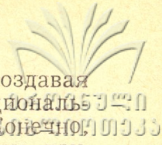
В Литературном институте имени Г. Табидзе образовалась группа критиков, активно участвующих в живом литературном процессе. Среди них — Д. Гевзадзе, З. Абзианидзе, К. Имедашвили, А. Васадзе, Г. Гачечиладзе и другие. Активнее стали реагировать на события «текущей» литературной жизни филологи, работающие в Тбилисском государственном университете. Из них в первую очередь следует упомянуть З. Чумбуридзе, Р. Мишвеладзе, Т. Кванчлашвили...

В деятельности писательской организации республики вопросы критики и литературоведения приобретают все возрастающий удельный вес. Союз писателей республики старается содействовать творческому росту молодых критиков, помогать им в преодолении отдельных ошибок и промахов.

Мы последовательно добиваемся коренного улучшения и усиления работы отделов критики и библиографии наших журналов и литературной газеты. Следует отметить, что в этом направлении пока сделаны только первые шаги. Предстоит еще большая и настойчивая работа.

В республике стал выходить новый орган печати, всецело посвященный вопросам литературной критики. Это альманах «Критика», первые номера которого произвели в общем положительное впечатление и породили надежду, что со временем он может превратиться в журнал.

Мы — писатели, литераторы национальных республик — очень довольны тем обстоятельством, что в нашей критике сейчас намечается тенденция целого осмысления всесоюзного литератур-

ного процесса. Наши критики стали рассматривать явления искусства в масштабе всей многонациональной литературы.

В этом направлении успешно работают как видные русские критики, так и исследователи литературы во всех республиках Советского Союза. Сейчас уже немислимо анализировать произведение оторванно, изолированно, без учета всего многообразия советской литературы. И правильно мнение, что сегодня критик не может работать без учета и понимания всего литературного процесса современного мира. Но, к сожалению, встречаюся еще факты примитивного, шаблонного отношения к этому делу; порою критик делает объектом своего исследования одну украинскую, одну белорусскую и одну азербайджанскую книги и непременно пытается отыскать

в них аналогии и параллели, создавая этим видимость всего многонационального литературного процесса. Конечно, можно и нужно, даже необходимо изучать процесс взаимосвязей и взаимообогашения советских национальных литератур, процесс возникновения и формирования общих черт, характеризующих всю литературу социалистического реализма. Для этого необходимо прибегать к аналогиям, параллелям, к сравнительно - сопоставительным средствам анализа. Но этим не следует подменять работу по глубокому, всестороннему изучению отдельных национальных литератур, отдельных художественных произведений. Народ ждет от критика глубокого, серьезного, всестороннего анализа конкретного произведения литературы со знанием языка и культуры народа, о литературе которого он пишет.

Ответственность критика

Сегодня всем ясно, что постановление ЦК КПСС «О литературно - художественной критике» сыграло важную роль в нашей жизни, в нашей работе, отразившись в самых разнообразных ее сферах.

Я хочу упомянуть о двух явлениях, которые мы вправе рассматривать как прямое следствие этого постановления. Это хорошо известный теперь всем журнал «Литературное обозрение» и альманах Союза писателей Грузии «Критика», который также, мы надеемся, в скором времени сможет стать журналом.

У «Литературного обозрения» есть свои трудности, свои уязвимые стороны, но есть и очевидные успехи. Обусловлены они и тем, что в журнале работают люди, в общем превосходно знающие нашу многонациональную литературу, в частности, отлично осведомленные о ее многочисленных фактах и явлениях. Я думаю, опыт этого журнала наиболее красноречиво напоминает нам, что мы должны лучше знать и лучше понимать друг друга.

Критика обычно предъявляет свой счет литературе — предписывает, взывает, призывает. Однако мы порой за-

◆
Гурам АСАТИАНИ

бываем, что каждое из предъявляемых нами требований содержит в себе коварное свойство бумеранга...

◆
Один русский писатель моего поколения, не очень жалующий своих профессиональных ценителей, как-то заметил, что они ему напоминают придиричвого арбитра, который, уютно расположившись под тентом моторной лодки, сопровождает пловца, совершающего марафонский заплыв. Пловец из последних сил борется со стихией, задыхается, вкладывает в каждое свое движение максимум воли, мужества, умения, а человек с лодки бесстрастно следит, как бы тот не нарушил предписанного стиля.

Когда я стараюсь представить себе эту картину, перед моими глазами всплывает другой образ — капризно-лукавое лицо «знатока» с известной картины Питера Врейгеля-старшего. Страшно оказаться в роли такого ценителя!

Критик, по-настоящему уважающий свое дело и призвание, не имеет права на облегчение своего труда, который он делит со своими собратьями по перу. Я думаю, что именно такое отношение к

нашей профессии лежало в основе большинства выступлений на недавно закончившемся Всесоюзном совещании критиков. Требование знания критиком жизни в самом широком смысле этого слова особенно четко было сформулировано в заключительном выступлении Г. Маркова, в котором выразилось главное направление этого совещания.

Такой нелицеприятный, взыскательный разговор о критике напомнил мне некоторые не очень далекие факты нашей литературной жизни. Механика этих фактов, в сущности, одинакова. Однако каждый из них имел и свои специфические особенности.

В истории грузинской советской литературы были случаи, когда, например, критик «исправлял» концепцию исторического произведения, не в достаточной, мягко говоря, мере владея лежащим в ее основе материалом, всецело полагаясь на правильность своей субъективно-априорной установки, или когда другой критик, опровергая достоверность выраженного языком поэзии эмоционального содержания, не удосуживался или просто не умел вникнуть во внутреннюю структуру тончайшей материи, именуемой нами интимным миром поэта. Предметом подобных «поправок» в разное время становились, в частности, такие произведения, как «Арсен из Марабды» М. Джавахишвили и «Давид Строитель» К. Гамсахурдия, которые ныне причислены к классике грузинской советской исторической прозы.

В адрес лирики притязания такого характера предьявлялись чаще, так как некоторые из нас привыкли смотреть на нее как на наиболее легкий (для критика!), не требующий какой-либо специальной подготовки жанр. Так, скажем, Тициану Табидзе ставили в упрек рискованные прозаизмы, Симону Чиковани — чрезмерную сложность поэтики, а Анне Каландадзе — недостаточную конкретность образов.

Все эти термины и определения представляются нам сейчас старыми аксессуарами «проработанных» рецензий. Однако некоторые рудименты такого отношения к своеобразному миру поэзии сохранились и в наше время. И теперь порой нас очень сильно тянет в этой своеобразности поэтического мышления, манеры, языка усматривать элементарное «отклонение от нормы».

Но главное, о чем мне хочется сказать в свете особо обострившегося в наши дни требовательного отношения к труду критика, состоит не в этом. В сегодняшней грузинской литературе наблюдается своеобразное возрождение интереса к основе основ нашей общественной действительности — к жизни и делам людей, создающих материальную базу нашего социального развития. Фор-

мы проявления этого интереса многообразны. Сказалось это, в частности, и в том, что многие из наших ведущих прозаиков и поэтов находятся сейчас в длительных творческих командировках, и места этих командировок — крупнейшие индустриальные и сельскохозяйственные районы республики.

Признаком такой возросшей целеустремленности в самой литературной критике мне представляется то особое внимание, которое уделено в нашей периодике произведениям, явившимся плодом непосредственного обращения к этой важнейшей, фундаментальной теме советской литературы.

Я имею в виду, в частности, два романа — «Седьмое небо» Г. Панджикидзе и «Кабахи» Л. Мрелашвили. Писали и пишут о них разные критики, по-разному, остро полемизируя не только с авторами романов, но и друг с другом. Хочется особо выделить статью Г. Гвердцители, начавшего спор вокруг главного героя «Седьмого неба» — молодого инженера-металлурга Хидашели (кстати, этот спор по своему содержанию во многом предвосхитил сегодняшнюю дискуссию о Чешкове — герою пьесы Дворецкого «Человек со стороны»), а также остропублицистические выступления А. Каландадзе, Т. Кванчилашвили, В. Баиандзе вокруг романа Л. Мрелашвили.

Знаменательно, что во всех статьях, посвященных этим романам, общим критическим постулатом прозвучала по-новому акцентированная убежденность в непосредственной, деятельной причастности литературного процесса к событиям общественной жизни, точнее, к тем явлениям трудовой, производственной деятельности советского человека, которые существенно воздействуют на его социальную психику и нравственность. Все эти статьи проникнуты пафосом, характерным для сегодняшней грузинской критики, особенно же для ее молодого поколения, которое сейчас не только активно выступает наряду с более опытными литераторами, но и во многом задает тон в ней.

Я имею в виду таких одаренных молодых литераторов, как К. Имедашвили, Дж. Титмерия, Дж. Гвинджилия, Т. Цивцивадзе. Называю их фамилии с надеждой, что в скором времени именно они будут представлять перед всесоюзным читателем лицо грузинской критики.

От изящных портретов, отвлеченных эссе и подытоживающих микромонографий грузинская литературная критика на наших глазах сделала довольно резкий крен в сторону литературной злобы дня, отражающей острее, животрепещущие вопросы современности. Она реагирует на литературные факты почти с беспрецедентной для нее незамедлительностью.

И именно здесь наряду со всеми благами, принесенными этой новой волной, пришлось столкнуться и с тем, что мне представляется одной из самых уязвимых сторон нашей совместной критической деятельности: с недостаточной глубиной, недостаточно конкретным знанием специфического материала жизни, ставящим нас порой в положение «некомпетентных лиц» при оценке произведений, созданных на основе именно такого жизненного опыта. Быть советским литератором (все равно — прозаик ты, поэт или критик) — значит находиться в бессрочной командировке, и место этой командировки — жизнь народа, гуща социальных событий, самая сердцевина жизни. Маяковский говорил: «Надо, чтоб поэт и в жизни был мастак». Я уверен, что это не в меньшей, а даже в большей степени касается человека, призванного, между прочим, и к тому, чтобы сверять литературу с ее подлинником.

Специфический треугольник: «критик — писатель — жизнь» имеет еще один аспект, который сегодня приобретает первостепенное значение. Год назад в Тбилиси состоялся объединенный пленум правления Союзов писателей Закавказских республик. Были намечены практически наиболее нужные и необходимые шаги в сторону более глубокого взаимопонимания, взаимоуважения, сотрудничества. Думалось и говорилось, в частности, о том, как мы, писатели разных национальностей, можем обогатить друг друга, еще больше расширить культурный горизонт наших читателей, приобщив их к миру многообразия, творимому советскими писателями всех национальностей.

Разговор об этом особенно актуален именно сегодня, когда жизнь все глубже внедряет в наше сознание эпохальное понятие, определенное нами как «новая историческая общность людей — советский народ», понятие, воплощенное в реальность совместными усилиями нескольких поколений советских людей.

Я убежден, что по-настоящему глубокое критическое мышление как акт творческого самоутверждения всегда содержит в себе черты национальной самобытности. Не только потому, что критический эквивалент художественного процесса, художественной литературы немислим, если критик не пропитан духом этой литературы, не чувствует ее глубинных течений, ее приливов и отливов, не осязает ее живую плоть, если ему не доступны сокрытые движения ее духа. Национальное своеобразие критики улавливается и в других существенных чертах, которые обусловлены также конкретными социально-историческими моментами.

Так, например, когда мы говорим о русской классической критике прошлого столетия, стараюсь представить ее себе как нечто целое, при всей присущей ей многогранности, мы, как правило, первым делом отмечаем могучий дух правдоискательства и гражданскую устремленность, тогда как у французоз той же эпохи нас подкупает ясность эстетических критериев, окрыленный высоким вдохновением рационализм, пластическое восприятие образов поэзии и соответствующая всему этому ясность, четкость самого образа критического мышления...

Но вернемся к современности...

Некоторых своих армянских коллег я узнаю по обстоятельности суждений, по добротности стиля, по их пытливому, непримиримому ко всяческому двусмысленностям, аналитическому складу ума.

А в творчестве, скажем, самых ярких, на мой взгляд, литовских литературоведов наших дней мне импонирует тонкое чутье, обостренное восприятие материала, особая утонченность не только вкуса, но и наблюдений, оценок, а также формы их выражения.

Читателя может заинтересовать, как я смотрю с этой точки зрения на своих соотечественников.

Крупнейших грузинских критиков XX века, труд которых мы сегодня имеем возможность подытожить, характеризует своеобразное тяготение к свободному, не скованному строгими критическими прерогативами течению мысли. А также некоторая пламенность, некоторый артистизм, особая эмоциональная убежденность.

Мне хотелось заострить внимание на одном аспекте хорошо известной закономерности жизни. Но есть и другой аспект, который также не следует упускать из виду: критику, как и литературу, как и всякое искусство, как и саму жизнь, делают яркие индивидуальности. Существуют звезды, сияющие в продолжение миллиардов световых лет, существует светлячок, который светит нам лишь несколько мгновений. Главное, чтобы был свет, было свечение, которое мы воспримем как знак жизни, горения, как свидетельство хоть и самого маленького, но все-таки чуда.

Какие светлые умы, какие непохожие друг на друга творческие индивидуальности закладывали основы советской критики!

Никто из нас не станет отрицать существования таких индивидуальностей и в наши дни. Но как часто вместе с тем мы подпадаем под взаимное — отнюдь не благотворное — влияние, как часто повторяем друг друга, повторяем не только отдельные слова и мысли, но и целые структуры, которые рождают не-

имоверное количество вариаций, переплетов или малооригинальных аранжировок.

Надеюсь, меня поймут правильно. Речь идет не о поощрении мании оригинальничания или склонности к рожденным литературной модой стилизациям... Все это упирается в гораздо более серьезные явления и проблемы современности.

Критика более всех других видов литературного творчества подвержена воздействию той разбушевавшейся вокруг нас стихии, которую мы называем потоком информации.

Именно литературной критике больше всех грозит опасность расплыться и сгинуть в этом водовороте, превратиться в нечто столь же безликое, равнодушное к своему содержанию и поэтому и к форме его выражения, то есть превратиться в прямую противоположность своей сущности. Для того чтобы устоять перед этим нахлынувшим на нас потоком, она тщетно будет искать иллюзорную бухту спокойствия, так как таких убежищ завтра или, во всяком случае, послезавтра практически не станет... Единственное ее спасение в надежном якорю, а также в возможности так оснастить свою шхуну, чтобы эти волны не могли швырять ее по своему произволу, чтобы творческая воля и разум оказались сильнее стихии. Речь идет о чувстве внутренней самостоятельности и о творческом начале в труде критика, способном растворить в себе и подчинить своему диктату этот внешний материал, сохранив тем самым самостоятельную ценность собственно критическим поискам и открытиям.

Наконец, я хочу сказать еще об одном знаменательном явлении в сегодняшней грузинской критике.

В последнее время в выступлениях наших литераторов на первый план выдвинулись проблемы этического содержания. Такое тяготение выявилось в разных формах: так, в книгах Г. Маргвелашвили и Р. Тварадзе, посвященных творчеству Галактиона Табидзе, конкретное содержание нравственных вопросов современности раскрывается посредством скрупулезного анализа структуры образов и творческой лаборатории поэта. В работах А. Бакрадзе в центре внимания оказалась социальная подоплека психологии новых героев грузинской прозы. А в критических этюдах Г. Канкава прослеживаются многообразные формы лирического преломления сдвигов, происходящих в этическом мире современного человека. В статьях Г. Гачечиладзе та же проблематика исследуется с привлечением богатого опыта классической реалистической литературы прошлого столетия (в частности, путем ее сопоставления с нравственными иска-

ниями Ф. М. Достоевского), а в серии критических очерков З. Абзианидзе тенденции современной поэзии рассматриваются в плане актуальных вопросов социалистического гуманизма. Самое характерное в этих работах то, что проблемы нравственности выступают в них не в поверхностно-схематической трактовке, толкуются не отвлеченно, а с серьезным намерением проникнуть в самое их нутро, в самую суть их общественно-психологических основ.

Все это представляется мне также значащим временем.

Следует сказать, что люди моего поколения (во всяком случае, многие из них) пришли в грузинскую критику с некоторым предубеждением в отношении к так называемому социологическому методу в литературоведении. Эта идиосинкразия имела, безусловно, свои естественные причины, но оправдания ей, также естественно, не нашлось. Жизнь сумела убедить нас в том, что в обществе, в котором мы живем и работаем, в самом деле функционируют разные социальные интересы.

Сражались две психологии. Это была борьба между новым, социалистическим сознанием и сознанием мещанским, консервативным, сознанием, которое делало все, чтобы выжить, продлить свое существование, и ради этого рядилось в самые что ни на есть передовые, эпохальные, прогрессивные наряды.

Я не социолог по профессии, но в мелкобуржуазной психологии тоже кое-что разумею, и как критик эту самую мелкобуржуазность усматриваю не только в эстетическом эгоцентризме, в анархических умонастроениях, аполитичности или снобизме, но и в других не менее ущербных приметах.

Когда советский литератор видит благодевающее зло и благодушно молчит, он не советский литератор, а самый обыкновенный обыватель.

Было время, когда обывателя тянуло к аристократии, Мещанин во дворянстве смешон. Но тот же мещанин в литературе выглядит зловеще. Потому, что он дискредитирует в глазах общества ту сферу духовной жизни, без уважения к которой любое общество теряет основные моральные ориентиры, теряет веру вообще во всякую духовность и начинает поддаваться убийственному для него равнодушию, скепсису, нравственному релятивизму.

Было бы нечестно утверждать, что грузинские писатели, в частности, грузинская критика в целом не смогли устоять против этого.

Однако подобные настроения роковым образом сказались на психике людей, представления и принципы которых по весьма уважительной причине не

приобрели к этому времени должной устойчивости.

В повестке дня нашего совещания стоял вопрос и о воспитании молодых литературных кадров.

Так вот я хочу сказать, что мы еще не научились правильно, разумно работать с молодежью. Не научились понимать, как малейшая фальшь в нашем голосе может свести на нет силу самых прекрасных слов. Не научились той особой чуткости, той щепетильности, которых она от нас требует.

Бывало, что талантливый, умный, понастоящему необходимый литературе, необходимый для ее развития, для ее дальнейшего продвижения вперед молодой писатель оставался в стороне от этих процессов — от реальной литературной борьбы, обрекая себя на положение белоручки, потому что он не желал марать руки, потому что участие в этой борьбе представлялось ему ниже своего достоинства, а его место занимала активная посредственность, у которой отсутствие литературных способностей компенсировалось тем, что он был способен на все ухищрения, не имеющие отношения ни к литературе, ни к нашим общественным задачам.

Вот мы и пришли к вопросу вопросов, имя его — наш завтрашний день, наша смена.

Совещанию, которое мы провели, у нас, как и, наверное, в других республиках, предшествовали плодотворные встречи грузинских критиков. Состоялся серьезный, довольно острый, хотя далеко и не заверченный разговор.

И следует сказать, что тон в этом разговоре задавали молодые. Дело не только в том, какой это был тон, вернее — какие были тона. Этот разговор убедил нас, что сражение продолжается, что борьба, о которой идет речь, приоб-

рела новые формы и не утратила своей остроты.

Между прочим, молодой критик, который выступил последним в прениях, завершил свою речь изречением одного очень умного человека современности. Смысл этого изречения или, вернее, этой притчи, такой: у каждого народа есть свои представители перед всевышним. И вот наступает момент, когда последний собирает этих представителей и задает им несколько вопросов. Народы, представители которых смогли ответить на вопросы, продолжают жить, другие же обречены на прозябание или смерть.

В советское время сформировался новый тип критика, который ничего общего не имеет с бесстрастным ценителем литературы, выставляющим баллы за «технику» и «артистизм», воспринимающим жизнь преимущественно через мир искусства. Сила нашей критики, настоящая сила слов, понятий, принципов, средств, которыми она располагает, измеряется степенью ее истинной близости к жизни, полезный коэффициент ее воздействия на развитие литературы соответствует ее кровной заинтересованности реальным ходом общественных событий. Мы, советские критики, имеем серьезные полномочия от общества, которое представляем. Время с нас спрашивает строже, чем с других, требуя только точных, исчерпывающих ответов. От них зависит не только наша собственная судьба, но и судьба всего, что стоит за нами и что нам дороже собственной жизни.

Это и наши убеждения, и идеалы, и живые люди, это новый, проходящий строжайшее испытание историей социалистический склад сознания — новая человеческая действительность, за духовный облик которой мы несем особую ответственность.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Представить себе сегодня современную грузинскую литературную жизнь без имени Отара Чиладзе уже невозможно. Он — автор нескольких сборников стихов, девяти лирических поэм, киносценария и объемистого романа, переводчик Пушкина, Лонгфелло, Расина, Багрицкого...

Художник, требовательный к себе, принципиальный и вдумчивый, с сильно развитым чувством ответственности (а это едва ли не самое главное), Отар Чиладзе не избирает легких путей в литературе. Все, что сделано им, измеримо лишь высоким мерилом большого искусства (хотя, конечно, это вовсе не означает, что все написанное поэтом равноценно).

Всякое искусство отмечено печатью своего времени, оно не существует вне времени и пространства. Но человеческой природе присущи некие неизменные величины. Эти вечные, неизменные свойства ее прекрасно запечатлены в лирике. Подлинная поэзия утверждает, что проблема отчужденности, о которой столько пишут и говорят на современном Западе, лишена твердой почвы. Невозможно серьезно поверить в некоммуникабельность людей, когда существует лирика. Наверное, в этом и состоит самая большая ее заслуга.

И все же время — фактор, который нельзя сбрасывать со счетов при восприятии творчества того или иного лирика. Мы уважаем Архилоха и Сафо, но намного ближе нам Блок и Маяковский, значительно острее ощущаем Галактиона Табидзе, Пастернака, Аполлинера. Здесь речь не о качестве, а о схожести чувств, стремлений, восприятия вещей.

Лирический герой Отара Чиладзе — наш современник. В его мышление сме-

ло входят быт нынешнего города, реалии нашего времени, современное видение явлений. Современна и его психология. Поэтому многие стихотворения поэта в эмоциональном отношении доступны и болгарину, и французу, и финну, ибо сфера чувств и интересов тут может совпасть. Однако Отар Чиладзе в первую очередь поэт грузинский. И не только по своему темпераменту, но и потому, что в его стихах сохранены краски родного края, передана большая любовь к Грузии. В подтверждение этого можно было бы привести многие стихотворения Отара Чиладзе, но, к сожалению, на русский язык переведены лишь очень немногие из них. Знаменательно в этом отношении маленькое стихотворение «Тбилиси». Поэт чувствует большую ответственность перед настоящим и будущим родины; он знает, что жизнь каждого человека в чем-то дополняет, а возможно, и меняет судьбу страны; старая Мцхета, вдохновившая на создание блестящих творений грузинского поэтического слова, воспетая в замечательных стихах Георгия Леонидзе или Симона Чиковани, не могла не запечатлеться и в поэзии Отара Чиладзе. Однако его видение и воплощение его в этом стихотворении качественно отличны от традиции предшественников.

В поэзии Отара Чиладзе все «вечные вопросы» поэзии поставлены заново: добро и зло, жизнь и смерть, вечность и любовь — все это находит у него своеобразное выражение. На протяжении веков литература словно бы исчерпала круг вопросов, на основе которых можно создать литературное произведение. Казалось бы, все уже сказано, но вот приходит новый писатель и, если прибегнуть в искусстве к биологической терминологии, то в новом сочетании хромосом рождается новое произведение, окрашенное своими красками, наделенное иной силой воздействия:

Мне надоело думать. Я читал,
В окне качались мокрые деревья.
Читал — и все. И громко дождь стучал,
Отяжелели мокрые деревья.

И облако качалось, как звезда,
Качался дождь, и дерево качалось.
Кричали на дорогах поезда —
У них по-человечьи получалось.

И померещилось, что кто-то близкий мне
Маячил на перроне, ростом низок..

(Перевод Ю. Морיצ)

В современной литературе стало заметно одно интересное явление: в прозу все больше проникают элементы лирики, а в лирику, в определенной дозе, — элементы прозы. Это взаимообогащение, взаимодействие жанров наблюдается в творчестве многих писателей. Можно, пожалуй, даже сказать, что тенденция эта присуща всей литературе нашего времени. Поэзия становится более конкретной — небесная синь, лунные ночи, холодные зеркала заменяются бытовыми деталями, которые органически входят в поэзию высокого накала и вовсе не снижают ее эмоционального воздействия. Часто обыгрываются эти бытовые детали, реалии времени — самолеты, машины, ракеты — и в стихах Отара Чиладзе, но они всегда возведены им в ранг высокой поэзии. Описательный момент почти неизменно сопутствует его стихам, но это ни в какой мере не снижает ни драматизма, ни динамики их.

Песня снега была высоко сложена
Для прощенья земле, для ее утешения,
И, отважная, длилась и пела струна,
И страшна была тонкость ее натяженья.

Голос снега печально витал над толпой:
— Пой! — кричали ему. — Утешай

и советуй!

Я один закричал: — Ты устал и не пой!
Твое горло не выдержит музыки этой.

На рассвете все люди забыли певца,
Занимаясь заботами плача и смеха.
Тень упала с небес и коснулась лица —
То летел самолет там, где не было снега.

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Известно, что в грузинской лирике нашего времени особое значение приобрело метафоричное мышление. В творчестве Отара Чиладзе эта тенденция особенно подчеркнута и ощутима. Конечно, творческая индивидуальность, настрои имеют большое значение. То, что для одних может быть спорным, для других окажется вполне приемлемым. У Отара Чиладзе метафоричное мышление доведено почти до творческого принципа. Талантливо, щедро рассыпает свои сравнения поэт.

Несмелый локоть горестной зимы
Из тьмы, снаружи лег на подоконник,
Из сумрачных берлог, из мглы земли,
Наверно, многих, но не знаю, скольких,

Рев паровозов вышел и звучал.
Не ведаю, что делалось со мною,

Но мне казалось — плачь их означал
То, что моею было тишиною.

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Стихи Отара Чиладзе впечатляющи. Однако достигается это не за счет музыкальности. Поэт проявляет некоторое равнодушие к рифме, но это почти никогда не ощущается, потому что внутренний ритм стиха, богатая образность, точность поэтического письма, особенно обостренная у Отара Чиладзе, делают его поэзию удивительно эмоциональной. Для иллюстрации этой тезы перевод, даже самый высококачественный, недостаточно выразителен. Такой корифей рифмы, как Пушкин, писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. «Пламень» неминуемо тащит за собой «камень». Из-за «чувства» выглядывает непременно «искусство». Кому не надоели «любовь» и «кровь», «трудный» и «чудный», «верный» и «лицемерный»

Поэзия без рифмы, на первый взгляд, кажется парадоксальной, но верно и то, что начинается она не с рифмы, а с единства всех компонентов, содержащихся в стихотворении. Отар Чиладзе переносит акцент на содержательность стиха.

Особое место в его творчестве занимает любовная лирика. В стихотворениях О. Чиладзе отражены сложные отношения, они глубоко прочувствованы и иногда доведены до трагического звучания. В этих стихотворениях он особенно современен как писатель. О. Чиладзе не описывает «кудри» и «ресницы» любимой, его отношение к ней лишено слезливого сентиментализма. Это настоящее глубокое чувство, и автор, в первую очередь, описывает именно его, те восприятия и эмоции, те поэтические образы, которые оно вызывает. Такие стихи — поэтическая исповедь. У Отара Чиладзе нет просто безделушек. Нет, любовная лирика его предельно накалена, раны в ней не зарубцованы, они все еще причиняют боль.

Марина! Но мой зов летит на ветер,
Нас, как ограда, разделяет год.
Сейчас на всех углах лотошник-ветер
Проходим погремушки раздает.

Здесь падал снег и плечи мне сутулил,
Как их сутулит долг, он шел подряд,
Как гипсовые белые скульптуры,
В садах планеты выстроились в ряд...

(Перевод И. Дадашидзе)

Любовная тема подчеркнута и в лирических поэмах О. Чиладзе. Лирическая

Поэма особенно преуспевает в наше время, и в этом есть своя закономерность. В литературоведении этот факт породил даже беспокойство за судьбу эпической поэмы, хотя предугадывать что-либо в литературе очень трудно. Если же просто констатировать факты, станет ясно — лирическая поэма, лирические циклы по объему занимают все большее место в литературной продукции. И в этом случае О. Чиладзе идет в ногу со временем.

Как мы уже говорили, любовная тема в поэмах Отара Чиладзе одна из главных, но особенно акцентирована она в двух поэмах — «Год света» и «Поэма любви». В первой в воспоминания лирического героя с образом любимой женщины входит многое, что не имеет непосредственного отношения к ней, но к чему причастна личность героя, его моральный облик. В поэму со всей ее жестокостью вплетена тема войны: война в тылу, война в концентрационных лагерях, война, как испытание человеческой чистоты. Особенно надо отметить в этом отношении поэму «Человек в газетной полосе», которая является ярким примером того, как газетная хроника может стать стимулятором настоящего искусства. Даже поэма, созданная по мотивам «Глиняных пластинок» Гильгамеша, современна. И не потому, что в современной литературе вообще очень популярно использование мифологических сюжетов или образов. В поэме О. Чиладзе поставлен вопрос о высокой гражданственности и еще много других вопросов, которые непосредственно соотносятся с современностью.

Если мотивы Гильгамеша поэту нужны для того, чтобы еще раз доказать вечность человеческих страстей, то в поэме «Тако и Заза» подчеркнута такая человеческая страсть, как любовь к родине. Вечен зов крови, зов земли. Поэт пишет о своих детях, но отцовская любовь у него неразделима с любовью к родине. Без всякой ложной патетики поэт готов заплатить самую большую дань — даже ценою жизни своих детей, если это нужно отчизне.

Рука законченного, сильноного мастера чувствуется в поэмах «Цирк», «Итальянская тетрадь», «Шапка, наполненная дэвами»¹. Часто в поэмах Отара Чиладзе белый стих совмещим с обычным стихом. Так, например, в «Поэме любви» белым стихом написана часть «Евридики и Орфея», а рифмованным — «Еще одна весна». Эти два мотива, две темы в поэме развиваются параллельно, нигде, кроме сознания читателя, не пересекаясь. Поэт не связывает мифо-

логический мотив с реалистическим, но связь их настолько очевидна и ощутима, что это делает читатель. А Отар Чиладзе доверяет ему.

Поэма «Итальянская тетрадь» родилась, как зарисовка путешественника. Но в эти, казалось бы, поверхностные впечатления туриста вошло многое, выношенное временем, наболевшее и актуальное:

В тени Везувия Помпеи прах
Горит. Обнажены ее покровы.
Окаменевшие печаль и страх
С чуть слышным запахом истлевшей
крови.

Для нас для всех приходит время стать
Превыше бога, властвовать над небом.
И, наслаждаясь, воздухом дышать
И воду пить, и насыщаться хлебом.

(Перевод Ст. Куняева)

Поэзия Отара Чиладзе необыкновенно зрима. И это качество налицо в той же «Итальянской тетради»:

Стог... девушка... И больше — ни души.
Жара не отступает, не спадает.
Блестит река. И в глубине души
Негромко кто-то песню начинает.

Но вдруг, как слово, что нельзя забыть,
Развалины на взгорье обнажатся,
Как будто для того, чтобы спросить,
Как долго это будет продолжаться.

(Перевод Ст. Куняева)

Последнее крупное произведение Отара Чиладзе — роман «Шел человек по дороге». Выступление в прозе уже признанного поэта меня лично насторожило. Но после прочтения его стало ясно, что это произведение в какой-то степени закономерно в творческом пути писателя. О. Чиладзе остался верен своим принципам — в романе тесно переплетаются мифическое и реальное, бурная фантазия и reminiscencies древних легенд. Яркий, красочный по форме, он совершенно нов для грузинской литературы, хотя искинутому читателю отдаленно, по принципу построения, напоминает роман Маркеса «Сто лет одиночества». Роман Чиладзе сложен, многопланов. В нем затронуты много вопросов, проблем, и, конечно же, говорить о нем скороговоркой нельзя. Мы упомянули его лишь для того, чтобы отметить — читая роман, в лице прозаика Отара Чиладзе мы часто встречаемся с поэтом Отаром Чиладзе. Многое увидено в романе глазами поэта, и даже некоторая перенасыщенность произведения образами идет от поэтического мышления его автора.

¹ Дэв — сказочное существо в грузинском фольклоре.

Поэзия Отара Чиладзе, несмотря на свою яркую индивидуальность, конечно, не возникла на пустом месте. Ее подчеркнутая метафоричность, драматическое звучание, ее зримость, если можно так выразиться, характерны для определенной части поэтов нашего века. Здесь можно было бы назвать и Бориса Пастернака, и Симона Чиковани, и Жака Превера. Все это — поэтическое мышление нашего столетия, и, естественно, поэзия Отара Чиладзе органически вобрала в себя поэтическое наследие предшественников, вернее, ту общую тенденцию, которая по своему характеру оказалась наиболее близка грузинскому поэту:

Мотив Шопена в этом доме снова,
И в небе, помутневшем, как слюда,
В предчувствии неждешнего и злого,
Как нервы, натянулись провода.

А в этом доме жить хотят и верить,
Что можно жить без слез и суеты,
И на Куре раскачивает ветер
Нагруженные листьями мосты.

О, скудный день на грани затуханья,
И сумерки лиловые легли..
А в этом доме, словно задыхаясь,
Торопятся в работе и любви,

И каждое возникшее желанье,
Осиливая старые, спешит
Их расстрелять в упор при барабане,
Как пленных у высоких стен души.

Но зимний вечер наступает рано,
И скоро ночь прижметесь лбом к дверям,
И комкает на улице платаны
Окоченевший ветер января.

Звучит Шопен, как вечное движенье,
И радость в нем, и скорбь, и правота...
И слушают его, как утешенье,
Распятые меж небом провода.

(Перевод И. Дадашидзе)

Предельно современная, наполненная жизнью поэзия Отара Чиладзе — свидетельство не только его яркого дарования, творческой зрелости, но и того, что поэт идет своим путем, который для него единственно возможен.

Н а р о д с л а г а е т

В. И. ЛЕНИН
В ОСЕТИНСКОМ
ФОЛЬКЛОРЕ

п е с н ь о б И л ь и ч е

В творчестве многих осетинских поэтов, начиная от Коста Хетагурова и кончая современными, явственно звучит мотив призыва, обращенного к вождю, который повел бы народы на правый бой. Коста писал:

Мы разбрелись, покидая отчизну, —
Скот разгоняет так бешеный зверь,
Где же ты, вождь наш?
Для радости жизни

Нас собери своим словом теперь.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам —
мы к смерти идем!

И долгожданный вождь явился. Осетинский народ, веками дремавший под гнетом помещиков, пробудился.

В 1920 году для доклада о трудовой жизни Южной Осетии и представления меморандума в ЦК РКП(б) в Москву был делегирован рабочий Бакинских железнодорожных мастерских Ражден Шамелович Козаев. Он, простой горец-осетин, был радушно принят Ильичем, которому намеревался высказать свои пожелания. У Козаева возникла потребность в стихах выразить свое отношение к «отцу бедного народа». Он осуществил свой замысел. Нерифмованные стихи этого малограмотного человека содержат традиционные слова, характерные для осетинского фольклора: «Живи, живи, наш Ленин».

Автор стихотворения говорит о том, что светлое имя Ленина звучит и в далеких ущельях Осетии, а сегодня нам посчастливилось его увидеть.

Твоя речь, твои слова
Переламаывают даже крепкие кости

Бедный горский человек
Когда-нибудь поест хлеб
И рубашку наденет благодаря тебе!

Стихотворение Козаева стало народным, всеми любимым.

Образ В. И. Ленина занимает большое место в фольклоре всех народов нашей страны. Не осталось в стороне от этой традиции и устное народное творчество Осетии. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, строительство нового мира вызвали к жизни в осетинском фольклоре новые темы, новое направление. Идеи великого Ленина, образ вождя глубоко запали в сердца народных масс. Эти идеи проникли и в глубокие ущелья Осетии. Народные певцы славляли исторические свершения, за которые боролся Ильич. В Осетии задумали даже создать о нем песню, и не простую, а именно героическую, так как песня — это духовное сокровище народа. В ней он выражает свою радость и печаль, любовь и ненависть. В песне — вся история народа.

«Соберем самых лучших людей и, используя лучшие из лучших слова, прославим навечно имя вождя».

О Ленине надо сложить песню,
Ведь таким богатырем не был
рожден никто!
В песне прославим его имя святое,
С горы на гору, чтоб быстро летела,

Чтоб в поле ее распевали,
Горные реки ей подпевали,
Чтоб помнил о нем благодарный
народ.

¹ Здесь и дальше приведены подстрочные переводы.

Первая песня о Ленине появилась в селе Барзыкау Куртатинского ущелья. Один из ее создателей — Ваню Гуриев рассказывал: «Как-то обратился ко мне Алихан Хадарцев, лучший певец села, по прозвищу «Свирель». Много песен в горах о любви, о нартах, о наших героях, а вот нет песни о нашем Ленине», говорил он. Нам нужно составить ее»².

С фотографии, напечатанной в первом номере журнала «Фиднуаг» за 1936 год, на нас смотрят открытые лица создателей этой песни.

В стихийно возникший песенный кружок вошли Алихан Хадарцев, Ваню и Арцу Гуриевы, Созырько Габуев, Асланджери Хадарцев и другие.

Хорошо описал рождение песни о Ленине в горных ущельях поэт Г. Плиев: «В горном ауле глухого Куртатинского ущелья, у замшелой сакли собрались седобородые песнелюбы. Успев познать радость новой жизни, сладость свободы и счастья, они начали слагать песню. В ней они поведали о пережитых в прошлом муках и страданиях, о наступившем счастье и освобождении. Эта песня стала укором прошлому, проклятьем рабству и насилию и гимном новому — песней счастья и радости. То была «Песня о Ленине», самая любимая, самая задушевная песня. И она никогда не утихает в Осетии»³.

Впервые куртатинская песня о Ленине была исполнена во Владикавказе перед делегатами областной партийной конференции. Она быстро распространилась по селам Осетии и так полюбилась народу, что вот уже более 40 лет распевается в Ирыстоне.

Первые записи песен об Ильиче были произведены в 20-е годы. Куртатинская песня была создана приблизительно в 1926—1928 гг. Ее записали тогда же. Запись другой «Песни о Ленине» относится к 1933—1934 гг. Сделана она со слов слепого певца А. Карсанова. В 1939 году писатели Харитон Плиев и Давид Дарчиев записали новый вариант этой песни в селении Барзыкау от Алихана Хадарцева.

Первые же публикации осетинских песен о Ленине появились в 1934 году в сборнике «Ирон зарджытае», под редакцией Сармата Косирати.

Народная поэзия подчеркивает ленинскую мудрость, человечность и простоту. И вместе с тем народ сознает, что этот самый «человечный человек» воплощал в себе силу самого народа, и потому изображает Ленина как богатыря, великана. В осетинских песнях он не только разум, воля, сила, но и сердце революции.

В основной песне о Ленине, исполненной Алиханом Хадарцевым в записи Харитона Плиева и Давида Дарчиева, поется о том, что трудовой народ, воздая должное вождю, поет о нем героическую песню.

Основной ведущий вариант песни о Ленине подвергся в Юго-Осетии большим изменениям — отдельные куплеты выброшены, заменены другими, образ вождя стал полнее и ярче. По образному выражению А. М. Горького, «фольклор в наши дни возвел Владимира Ильича на высоту мифического героя древности и равного Прометею»⁴.

Традиционный хоровой кружок Южной Осетии, исполнявший песни о Ленине, объединял пять человек. В его состав входили уроженцы Джавского ущелья — Хасако, Габо и Карасе Дзугаевы, подпевали им Георгий Дзугаев и Аким Джикаев. Все они обладали хорошими, приятными голосами, с любовью исполняли ее, за что неоднократно были премированы Почетными грамотами облисполкома Юго-Осетии.

Песня записана со слов певца Гриши Плиева и обработана поэтом Черменом Бегизовым.

Весть о смерти вождя быстро облетела все аулы Осетии. Именем вождя называли города, фабрики, заводы. 24 января жители Куртатинского ущелья поставили памятник Ленину. Устраивали они и традиционные поминальные скачки. Но всего этого им было недостаточно.

Жизнь Ленина принесла народу счастье и освобождение, смерть — горе и слезы. Поэтому в противоположность основной песне юго-осетинский вариант начинается со скорбных слов о том, что сегодня нет больше среди нас вождя — он безвременно ушел от нас.

Сегодня наше черное небо
Плакало горькими слезами.
Сегодня друг бедного народа
Безвременно ушел от нас.

Всю жизнь,
До последнего вздоха
Ленин боролся за народные права.

² «Песня ущелий и гор», газета «Молодой коммунист», 1960, № 16, 7 февраля.

³ Газета «Социалистическая Осетия», 1960, № 76 (7322), 16 апреля.

⁴ А. М. Горький. О литературе, М., 1937, стр. 450.

Неоплатный долг

Рабочий класс — самый старый и самый мощный класс нашего социалистического общества. На его могучих плечах зиждется индустриальная и военная мощь нашего государства. И когда речь идет о взаимной связи рабочего класса и писателей, в первую очередь имеется в виду это главное обстоятельство. Но существуют еще и другие, более важные факторы, не учитывающие которые не имеет права ни один уважающий себя литератор. Между тем нередко от некоторых из них можно услышать вопрос:

— Разве вообще хорошая книга непригодна для рабочих? — И при этом вопрошающие бывают убеждены в неопровержимости своего аргумента.

Несомненно, хорошая книга, хорошая картина, хороший фильм или спектакль так же интересны для рабочего, как и для всех других. Более того, в произведении может и вовсе не упоминается слово «рабочий», но в нем будет раскрываться духовный мир, боль или радость рабочего человека.

Мы говорим здесь не об отраслевой литературе, а о жизни и ее отображении. А можно ли проходить мимо той силы, удельный вес которой в этой жизни так велик?! Ведь буквально на каждом шагу мы непосредственно или косвенно связаны с делами рабочего класса. Я не имею в виду так называемые «производственные романы», которые всегда считал и считаю литературной профанацией.

Когда писатель пишет о рабочем классе, он должен знать — **как писать и о чем писать.**

Под тем, «как писать», я подразумеваю профессионализм и глубину охвата жизненного материала.

Помню, когда я работал на Руставском металлургическом заводе, сам был очевидцем такого — заставляющего задуматься — факта. Мартеновский цех посетил один достаточно известный грузинский прозаик. За какие-то два часа он осмотрел этот огромный цех, запи-

сал соответствующие технические термины, попутно поинтересовался, какие конфликты могут возникнуть между сталеваром и мастером, руководителем смены и начальником цеха. Затем спокойно положил в карман записную книжку и, преисполненный творческого удовлетворения, покинул территорию завода.

Вследствие именно такого поверхностного изучения жизни некоторые наши писатели и рисуют рабочего человеком примитивным, неинтересным, перенося главный акцент на его честность и простоту.

Но в данном случае я намерен говорить не о таких писателях. Возможно, кое-кто из них и напишет произведения с достаточной долей профессионализма, но в конечном счете нас интересует всегда профессионализм **талантлив**ого писателя.

Гораздо сложнее вторая сторона вопроса — **«о чем писать».**

Я, конечно, далек от мысли, что писатель должен интересоваться только заводскими проблемами местного значения.

Нам необходимо знать не только удельный вес рабочего класса в экономической жизни нашей страны, но и силу его влияния на мышление, психологию, интеллект современного человека. Это исключительно сложный, комплексный вопрос, и писатель, который не понял и не проанализировал этого, уже отстал от инерции своего времени. Такой писатель похож на вагон, который отцепили от состава на полном ходу поезда. Вагон некоторое время продолжает катиться и окончательно останавливается тогда, когда поезд уже успел скрыться из поля зрения.

В этой статье, говоря о взаимных связях писателей и рабочего класса, я хочу попытаться хоть в какой-то степени доказать, что писать о жизни рабочего класса не только необходимо, но и интересно, что проблематика эта должна стать главной в творчестве писателя.

Прежде же договоримся о главном — о том, что сегодняшний рабочий сильно отличается от того, каким он был десять лет назад. Учет и то, что в течение последующего десятилетия эта разница усилится, так же как и интеллектуально-техническое влияние рабочего на научно-техническую революцию. Рабочий становится ее органической и движущей силой, ибо практическое воплощение этой революции и ее идей в материальные ценности осуществляется руками именно рабочего, благодаря его творческому и трудовому потенциалу.

А научная революция набирает силу с удивительной быстротой, производство растет фантастически в условиях демографических взрывов.

Достаточно сказать, что в области науки и техники ежегодно возникает 500 новых специальностей. Это, естественно, вызывает расширение традиционных сфер знания и опыта. Ученый или рабочий, который хочет поддерживать эти невиданные темпы, вынужден следить за каждым новым открытием, не выпускать из внимания ни одного факта технического новшества в той или иной области. В противном случае, как подсчитали специалисты, их ежегодное профессиональное отставание в цифровом выражении составит 10 процентов.

Для наглядности приведем такой пример. После соответствующих подсчетов установлено, что объем определенных технических знаний удваивается в 12 лет раз. А по отдельным отраслям — за 5—10 лет. Это означает, что многое из того, чему студент учился на первом курсе, к защите диплома уже устаревает.

Пока столь же остро эта проблема еще не стоит перед рабочим классом. Но при сегодняшних темпах развития техники он очень скоро сможет столкнуться с множеством трудноразрешаемых вопросов.

В нашей жизни налицо весьма симптоматичные случаи. Каким бы парадоксальным это ни показалось, но есть моменты, когда опыт рабочего, мастера испытывает жестокую девальвацию и часто обесценивается. Иными словами, перестает существовать само понятие — опыт рабочего.

Поясню на примере. На многих заводах есть шлифовальщики, виртуозно владеющие своей профессией, проработавшие на производстве тридцать и более лет. И вот их станки заменяются новыми агрегатами, выполняющими тот же процесс по совершенно другому, электрохимическому методу. В результате весь опыт и виртуозное мастерство рабочего мгновенно теряют свое значение, ибо новый агрегат требует от него не годами выработанных навыков, а знаний. Что делать такому

50—55-летнему шлифовальщику, у которого только семиклассное образование? А ведь и в настоящее время в Советском Союзе 20 процентов рабочих имеют еще только четырехклассное образование. Технический прогресс ставит нас перед сложнейшими проблемами. Раньше, когда человек выбирал какую-либо специальность, она сопутствовала ему, как правило, до самой смерти. А теперь на протяжении своей производственной жизни рабочему приходится менять профессию три, а то и пять раз. Таково положение сейчас, но никто не знает, что будет к концу столетия, то есть всего через 27 лет.

Не следует забывать и того, что определенная часть наших рабочих в условиях столь быстрого развития техники может оказаться в очень тяжелом положении, так как для освоения новых сложных агрегатов и установок у одних не хватит способностей, у других — здоровья, третьим преодолеть все это не позволит возраст. Возникает сложная проблема трудоустройства этих людей. И чем больше проходит времени, тем быстрее исчезает необходимость в таких операциях, которые требуют простого труда неквалифицированного рабочего.

С такой же остротой встает проблема скучной и однообразной деятельности людей, работающих на автоматах и полуавтоматах. Это — вторая крайность технического прогресса, когда высокий экономический эффект вступает в противоречие с творческим трудом.

1 000 лет назад на нашей планете жило 300 миллионов человек, в настоящее время — их около четырех миллиардов, а к концу этого столетия на Земле будет проживать 7 миллиардов человек.

Раньше человек стоял лицом к лицу с природой, и эффект его воздействия на нее был эквивалентен его же физическому труду. В двадцатом веке в результате технического прогресса воздействие человека на природу выросло в 30 раз. Через 27 лет оно возрастет в 150 раз, а через сто лет — в 600.

Как видим, гармоничность человека и природы нарушается не только в результате увеличения населения планеты, но и за счет роста технических средств, экономической, продуктивной эффективности труда рабочего.

Если теперь в течение года на одного человека в среднем расходуются 1.400 киловатт-часов электроэнергии, к концу нашего столетия эта цифра возрастет в шесть раз, а к концу XXI — количество расходуемой энергии на одного человека достигнет 7 миллионов киловатт-часов. А это означает, что для нужд такого здания, как одиннадцатизэтажный дом в Тбилиси на площади Героев, понадобится вся энергия, вырабатываемая Днепрогэсом.

И кто должен создавать все это? Кто должен воплотить в реальность смелые идеи? Разумеется, рабочий класс, удельный вес которого по линии экономической мощи государства достигнет максимума. И пусть никто не думает, что будет создана такая техника, которая исключит надобность в рабочей силе. Мы можем думать и говорить только о новом типе рабочего.

Но это вопрос будущего, хотя не такого уж далекого, поскольку многие приведенные выше примеры станут реальностью всего через каких-нибудь 27—30 лет.

Однако тут же возникает вторая проблема. 90 процентов всех тех ученых, которые жили и работали на протяжении всей цивилизации человечества, являются нашими современниками. Как уже отмечалось выше, научные знания удваиваются каждые двенадцать лет. Если этот процесс будет происходить без изменений (ничего не говорим о том, что он может ускориться), тогда к началу следующего столетия все люди окажутся учеными и просто некому будет заниматься другими делами.

Могут спросить: какое отношение имеет все это к литературе и искусству?

Во-первых, как уже было сказано, литература — отображение жизни; сегодня уже никто не представляет ее в отрыве от рабочего класса, удельный вес которого в нашей действительности неукоснительно растет. А это со своей стороны связано с множеством острых проблем глобального масштаба, которые, возможно, повлияют и на судьбу нашей планеты.

И, во-вторых, на духовный мир человека оказывает влияние множество факторов; так, сами того не замечая, мы уже мыслим техническими категориями и не чувствуем, как происходит технизация нашего мышления. Расстояние, например, уже измеряем не километрами, а временем, необходимым для его преодоления.

К тому же следует учитывать, что все имеет свою оборотную сторону. И вот со всей определенностью встает вопрос: являются ли технический прогресс и его движущая сила — рабочий класс только средством, дающим возможность жить хорошо, с комфортом, создающим изобилие продуктов и не влияющим на наш духовный мир?

Человек прошлого века, очутившийся вдруг сегодня в часы пик на тбилисской площади Героев, вряд ли сумел бы перейти на другую сторону улицы. Он, надо думать, просто не знал бы, куда деться от страха при виде целой лавины автобусов, троллейбусов, автомашин. Не говоря уже о реактивных самолетах, которые давно стали орга-

нической частью стереопанорамы Тбилиси. Да, тот человек воспринял бы все это как кошмарный сон, хотя надо признать, что фантазия сна уже тоже заметно отстает от чудес техники.

Тогдашний образованнейший человек сегодня оказался бы несравненно более отсталым, скажем, чем любая домохозяйка, мастерски владеющая такими электроприборами, как телевизор, магнитофон, радиоприемник, транзистор, пылесос, холодильник, полотер, стиральная машина.

Да, сегодня человек знает неизмеримо больше, и эти знания, отличающие его от людей прошлых веков, принесли бурное развитие техники.

И снова возникает вопрос: изменили ли эти знания природу человека? Имеем ли мы основание думать, что он стал иным?

Может быть, уже не то его внутреннее отношение к явлениям? Или ослабло в нем чувство ненависти и мести?

Станет ли кто-либо утверждать, что мы теперь более любвеобильны и непорочны?

У каждой эпохи своя инерция. И человеческая психика опирается на нее. Человек прошлого столетия, отправляя, к примеру, письмо из Грузии в Россию, ждал ответа через шесть месяцев, и его терпение тоже было распределено на этот срок.

А сейчас, отправив телеграмму в Москву и не получив ответа на второй день, мы уже терпим терпение и начинаем нервничать.

Техника идет вперед, растет инерция. И человек так же органически воспринимает ее, как инерцию самолета в полете. Избежать ее он не может, это не в его власти.

Если сравнить неторопливо написанные послания девятнадцатого века с короткими нервными строками писем двадцатого столетия, разница окажется разительной.

Человек создает сверхзвуковые самолеты, ракеты, молниеносно действующие средства связи, но чем быстрее они становятся, тем больше испытываем мы недостаток во времени.

Отчего это? Может, человек уже не властен над созданной им же техникой? Может, он как в психическом, так и в биологическом отношении отстает от движения своей мысли? Может, наше тело, наше сердце, наши нервы еще не готовы к натиску продукта нашей же мысли?

Может, человек мысленно преодолел уже множество барьеров, но его психофизические возможности не соответствуют этому положению?

Не берусь об этом судить, но убежден в том, что все это — объект не

только медицины и биологии, но проблема современной литературы.

Чем дальше идет наука, тем больше сужается сфера деятельности ученого. Физика, химия, математика делятся на такое количество узких специальностей, что понять друг друга уже не могут. Сознание человека постоянно отягощается знаниями, которые, как говорится, ничего не дают ни уму, ни сердцу. Так, например, каждый сейчас знает: если на рельсы метро упал какой-нибудь предмет, ни в коем случае нельзя спускаться за ним, так как через них проходит ток высокого напряжения.

Разве знание этого в какой-либо форме обогащает наш духовный мир? Но незнание тоже недопустимо, ибо в противном случае нам вообще пришлось бы расстаться с этим миром.

Да, человек вынужден изо дня в день учиться и учиться. Полезные и бесполезные знания растут с каждым днем, продолжительность суток не увеличивается ни на секунду, она по-прежнему составляет 24 часа.

Безусловно, здесь можно поспорить о многих благах техники, о развитии медицины и т. п., но ведь техника не требует ответной компенсации? Недавно в Америке поставили памятник двум миллионам людей, погибшим в автомобильных катастрофах. А число погибающих продолжает фантастически расти. Ежедневно на автострадах Франции обречены на гибель 27 человек, в Америке — 124, в Японии еще больше. Добавьте сюда еще воздушные, железнодорожные и морские катастрофы, производственные травмы, излучение, отравления...

Но и это не главное. Не подавили ли человека головокружительные темпы жизни? Не погасли ли в нем человеческая теплота, эмоции, любовь? Не стал ли он более замкнутым?

Может, лучше приостановить технику на этом уровне развития?

Это было бы более чем наивно. Мысль человеческая похожа на джина, выпущенного из бутылки. Как невозможно приостановить движение света, так нельзя и остановить мысль. Она со страшной силой стремится вперед. И человек находится в самой быстрине жизни. Кто же направляет это течение? Или оно само влечет человека? Неужто настанет время, когда у него не хватит сил совладать с тем, что создано его руками, его разумом, поскольку сотворенное им превосходит все чудеса мира, а сам он остается тем же?

Не похожи ли достижения человека на те спортивные рекорды, которые пока продолжают устанавливать, хотя до предела уже недалеко?

Человек борется с природой. Вся наша жизнь — борьба за покорение ее.

Рука и воля человеческая чувствуются повсюду на нашей планете. Человек-художник заменил природу — художник — и Земля наша стала более декоративной.

За последние сорок лет человек извлек из недр ее больше богатств, чем на всем протяжении цивилизации. Но месторождения полезных ископаемых могут иссякнуть. Кризис предполагают через несколько десятков лет.

Мы надеемся, что, попав в тупик вследствие развития техники, человечество и выйдет из него в результате ее же дальнейшего развития. Человек расширяет границы своего действия, выходит в космос, покоряет природу, пытается постичь истину, разгадать тайны мироздания и заставить все это служить себе.

А что, если человеческие возможности тоже имеют предел? Не нельзя до конца покорить природу? Не забываем ли мы, что сами являемся ее детьми?

И такие мысли, бывает, овладевают мной, когда я думаю о бесконечном движении человека вперед. И тут хочется сказать, что осторожность вовсе не означает безнадежности, а поверхностный, основанный на недооценке осторожности оптимизм, кроме вреда, ничего не принесет.

И все те чудеса, которыми гордится человечество, созданы руками рабочего. Это он окропил своим потом тот металл, который пробил атмосферу и вырвался в космос; мускулами рабочего человека покорены подземные трассы, по которым сейчас мчатся голубые экспрессы; рабочие руки воздвигли те электростанции, которые ярче солнца осветили нашу страну. Рабочий своим трудом превратил в реальность все те смелые научно-технические идеи, которые сейчас мы считаем торжеством разума и интеллекта человека. Сегодня много спорят о новом типе руководителя производства. Не менее актуально спорить о новом типе рабочего. Сама жизнь подсказывает эту необходимость, так как никакого прогресса не может быть без рабочего класса.

Итак, перед писателем развернут интересный и почти фантастический мир — это рабочий класс. И очень важно, чтобы писатель не был лишен инерции своего времени, чтобы он разбирался в тех проблемах, которые в таком изобилии поставляют ему жизнь.

Известен снобизм некоторых западных ученых в отношении писателей — будто сегодня они продолжают жить в эру неолита, так как не знают второго закона Ньютона. Но существует снобизм и самих писателей, которые отказываются расширять кругозор своих технических знаний.

Если же мы хотим создать что-либо значительное, не обязательно знать кон-

кретные достижения, конкретные категории техники, но необходимо стоять на том уровне понимания окружающего, который определяет лицо эпохи, способствует движению вперед.

Если посмотреть на грузинскую литературу с этой точки зрения, откроется незавидная картина. И тут уместно произнести фразу, которая часто звучит с трибуны, по радио и с экрана телевизора: «Грузинская литература пока еще в долгу перед рабочим классом Грузии». Я и сейчас не понимаю значения этих слов. Разве мы расплатимся с рабочим классом, даже если создадим несколько сносных романов о нем?

И этот долг все же существует, мы даже не начинали расплачиваться. Известно, что по вполне понятным причинам старшее поколение наших писателей не могло это сделать. Больше огорчает то, что молодое поколение прямо из университета шагает в Союз писателей, и пока еще не видны перспективы того, что в ближайшее время мы оплатим векселя.

Потому и пишется наша современная проза старыми приемами: у нас нет полного контакта с новой жизнью и отношение к ней тоже, естественно, не новое. Критикам и нашим писателям часто кажутся бедными и публицистичными те произведения, в основу которых положен сегодняшний материал. Ведь необычной казалась сначала и современная архитектура, когда она лишилась традиционных украшений: резьбы, колоннад, куполов. Так утвердился рационализм в архитектуре.

Поначалу таким же необычным может показаться характерный для современной прозы рационализм, особенно ее пейзажа, образов, портретов, которые обусловлены инерцией времени, духом эпохи. Возможно, такая проза не привлечет показным блеском, но зато в ней найдут выражение мощный ритм и дыхание эпохи.

Грузинских писателей часто упрекают в том, что в их творчестве все еще не отражены ИнгуриГЭС и другие важные стройки республики, что пока не создан достойный рабочего человека его художественный образ.

Упрек справедливый, но хочется напомнить, что техническое достижение, как бы оно ни изумляло сегодня, завтра все же устареет. Так же устареет и произведение того писателя, который в строительстве ИнгуриГЭС увидит только техническое чудо уникальной плотности. А он должен увидеть еще и кое-что другое — вечное, способное стать объектом литературы, он должен дать почувствовать пульс и дыхание сегодняшнего дня.

Может, это сравнение и недостаточно точно, но в мраморе некоторые увидели лишь отделочный камень, а Микеланджело — великолепную скульптуру.

Наша жизнь полна творческих побед и открытий.

Писатель должен суметь перенести в свои произведения не только документальную достоверность этих достижений, но и дух этих дней, их героическую пламенность.

Долг нашей литературы оставить будущим поколениям великолепную панораму наших дней, нашей эпохи.

ДО НАСТОЯЩЕГО времени не установлено, знал ли А. М. Горький о ленинском плане создания «Искры» в то время, когда в 1900 году В. И. Ленин приезжал в Нижний Новгород и договаривался там с местными революционерами об адресах и шифрах для переписки. Источников, подтверждающих этот факт, видимо, нет. Однако весьма важны следующие сведения.

В 1900—1901 гг. А. М. Горький был уже достаточно известным писателем, все творчество которого и реакционной, и самой демократической, левой, критикой расценивалось как призыв к революции. Вокруг Горького, жившего в то время в Нижнем Новгороде, группировалась революционно настроенная молодежь, главным образом, рабочие и студенты. Все, кто в 1900 году встречался с В. И. Лениным, были тесно связаны с Горьким. В 1901 году

ГОРЬКИЙ И ТИПОГРАФИЯ «НИНА»

многие из них вошли в искровскую группу, а затем и в Нижегородский комитет РСДРП. Среди них выделялись А. И. и Е. И. Пискуновы, И. П. Ладыжников, О. И. Чачина, Д. А. Павлов, А. В. Яровицкий, братья Леонид и Глеб Красины. О каждом из них можно написать книги. Это были яркие, талантливые люди, без оглядки отдавшие всю свою жизнь партии и революционной борьбе. Некоторые из них послужили прототипами герсев многих произведений А. М. Горького.

Как это установлено московскими и горьковскими литературоведами, каждого из этих выдающихся революционеров Алексей Максимович знал лично, а с некоторыми его связывала большая дружба, продолжавшаяся многие годы.

Среди упомянутых членов Нижегородского комитета РСДРП особый интерес для нас представляет фигура Л. Б. Красина. Прежде всего этот интерес объясняется тем, что Л. Б. Красин — выдающийся революционер, близкий соратник В. И. Ленина был наиболее близок к А. М. Горькому. Их связи не прерывались с начала девяностых годов прошлого столетия до самой смерти Красина, последовавшей в 1926 году в Лондоне, где он находился на трудном и ответственном посту полпреда СССР.

Личность Леонида Борисовича Красина привлекает и тем, что этот талантливый инженер-электрик и блестящий конспиратор стал руководителем прославленной бакинской подпольной большевистской типографии, известной под конспиративным названием «Нина». Красин стал во главе этой типографии после трагической гибели ее создателя — пламенного рыцаря революции Ладо Кецовели.

«На «Искру» работала типография в Баку. Работа велась при условиях строжайшей конспирации, там работали братья Енукидзе, руководил делом Красин («Лошадь»). Типография называлась «Нина», — так писала об этих событиях Н. К. Крупская¹.

Как свидетельствуют документы и многочисленные воспоминания различных авторов, в большинстве своем активных участников подполья, Л. Б. Красин сыграл весьма значительную роль в жизни А. М. Горького. Именно Красин стал смело привлекать писателя к выполнению ряда ответственных пар-

¹ Н. К. Крупская. Перед вторым съездом. «Ленинский сборник», т. IV, стр. 85, М., 1925.

тийных мероприятий, к работе по оказанию помощи «Искре» в период ее становления. Так, например, известно, что в конце апреля 1902 года А. М. Горький вынужден был уехать из Нижнего Новгорода в ссылку в город Арзамас. Находясь под неусыпным полицейским надзором, он и здесь продолжал поддерживать связи с Нижегородским искровским комитетом. Как сообщает в своих воспоминаниях В. А. Десницкий, Горький во время их встречи в Арзамасе передал ему на нужды «Искры» большую сумму денег².

27 сентября 1902 года, получив наконец разрешение властей на выезд, Алексей Максимович приехал в Москву и буквально в тот же день встретился с известной революционеркой-искровкой В. В. Гурвич-Кожевниковой, когнитивное имя которой было Наташа³. Об этом говорится в дневнике филерско-агентурного наблюдения за ней.

Спустя несколько дней — 8 октября — А. М. Горький вновь встретился с некоторыми членами Московского комитета РСДРП, с которыми у него продолжались переговоры об оказании помощи «Искре». По сведениям охраны, встреча эта продолжалась в течение нескольких часов.

Наташа сообщала заграничному центру «Искры» — В. И. Ленину и Н. К. Крупской: «...Он же производит прямо чарующее впечатление, особенно тем, что все его симпатии лежат лишь на нашей стороне, его готовностью быть полезным всем, чем может, его задумчивостью и прямотой»⁴.

Вслед за этой, так подробно описанной Наташей, встречей А. М. Горького с московскими искровцами в октябре—ноябре 1902 года состоялось еще несколько. Они завершились формальным вступлением Горького в члены московской группы «Искры».

Заграничный центр «Искры» во главе с В. И. Лениным горячо приветствовал привлечение А. М. Горького к деятельности центрального партийного органа. На письмо Наташи редакция «Искры» 16 ноября 1902 года отвечала: «Все, что вы сообщаете о Горьком, очень приятно, тем более что деньги страшно нужны... Попросите Горького писать для нас и сообщите нам немедленно пароль (на случай провала)»⁵.

Известны и другие факты, свидетельствующие о связях А. М. Горького с московской искровской организацией. Все они говорят о неоспоримых и прочных связях писателя с редакцией «Искры», с партией В. И. Ленина. Особенно важным обстоятельством является то, что М. Горький не только всем своим творчеством поддерживал и вдохновлял революционную борьбу, но и являлся непосредственным ее участником. Во всей его жизни и деятельности Коммунистическая партия и ее основатель — В. И. Ленин, а также основанная им газета «Искра» сыграли огромную, определяющую роль. Приведем лишь несколько примеров.

В 1898 — 1899 гг. после выхода первых сборников «Очерков и рассказов» М. Горького начался взлет его необыкновенной известности.

Из далекой ссылки, из села Шушенского, в 1899 году В. И. Ленин писал А. Н. Погресову о журнале «Жизнь»: «Недурной журнал! Беллетристика прямо хороша и даже лучше всех!»⁶. Эта ленинская оценка «Жизни» прежде всего относится к произведениям Горького, занимавшим в журнале ведущее место наряду с очерками и рассказами В. В. Вересаева, Е. Н. Черникова и других. В 1899 году в «Жизни» были напечатаны начало повести «Фома Гордеев», рассказы — «Кирилка», «О черте», «Еще о черте».

В 1900 году критик-народник М. О. Меньшиков с раздражением отмечал в своей статье, посвященной Горькому: «...Именно его книги расходятся с неслыханной быстротой, его имя передается из уст в уста в миллионах уголков, где только теплится интеллигентная жизнь. Куда бы вдаль вы ни поехали, от Петербурга до Тифлиса и от Варшавы до Владивостока, вы непременно встретите восторженных поклонников этого нового таланта»⁷.

Критик, как нам кажется, не случайно вспомнил о городе Тифлисе. Действительно, в Тифлисе, как и во всем Закавказье, имя и творчество А. М. Горького в начале девятисотых годов были особенно популярны.

Ведь именно в Тифлисе начался великий творческий путь писателя, имен-

² «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. I, стр. 382, М., 1958.

³ ЦГАОП СССР, ф. Д. П., д. 825, ч. 10, л. 246.

⁴ ЦПА ИМЛ СССР, ф. 24, оп. 9, д. 28264, л. 16. С некоторыми сокращениями письмо Наташи опубликовано в сборнике «Революционный путь М. Горького». М.-Л. 1933, стр. 77.

⁵ ЦПА ИМЛ СССР, ф. 24, оп. 4, д. 1415, л. 2—3.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25

⁷ «Критические статьи о произведениях М. Горького», СПб, 1901, стр. 181.

но в Дезде вместе с рабочими Главных железнодорожных мастерских вступил он на путь революционера и борца.

В декабре 1901 года в газете «Искра» был опубликован первый ^{статья} В. И. Ленина о М. Горьком. В статье «Начало демонстраций» с болью и гневом говорилось о высылке писателя из его родного города за активную революционную деятельность как лица «опасного для общественного правопорядка». В. И. Ленин охарактеризовал Горького как «писателя, все оружие которого состояло, как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации, — в свободном слове»⁸.

Так укреплялись и ширились связи между М. Горьким и ленинской «Искрой».

Но вместе с тем между М. Горьким и «Искрой» была еще одна, если можно так выразиться, цепочка связей. Если рассмотренную нами линию связей Горького с редакцией «Искры» условно назвать «северной», так как она шла через Московский и Нижегородский комитеты РСДРП, то существовала и «южная» линия связей, осуществлявшаяся через Бакинский и Тифлисский комитеты РСДРП.

Как это хорошо известно, в распространении и популяризации идей, проповедывавшихся ленинской «Искрой» в Закавказье и на всем юге России, огромную роль сыграла подпольная бакинская типография «Нина».

М. Горький мог знать о ее деятельности из ряда источников: от бывшего члена Нижегородского комитета РСДРП, переехавшего в Баку, Л. Б. Красина, а также от хорошо знакомых ему грузинских революционеров, известных ему еще с 1891 — 1892 гг., среди которых были Ладо Кецохели, Ваню Стурюа, Миха Цхакая, Николай Козеренко, Сергей Аллилуев. Все они или непосредственно работали в бакинской типографии, или находились в курсе всей ее деятельности.

Прямым доказательством, подтверждающим связи М. Горького с бакинской типографией «Нина», являются следующие достоверные свидетельства.

Наиболее полные сведения об этих связях содержатся в воспоминаниях Л. Б. Красина. Из них выясняется, что уже в апреле—мае 1902 года А. М. Горький установил связи с Красным через Н. М. Флерова.

Н. М. Флеров был знаком Горькому с 1891 года по жизни в Тифлисе.

Как указывается в «Ведомости политических поднадзорных по состоянию на 1 января 1892 года» — «Флеров Николай Михайлович — мещанин. По распоряжению начальника Тифлисского губернского жандармского управления за политическую неблагонадежность с 24 февраля 1891 года состоит под секретным надзором полиции. В Тифлисе служит в конторе нотариуса Кишани»⁹.

В другом документе сообщается, что «за проживающим в Тифлисе, приехавшим из Рязани бывшим студентом С.-Петербургского университета Николаем Флеровым учрежден негласный надзор полиции»¹⁰.

Из ряда других источников известно также, что М. Горький в 1892 году часто встречался с Н. Флеровым в Тифлисе в кружке революционеров-народников, который возглавлял В. В. Бervi-Флеровский. Известно также, что Горький даже жил с Н. Флеровым на одной квартире, в доме А. М. Калужного¹¹. Из этих же источников устанавливается, что Флеров сотрудничал в редакции газеты «Кавказ» в качестве корректора.

В своих письмах и воспоминаниях А. М. Горький часто называл имя Н. Флерова. Так, в очерке «Камс» указывается: «Вскоре рассказы о Каме подтвердил мне Н. М. Флеров — человек, которого я знал еще в 92-м году в Тифлисе, где он работал корректором в газете «Кавказ». Тогда он был «народником», только что вернулся из сибирской ссылки, очень устал там, но познакомился с Марксом и весьма красноречиво убеждал меня и товарища моего в том, что «на нас работает история»¹².

Недавно удалось разыскать еще один любопытный документ, характеризующий личность Н. М. Флерова как человека, весьма близко стоявшего к марксистским организациям Грузии. Из этого документа выясняется, что весной 1893 года, когда в Тифлисе собралась вторая конференция марксистской организации «Месаме Даси», на ней, вместе с писателем Эгнате Ниношвили, известным революционером М. Цхакая присутствовал и Н. М. Флеров, кото-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 369.

⁹ ЦГИА ГССР. ф. 39, д. 413, л. 165.

¹⁰ ЦГИА ГССР. ф. 34, д. 162, л. 54.

¹¹ Подробнее о Н. Флерове в книге Б. Пирадова «У истоков творчества М. Горького», Тбилиси, 1957.

¹² М. Горький. Собр. соч. (в 30 т. т.), т. 17, стр. 336.

рый полностью поддерживал проект устава «Месаме Даси», разработанный представителями левого ее крыла (Э. Ниношвили и М. Цхакая)¹³.

Следовательно, Н. М. Флеров был не рядовым революционером, а одним из руководящих деятелей левого крыла «Месаме Даси». Поэтому впоследствии, после создания Тифлисского комитета РСДРП, при организации бакинской нелегальной типографии ему и было поручено осуществлять связь между Тифлисским и Бакинским комитетами РСДРП.

Таким образом, два человека, тесно связанных с деятельностью бакинской нелегальной типографии, — Л. Б. Красин и Н. М. Флеров в равной степени хорошо лично знали А. М. Горького; знали они и о его отношении к задачам партии. Естественным поэтому было и их стремление привлечь к работе бакинской типографии известного писателя.

«Летопись жизни и творчества А. М. Горького» подтверждает этот факт: «1903 год. Апрель — май. Устанавливает через Н. М. Флерова связь с Л. Б. Красным, руководившим в Баку работой подпольной типографии, печатавшей «Искру» и другую соц. демократическую литературу»¹⁴.

Л. Б. Красин в своих воспоминаниях пишет: «До переезда (в Орехово-Зуево. — Б. П.) я работал в Баку, где у нас в течение ряда лет безукоризненно функционировала подпольная типография ЦК, печатавшая «Искру». Наибольшие трудности представляло из себя финансирование этого все разрастающегося предприятия. Держать десятки подпольщиков, оплачивать квартиры, занимавшие иногда несколько смежных владений с тайниками и прочими техническими фокусами, а главное и самое ужасное, оплачивать бумагу, ежедневные расходы на транспорт печатных изданий во все уголки тогдашней России — все это требовало весьма и весьма значительных сумм, а между тем через мои руки как главного финансиста партии проходили в то время буквально гроши, все организации были в катастрофически трудном положении, и от нелегальных комитетов мы, конечно, не только не могли ожидать финансирования, но, напротив, вынуждены были не раз оказывать им поддержку... Мы, бакинцы, вздохнули свободнее, когда нам удалось установить прямую и непосредственную связь с Алексеем Максимовичем Пешковым-Горьким, который жил в то время в Нижнем и в качестве первого, если не ошибаюсь, гонца прислал к нам в Баку Августу Павловну Невзорову. Мы приобрели настоящего друга, который не только более или менее регулярно (это было положительно невидалью в нашем нищенском бытие) снабжал нас сравнительно значительными суммами, но также болел душой и думал о нашем деле, как ему помочь, как его расширить»¹⁵.

В других воспоминаниях Л. Б. Красина сообщается: «Значительные суммы были получены нашей партией через М. Горького, который давал и свои деньги и привлекал разных состоятельных людей к делу помощи партии. Между прочим, через посредство Горького была установлена впервые связь между нашей бакинской техникой, нуждавшейся в средствах, и А. Д. Цюрупой, управлявшим тогда в Уфимской губернии именьями Кучушева и поддерживавшим нас с этого момента систематической присылкой денег»¹⁶.

Вслед за этим Л. Б. Красин рассказал еще об одном любопытном факте, который, как можно предполагать, также связан с именем А. М. Горького. В 1902 году в Баку гастролировала известная драматическая актриса В. Ф. Комиссаржевская. К ней, вероятно, по рекомендации Горького, который ее хорошо знал, обратился Л. Б. Красин. Комиссаржевская по его просьбе согласилась дать один концерт в пользу Бакинского комитета РСДРП, для пополнения его средств. Концерт прошел с большим успехом. В силу случайного стечения обстоятельств концерт состоялся в том самом доме, в котором обитал начальник бакинского жандармского управления, тщетно пытавшийся напасть на след тайственной подпольной типографии «Нина»¹⁷.

О том, как великая артистка В. Ф. Комиссаржевская сотрудничала с партией большевиков, рассказала и А. М. Коллонтай: «В. Ф. Комиссаржевская активно, на практике помогала нашей партии. Помогала своим именем тогда, когда необходимо было выручить арестованного, помогала сбором материаль-

¹³ ПА Грузинского филиала ИМЛ, ф. 14, оп. 5, д. 126, л. 48. Также см.: «Предисловие» М. Цхакая к собр. соч. Э. Ниношвили. Тб., 1925, т. II, стр. XI.

¹⁴ «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», М., 1958, т. I, стр. 437.

¹⁵ Л. Б. Красин. «Страничка воспоминаний», в его же книге «Дела давно минувших дней». М., 1934, стр. 102 — 103. Воспоминания написаны Красным в 1925 году.

¹⁶ Л. Б. Красин. «Большевистская партийная техника». В книге «Дела давно минувших дней». М., 1934, стр. 94.

¹⁷ Там же, стр. 95.

ных средств при забастовках или когда опустевшая касса партии мешала работе»¹⁸.

С А. М. Горьким В. Ф. Комиссаржевскую связывала близость к революционным кругам и, в частности, знакомство с Л. Б. Красиным. Учитывая это обстоятельство, можно полагать, что до гастрольной поездки в Баку В. Ф. Комиссаржевская виделась с А. М. Горьким и именно от него узнала о том, что Красин находится в Баку и что необходимо помочь в пополнении средств местной организации РСДРП и типографии «Нина».

Имеются и другие данные, подтверждающие связи А. М. Горького с бакинской типографией «Нина». Так, рабочий-революционер Сычев в своих воспоминаниях сообщает: «Весной 1903 года я приехал в Баку искать работу, имея в кармане 15 копеек денег и письмо А. М. Горького к Л. Б. Красину...»¹⁹.

В воспоминаниях другого революционера — А. Ф. Войткевича также приводится подобный факт: «Я приехал нелегально в Нижний Новгород и получил опять от Алексея Максимовича сведения, куда можно направиться для нелегальной работы. Яровицкий, который регулярно встречался с Горьким, в это время принес мне от него сообщение, что лучше всего ехать в Баку, и я получил адрес Леонида Борисовича Красина и пароль к нему»²⁰.

О связях А. М. Горького с бакинской типографией рассказал и большевик-ленинец Ваню Стурюа: «Я вспоминаю нелегальную типографию в Баку, где мы не раз набирали написанные Горьким прокламации и обращения, пробуждавшие у рабочих дух борьбы»²¹.

Известно, что в бакинской нелегальной типографии, кроме уже названных нами выше известных грузинских революционеров, активно работали также Т. Енукидзе, С. Тодрия, В. Болквадзе, Л. Думбадзе и другие. Многих из них лично знал А. М. Горький, но, к сожалению, они не оставили об этом своих воспоминаний.

Помимо всех этих фактов, свидетельствующих как о материальной помощи А. М. Горького, так и о его участии в подборе для бакинских подпольщиков проверенных и нужных им товарищей, следует напомнить еще об одном обстоятельстве.

19 июня 1903 года А. М. Горький в четвертый раз в своей жизни приехал в Грузию. За время пребывания здесь он побывал в ряде городов — Тифлисе, Батуми, Боржоми, Сурами, Кутаиси, Сухуми, Они. Все эти города в 1903 году являлись центрами оживленной революционной работы, и выбор их для посещения Горьким был, как это нам кажется, не случаен.

Находясь в Тифлисе, Алексей Максимович присутствовал на спектакле местной драматической труппы. Ее антрепренер Валентинов в честь приезда писателя решил поставить его пьесу «На дне».

По сведениям агентов охранки, А. М. Горький после спектакля передал в распоряжение Тифлисского комитета РСДРП триста рублей²². Из этого же донесения выясняется, что за приехавшим в Тифлис писателем было установлено тщательное наблюдение агентуры Охранного отделения. Сам же факт передачи М. Горьким денег для нужд Тифлисского комитета РСДРП свидетельствует о том, что между Горьким и этим комитетом, несомненно, существовали прочные связи, до настоящего времени не раскрытые.

Всего за несколько месяцев до приезда А. М. Горького в Грузию, в марте 1903 года, состоялся 1-й Закавказский съезд социал-демократических организаций, на котором был избран Кавказский Союзный Комитет РСДРП — руководящий центр всей революционной работы в Закавказье. Он возглавил деятельность Тифлисского, Бакинского и других комитетов.

Из числа избранных на съезде членов Кавказского Союзного Комитета Горький лично был знаком с М. Цхакая и Ф. Махарадзе, которых знал по встречам в революционном подполье Тифлиса с 1892 года. Невольно возникает предположение о том, что именно через них М. Горький и передал упомянутое в агентурном донесении триста рублей на революционную подпольную работу. Во всяком случае, близкое и давно уже установленное знакомство Горького с М. Цхакая и Ф. Махарадзе не исключает этого предположения. Так как по сведениям агентуры передача денег произошла в театре после спектакля, становится вероятным,

¹⁸ А. М. Коллонтай. «Молодежь звала ее солнцем». В сборнике «Памяти В. Ф. Комиссаржевской». М., 1931, стр. 7.

¹⁹ Сычев. Красин — администратор. В сборнике «Л. Б. Красин», М., 1920, стр. 199.

²⁰ А. Ф. Войткевич. «Из встреч с А. М. Горьким». В сборнике «Горький на родине», г. Горький, 1951, стр. 214.

²¹ В. Стурюа. Речь на пленуме Тифлисского Совета, «Коммунисти», 1928, 28/VII.

²² «Революционный путь М. Горького». М., 1933, стр. 57.

что Цхакая или Махарадзе побывали на одном из двух состоявшихся представлений пьесы Горького.

После Тифлиса Алексей Максимович отправился в Кутаиси, где произошла его нелегальная встреча с грузинскими революционерами-искровцами. На этой встрече происходившей ночью в одном из садов Кутаиси, присутствовали: член Кавказского Союзного Комитета Ф. Е. Махарадзе, видный подпольщик Прокофий (Алеша) Джаларидзе, впоследствии один из 26 бакинских комиссаров, известный в то время марксист В. К. Родзевич, рабочие-подпольщики М. З. Гурешидзе, А. П. Закомолдин и другие. Организатором встречи был молодой кутаисский врач П. Н. Дондаров, большевик. На встрече присутствовало человек пятнадцать-двадцать²³.

Трудно предположить, чтобы на этом нелегальном собрании, которое возглавляли искровцы-ленинцы, не обсуждались вопросы, волновавшие тогда партию накануне ее второго съезда. В курсе всех вопросов, несомненно, был М. Горький.

Беседа с писателем-революционером, связанным с подпольной типографией, печатавшей ленинскую «Искру», автором знаменитых «Песни о Буревестнике» и «Песни о Соколе» произвела на собравшихся неизгладимое впечатление.

«Встреча с Горьким, — отмечал в своих воспоминаниях П. Н. Дондаров, — была для нас большой радостью. Горький произвел глубокое впечатление своей простотой, искренностью, задушевностью, энтузиазмом».

Следует напомнить, что поездка Горького по Грузии почти совпала по времени с началом II съезда РСДРП, происходившего за границей в июле — августе 1903 года.

В свете всех этих сведений связи А. М. Горького с бакинской подпольной типографией «Нина» приобретают еще более важное значение.

Других сведений о связях Горького с этой типографией пока не обнаружено. Но и всего сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что А. М. Горький с неослабным вниманием относился к ленинской «Искре», постоянно проявлял заботу обо всех делах, связанных с бакинской типографией «Нина», где печаталась «Искра», с Баку, откуда она распространялась по всему Закавказью и югу России.

Становятся также более ясными и определенными те прочные связи, которые возникли у Горького с агентами «Искры» в России, с ее заграничным центром, который возглавлял В. И. Ленин.

А. М. Горький писал впоследствии: «С большевиками я с 1903 года и немного раньше...»²⁴

О том, что имел в виду Горький в этих двух словах: «немного раньше», и рассказано в этой статье.

²³ Воспоминания П. Дондарова приведены в книге В. Имедадзе «Горький в Грузии», Тб., 1958.

²⁴ В сборнике «В. И. Ленин и А. М. Горький», М., 1961, стр. 289, 2-е изд.

«Русская наука открыла нам врата просве- щения...»

Возникновение и развитие подлинно научного грузиноведения неразрывно связано с Российской Академией наук. Пионерами этого большого исторического дела являются Мари-Фелисите или Марий Иванович Броссе (1802—1880) и просвещенный грузинский царевич Теймураз Багратиони (1782—1846). Броссе еще во Франции проявил себя незаурядным ориенталистом, в частности, грузиноведом; он опубликовал ряд интересных работ из области грузинской лингвистики, литературы и историографии, за которые и был избран в декабре 1836 года адъюнктом Российской Академии, а затем (в марте 1838 г.) — ее действительным членом. С самого же начала своей научной деятельности Броссе установил контакт с Теймуразом Багратиони, проживавшим в Петербурге и хорошо известным в петербургских научных кругах. Броссе интенсивно переписывался с Теймуразом, получал от него книги и консультации. В 1837 году Броссе переезжает на постоянное жительство в Петербург и целиком отдается кипучей научной деятельности. Он установил связи с грузинскими учеными, писателями, любителями старины. Продолжал укреплять контакты с Теймуразом, которого считал своим учителем. Теймураз действительно поощрял, вдохновлял и некоторым образом направлял научную деятельность Броссе.

За большие заслуги перед отечественной литературой и наукой сам Теймураз в 1837 году был избран почетным членом Российской Академии наук.

С целью углубления своих познаний в области грузинского языка, а также для сбора необходимых материалов Броссе по решению Академии, материально обеспечившей его, предпринял в 1847 году поездку в Грузию, где пробыл почти год, точнее, полных одиннадцать месяцев. Он объездил всю страну вдоль и поперек, побывав даже в таких ее отдаленных горных районах, как Сванетия. Сопровождали его всегда квалифицированные проводники из представителей грузинской интеллигенции. Научная командировка Броссе оказалась чрезвычайно плодотворной: он собрал богатые эпиграфические, археологические, этнографические, лингвистические, литературоведческие и другие материалы, установил живые связи с местными учеными — Платоном Иоселиани, Дмитрием Мегвинетхуцисшвили, Дмитрием Бакрадзе (избранным в 1879 г. членом-корреспондентом Академии наук) и другими, которые потом переписывались с ним и систематически снабжали его разными справками, литературой и

другими материалами¹. Вернувшись в Петербург, Броссе приступил к разра-
ботке добытых материалов. Так появился его труд «Rapports sur un voyage ar-
chéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie» (I, 1849; II, 1850; III, 1851, СПб).
По имени Теймураза Багратиони, Броссе приблизил к себе такого образован-
ного человека, как Давид Исеевич Чубинов-Чубинашвили (1814—1891), по-
лучившего в 1845 году кафедру грузинского языка и словесности в Петербург-
ском университете. И в дальнейшем Броссе и Чубинашвили сотрудничали ис-
ключительно плодотворно.

По словам профессора А. А. Цагарели, сменившего в 1871 году Чуби-
нашвили на посту руководителя кафедры, «в течение почти столетия
Д. И. Чубинов и М. И. Броссе трудились на поприще грузинологии рука об руку
с редким единодушием, поддерживая и помогая друг другу словом и делом»².
Броссе подвизался главным образом в Академии, а Чубинашвили — в универ-
ситете.

Заслуги Броссе в области грузинологии поистине огромны³. Как филолог-
литературовед, он, конечно, в первую очередь занимался собиранием рукопис-
ного (и печатного) материала, его каталогизацией и описанием, но отнюдь не
чуждался характеристики имеющихся в его распоряжении памятников пись-
менности; иногда он набрасывал схемы развития грузинской литературы в це-
лом или отдельных ее периодов. В этом отношении представляет определенный
интерес одна из первых обзорных работ Броссе «Современное состояние гру-
зинской литературы», опубликованная в Париже еще в 1828 году (NJA, 1, p.
434—454). Обзорно-обобщающий характер имеет и первый публичный доклад
Броссе, который он читал на общем собрании Академии наук в качестве её члена
в декабре 1837 года. — «Взгляд на историю и литературу Грузин»⁴, а также одна из
его последних печатных публикаций по грузинской литературе «De la littérature ro-
manesque Géorgienne (Bulletin de l'Académie, XXIV, 1878).

В типологическо-сопоставительном плане весьма любопытно специальное
исследование Броссе о богатырско-героической повести «Амирандареджаниани»
— «Разбор грузинского романа «Амирандареджаниани» (BSc, 1838, III,
стр. 1—14). Это произведение XII века он считал рыцарским романом запад-
ноевропейского типа. Хотя Броссе интересовался вопросами грузинской цер-
ковной письменности, предпочтительное внимание он уделял памятникам свет-
ской литературы («Абдулмесиани», «Тамариани», «Амирандареджаниани», «Вис-
рамиани», «Русуданиани», «Барамани», «Караманиани», «Мириани» и др.). Ис-
ключительно ценные сведения опубликовал он о «Калиле и Димне», позволив
распутать с их помощью узел сложных историко-литературных проблем, связан-
ных с грузинскими версиями этого замечательного памятника мировой лите-
ратуры⁵.

Интересные соображения высказал Броссе о крупных грузинских поэтах
и писателях XVII—XVIII вв. — Теймуразе (1589—1663), Арчиле (1647—
1713), С.-С. Орбелиани (1658—1725), Вахтанге (1675—1737), Давиде Гурами-
швили (1705—1792) и Бесики (1850—1891). Кстати, именно им переведено на
французский язык стихотворение Бесики «Сад Тоски». Броссе принадлежит
также французский перевод «Мириани» (сказочно-фантастической повести) и
знаменитого прозаического произведения Ильи Чавчавадзе (1837—1907) «Че-
ловек ли он?». Сохранились также отрывки из его перевода «Висрамиани».

Несколько слов о работах Броссе, посвященных Руставели и его поэме
«Витязь в барсовой шкуре», которую он вначале называл просто «Тариель»
(Tariel), а потом «L'Homme à la peau de tigre». На протяжении всей своей жизни
Броссе живо интересовался вопросами руствелологии. Еще на заре своей на-
учной деятельности, ознакомившись с двумя рукописями «Витязя» из коллек-
ции Парижской национальной библиотеки, он дал их описание, перевел прозаиче-
ски начальные строфы поэмы и изложил краткое содержание всего произве-
дения⁶. Броссе писал о своем намерении перевести поэму Руставели целиком

¹ Пока изданы лишь письма Платона Иоселиани академику Броссе на грузинском языке под редакцией и с примечаниями С. И. Кубанейшвили, Тбилиси, 1941.

² Сведения о памятниках грузинской письменности, III, 1894, СПб, стр. 2.

³ Н. Я. Марр, К столетию со дня рождения М. И. Броссе (ЗВОРАО, т. XIV, вып. IV, СПб, 1902, стр. 073—078).

⁴ ЖМНП, 1838, XIX, стр. 274—335.

⁵ А. Барамидзе, Исследования из истории груз. литературы, I, 1945, стр. 224—372 (на груз. яз.), его же, О грузинских версиях «Калилы и Димны» (Итоги изучения, Литературные взаимосвязи, III, Тб., 1972, стр. 5—9).

⁶ С. Иорданишвили, Переводы «Витязя в барсовой шкуре» на европейские языки (Сборник Руставели, Тб., 1938, стр. 241—252, на груз. яз.).

Обещание он в общем-то выполнил, но, по-видимому, не успел должным образом отделать текст перевода, который так и остался в рукописи в его архиве. Значительным событием в истории руствелологии было петербургское издание поэмы Руставели на грузинском языке в 1841 году под редакцией М. Броссе⁷. На лавандишвили и Д. Чубинашвили⁷, подготовленное и осуществленное по определению Академии наук. Это — второе по счету издание поэмы (первое появилось в 1712 г. в редакции Вахтанга VI). Покровителем и вдохновителем петербургского издания «Витязя» был Теймураз Баратони, которому издатели и посвятили свою публикацию. Петербургское издание «Витязя» ценно, в первую очередь, в текстологическом отношении. Это научно-критическое, академическое издание с обстоятельным предисловием (за подписью Броссе), с кратким словарем и стихотворным послесловием (первоначальный текст послесловия был составлен Теймуразом, в издании он приписывается Броссе)⁸. В предисловии Броссе развивает свои основные мысли, высказанные в статьях 1828—1831 гг., особенно в его «Разысканиях по грузинской поэзии» (*Recherches sur la poésie Géorgienne*, NJA, V, VI, VII — 1830—1831). По мнению Броссе, «Витязь в барсовой шкуре» — высокодейно-художественное и философское произведение, не имеющее себе равных в грузинской литературе и занимающее почетное место в мировой поэзии, которое в иносказательном плане отображает историческую действительность Грузии XII века. В 1846 году Д. Чубинашвили переиздал полностью и без изменений текст поэмы Руставели издания 1841 года, включив его в свою учебную хрестоматию грузинской литературы. Позднее, в 1860 году, во втором издании хрестоматии Д. Чубинашвили напечатал «Витязя» уже в собственной редакции (расходящейся с предыдущим изданием) с довольно пространными толкованиями отдельных слов, а иногда и целых фразеологических единиц. Д. Чубинашвили принимал также деятельное участие в подготовке подстрочника «Витязя» для первого серьезного русского поэтического перевода Руставели, принадлежащего перу поэта Ипполита Бардттинского⁹. Д. Чубинашвили — признанный автор историко-аллегорической интерпретации образной системы «Витязя».

Нельзя забывать, что Броссе много сделал и в области арменистики. Он хорошо видел взаимосвязь в историческом пути развития армянского и грузинского народов и поэтому считал необходимым комплексное изучение родственной по общему духу истории и культуры этих народов. По словам Н. Я. Марра, «Броссе для нас еще особенно ценен как европейский ученый, впервые проложивший путь к признанию единства задач армянской и грузинской филологии»¹⁰.

Броссе создал прекрасную коллекцию грузинских рукописей и старопечатных книг, которая по его завещанию поступила в Азиатский музей Академии наук (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР)¹¹.

Итак, Броссе по праву принадлежит честь успешного поднятия целины грузинской филологической науки. Однако было бы наивным считать, что он выявил и изучил все богатейшее наследие грузинской духовной культуры. Н. Я. Марр в статье, посвященной столетию со дня рождения Броссе, приводит характерную фразу, приписываемую известному санскритологу и тюркологу, академику О. Н. Бётлингу (1815—1904), «который про Броссе будто бы говорил, что он высыпал весь мешок грузинской литературы, не оставив в нем ничего» (стр. 076)¹².

⁷ Это издание обыкновенно называется изданием Броссе.

⁸ Л. Кутателадзе, К вопросу о колофоне «Витязя в тигровой шкуре» издания 1841 г. (Мацне, 1970, № 5, стр. 131—136).

⁹ Текст перевода И. Бардттинского под названием «Тариель, Барсова Кожа», оставшегося незаконченным, опубликован в журн. «Иллюстрация» (№ 67, 1845 г.), а также в хрестоматии Д. Чубинашвили (II, 1846, IX—XXVIII).

¹⁰ К столетию со дня рождения М. И. Броссе (ЗВОРАО, т. XIV, вып. IV, СПб., 1902, стр. 077—078).

¹¹ Р. Р. Орбели, Грузинские рукописи Института востоковедения, вып. I, М.-Л. 1956, стр. 4—9; ее же, Кавказоведение (в книге «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, М., 1972, стр. 468—499, стр. 471—483); С. Salemann. Manuscripts Correspondance et Ouvrage de feu Mr. Brosset (ИАН, 1904, XXI, № 1, июнь).

¹² Главнейшая литература о Броссе, помимо уже цитированных нами: Laurent Brosset. *Bibliographie Analytique des ouvrages de Monsieur Marie-Félicité Brosset*, SPb, 1887); Ш. Хантадзе, Мари Броссе, Тб., 1966 (на груз. яз.); его же, Академик Мари Броссе и европейское и русское грузиноведение, Тб., 1970; Р. Додашвили, Мари Броссе — исследователь грузинской литературы, Тб., 1962 (на груз. яз.).

Многочисленные письма Теймураза Багратиони к академику Броссе по-рой содержат квалифицированные разъяснения по вопросам грузиноведения¹³, которые находили отражение в работах французского ученого. Некоторые из этих писем Броссе опубликовал в переводе в «Азиатском журнале» (Journal Asiatique)¹⁴. Наиболее ценный научный труд Теймураза — монументальное «Толкование поэмы «Вепхис ткаосани»¹⁵. Книга содержит обстоятельные комментарии текста поэмы Руставели как лексикологического, так и историко-литературного порядка. Специальные статьи посвятил Теймураз вопросам грузинского стихосложения («Размеры грузинского стиха», «О шаири» и др.).

Теймураз Багратиони был большим библиофилом и страстным коллекционером, который, не жалея средств и энергии, усердно собирал грузинские рукописи и старопечатные книги (а также археологические и нумизматические материалы), которые поступили в Азиатский музей и обогатили его рукописный фонд¹⁶. Сохранился автографический каталог библиотеки Теймураза с ценными примечаниями составителя, который с дополнительными комментариями был опубликован Броссе на французском языке¹⁷.

Нельзя хотя бы вскользь не упомянуть литературно-просветительскую и научную деятельность двух братьев Теймураза Багратиони, подвизавшихся в Петербурге, — Давида (1767—1819) и Иоанна (1768—1830), хотя литературной деятельностью увлекались и другие члены дома Багратионов как старшего, так и младшего поколений. Давид Багратиони слыл вольнодумцем-вольтеррианцем. Из его работ отметим комментированный перевод сочинения Руссо «Дух законов». Иоанн Багратиони — автор многочисленных трудов, среди которых выделяется «Калмасоба», или «Поучение в шутках». Это — огромное произведение, законченное в Петербурге в 1828 году и целиком еще не изданное в оригинале¹⁸. Заглавие «Поучение в шутках», пожалуй, более соответствует и содержанию и замыслу автора этого подлинно энциклопедического произведения, в котором занимательная художественная канва обрамляет обстоятельное изложение основ науки и знаний. Конечно, в наши дни «Калмасоба» в значительной степени утратила прежнее практически-познавательное значение, но в свое время она стояла на уровне русско-европейской научной мысли второй половины XVIII века. Автор проявляет удивительное свободомыслие в социально-политических и религиозно-философских вопросах, волновавших его современников¹⁹.

В 1871 году Д. И. Чубинашвили вышел на пенсию и официально покинул Петербургский университет, хотя до конца своей жизни продолжал заниматься наукой и не прерывал связи со своей Alma Mater. Кафедру грузинского языка и словесности после профессора Чубинашвили в 1872 году занял молодой тогда ученый Александр Антонович Цагарели (1844—1929), который успешно продолжал традиции преданного и бескорыстного служения отечественной науке.

Мы уже отметили наивность предположения, будто Броссе выявил все литературное наследие древней Грузии. Это, конечно, далеко не так. Неисследованными оставались тогда многочисленные рукописи из монастырских и частных собраний, которые впоследствии были сконцентрированы в книгохранилищах Церковного комитета грузинского экзархата и известных обществ — Общества распространения грамотности среди грузинского населения и Общества истории и этнографии (сейчас основные грузинские рукописные фон-

¹³ Письма Теймураза Багратиони к академику Броссе. Подготовка текста, предисловие, примечания и указатели С. Кубанейшвили, Тб., 1964, 131 стр., Г. Шарадзе. Один неопубликованный руслевологический труд Теймураза Багратиони со вступительной статьей и комментариями (Сб. Шота Руставели, Тб., 1966, стр. 406—409).

¹⁴ См. библиографию сочинений Теймураза в монографии Г. Шарадзе «Теймураз Багратиони», I, Тб., 1972, стр. 152—159.

¹⁵ Издание Г. Имедашвили, Тб., 1960, 037+328 стр.

¹⁶ Р. Р. Орбели, Грузинские рукописи, I, стр. 6—7; ее же, Кавказоведение, 471—474.

¹⁷ Catalogue des livres Géorgiens (Recueil СПб, 1838). В оригинале каталог издан А. Цагарели (Сведения, III, 149—186) и С. Иорданишвили (Тб., 1948, VIII+92). Со держательный монографический очерк жизни и литературно-научной деятельности Теймураза подготовил Г. С. Шарадзе. Пока издана I книга этой монографии с кратким резюме на русском и немецком языках (Тб., 1972, 225 стр.).

¹⁸ В переводе на русский язык опубликованы отдельные его главы с предисловием и комментариями В. Д. Дондуа (Тб., 1945).

¹⁹ Большая рукописная коллекция Иоанна Багратиони досталась Петербургской публичной библиотеке (Коллекция Иоанна Грузинского).

ды сосредоточены в Институте рукописей Академии наук ГССР)²⁰. Броссе были недоступны богатейшие грузинские рукописные сокровища Палестины, Синая и Афона, хотя кое-какие сведения о них были доставлены с места Тимофеем Габашвили (+1764), Георгием Авалишвили (1769—1850) и Николаем Чубинашвили (1790—1847). Обследование и описание грузинских рукописных фондов названных центров составляют главнейшую заслугу Цагарели. В 1883 году он при содействии Петербургского университета и Православного Палестинского Общества посетил эти центры, описал их рукописные собрания, снял копии многих настенных фресок, в том числе фрески Шота Руставели из монастыря св. Креста в Иерусалиме, и палеографически интересных рукописных отрывков. В результате появилась замечательная книга А. Цагарели «Памятники грузинской старины на Святой земле и на Синае»²¹. Описание же рукописей и старопечатных книг Иверского монастыря на Афоне А. Цагарели включил в первый выпуск своих «Сведений» (СПб, 1886, стр. 69—96). Помимо этого, А. Цагарели описал рукописные собрания разных частных лиц из Грузии, собрания Д. Чубинашвили в Петербурге, Краковского музея и другие, что составило три выпуска «Сведений о памятниках грузинской письменности» (I, СПб, 1886, II, там же, 1889; III, там же, 1894).

Знаменательно, что А. Цагарели свои «Сведения» считал не просто публикацией каталогов грузинской письменности. Во введении к первому выпуску он писал: «Настоящий выпуск не есть просто каталог, а сборник и обзор материалов для истории грузинской литературы» (стр. 1). То же самое повторил он и во втором выпуске (стр. III)²². Специальными научными комментариями историко-литературного характера снабдил А. Цагарели свою книгу «О грамматической литературе грузинского языка» (СПб, 1873, стр. 110), а также собственный перевод «Книги мудрости и жизни» С.-С. Орбелиани (СПб, 1878). В распоряжении Цагарели находились работы Броссе, Теймураза Багратиони, Чубинашвили и других. Однако он упорно и настойчиво заявлял, что «разработка истории грузинской литературы находится в настоящее время в таком состоянии, что сделать сколько-нибудь наукообразный очерк грузинской литературы пока почти невозможно» (О грамматической литературе, 1873, стр. XI; Сведения, I, 1886, I—II). И в 1889 году А. Цагарели писал: «В настоящее время разработка истории грузинской литературы находится в периоде, так сказать, библиографическом или статистическом, в фазисе тщательного собирания, разработки и классификации литературного материала, и только со временем может явиться возможность цельного, стройного и систематического обзора памятников грузинской письменности и литературы» (Сведения, II, стр. III—IV).

Как бы в опровержение слов А. Цагарели московский грузиновед проф. А. Хаханов-Хаханашвили (1866—1912), занимавший грузинскую кафедру в Московском Лазаревском институте восточных языков и читавший факультативный курс истории грузинской литературы в Московском университете сразу, за несколько лет выпустил 3 тома очерков по истории грузинской словесности: I. Народный эпос и апокрифы (М., 1895); II. Древняя литература до конца XII в. (М., 1897); III. Литература XIII—XVIII веков (М., 1901)²³.

Ни в коем случае не отрицая научно-познавательного значения «Очерков» Хаханашвили для своего времени, следует все же сказать, что они были далеки от систематичности, тщательности и полноты. «Очерки» грешили и досадными фактическими ошибками.

Новой ступени развития грузиноведение достигло в период возникновения второй научной петербургской школы, возглавляемой и направляемой Николаем Яковлевичем Марром (1864—1934).

Марр получил глубокое востоковедческое образование, он был исключительно одаренным исследователем, человеком колоссальной энергии и редкого прилежания. Как ученый, Марр сформировался в Петербургской востоковедческой школе, возглавляемой академиком Виктором Романовичем Розеном (1849—1908).

Марр привлек к себе внимание своих учителей еще в студенческие годы. В 1888 окончил университет, в 1899 — защитил магистерскую, а в 1901 —

²⁰ А. Гамкрелидзе, Хранилище древнейших рукописей («Литературная Грузия», 1973, № 6, стр. 85—94; то же с некоторыми сокращениями на французском языке — «Un grand trésor du peuple géorgien (Revue de Kartvélogie, XXXI, Paris, 1973, p. 90—112).

²¹ Православный Палестинский сборник, т. IV, вып. I, СПб, 1888.

²² Еще в первом выпуске «Сведений» (СПб, 1886) А. Цагарели предложил глубоко продуманную схему периодизации древнегрузинской литературы (XXIV).

²³ В 1907 г. появился четвертый том «Очерков», содержащий литературу XIX века.

докторскую диссертацию; в 1909 году был избран адъюнктом, а в 1912 — ординарным академиком. Марр принимал самое активное участие в университетской жизни и в разных научных обществах, особенно, в восточном отделении русского археологического общества.

Н. Я. Марр — ученый универсального типа, востоковед в широком смысле этого слова, кавказовед, лингвист-теоретик, историк-археолог, филолог. По своей узкой специальности Марр — арменолог и грузиновед, создатель новой научной дисциплины, армяно-грузинской филологии. Сейчас Марр нас интересует как филолог-литературовед, неутомимый исследователь грузинской литературы.

По концепции Марра²⁴ древнегрузинская духовная культура развивалась в тесной связи с культурой соседних народов и христианского и мусульманского мира (византийцев, сирийцев, армян, албанцев, персов, арабов). На первых порах своей научной деятельности Марр односторонне рассматривал процесс литературных связей и чрезмерно преувеличивал роль литературных заимствований, в частности, он ошибочно односторонне трактовал вопрос влияния армянско-сирийско-византийской христианской культуры на грузинскую, так же как и зарождение и развитие древнегрузинской светской литературы объяснял исключительно влиянием персидской литературы на грузинскую. Постепенно отходя от своей первоначальной теории литературных заимствований или определяющей созидательной силы внешних факторов в ущерб собственным национальным факторам, он в 1917 году объявил эту теорию устаревшей (ИАН, 1917, стр. 416—417), в 1920 — опрокинутой (Н. Я. Марр, Избранные работы, I, стр. 86), а в 1927 — и вовсе провалившейся (Язык и история, I, 1936, стр. 36). К сожалению, в свете этой, впоследствии опрокинутой и провалившейся теории ставились и решались важнейшие вопросы древнегрузинской духовной культуры. Правда и то, что Марр резко самокритично писал о своих теоретических заблуждениях. Мы никогда не должны забывать методологические ошибки Марра и в области литературоведения, не говоря уж о его вульгарно-материалистических ошибках в области языкознания. Вместе с тем мы обязаны отдать должное весьма ценной и плодотворной, а во многих случаях прямо неопределимой деятельности Марра в области глубокого изучения и пламенной пропаганды грузинской культуры за рубежом²⁴. По словам академика И. А. Джавахишвили, Н. Я. Марр «сразу же поднял уровень грузинской и армянской филологии на такую высоту, на которой находилась современная ему филология Западной Европы»²⁵.

Марр не гнушался обыкновенной черновой работы; как и его предшественники, он усердно описывал рукописные коллекции общественно-государственных и частных собраний, открывал, изучал и образцово издавал первоклассные памятники грузинской литературы, снабжал издания обстоятельными введениями, комментариями и переводами на русский язык. Издаваемые памятники и вообще первоисточники Марр изучал под углом зрения, как он выражался, «реально-исторической критики». Автор многочисленных специальных исследований, заметок, рецензий, отзывов и крупных монографий, он обобщал, теоретизировал свои научные выводы, публиковал суммарные, обзорные работы. Нет ни одного узлового или сколько-нибудь значительного вопроса из истории древнегрузинской духовной культуры, который не был бы предметом специальных исследований Марра.

Огромным событием в истории грузинской культуры явилась его научная экспедиция в 1902 году на Синайскую гору и в Иерусалим при участии известного русского византиниста М. А. Васильева и И. А. Джавахишвили. Как известно, эти центры грузинской письменности в 1883 году посетил и находящиеся там рукописи описал А. Цагарели, но, по заключению Марра, «существующий каталог проф. Цагарели оказался составленным слишком поверхностно, притом с номерами, не соответствующими библиотечным»²⁶. По возвращении в Петербург Марр опубликовал блестящий «Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Ие-

²⁴ В смысле пропаганды грузинской культуры за рубежом много сделали Броссе, Чубинашвили, Цагарели, а также А. Хаханашвили.

²⁵ И. Джавахишвили, Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тб., 1937, стр. 10 (на груз. яз.).

²⁶ Предварительный отчет, стр. 6. Нужно было также учесть признание Цагарели. «Я привел в известность по части грузинской письменности все, что я нашел и что мне показали на Афоне, Синае и в Палестине, но утверждать, что сверх упомянутого мною больше ничего там и не осталось, я не в состоянии, ибо обитатели упомянутых монастырей часто сами не знают, где и что у них есть» (Сведения, I, стр. XXIII, курсив автора. — А. Б.)

Иерусалиме, в поездку 1902 г.»²⁷. Этот отчет вызвал оживленные отклики как внутри страны, так и за рубежом. Восторженный отзыв посвятил ему крупнейший немецкий византист Адольф Гарнак²⁸. По стечению обстоятельств описание синайских и палестинских рукописей были обнаружены только после смерти этих авторов-описателей²⁹. На Афоне Марр побывал несколько раньше в 1898 году. В результате появились две публикации: «Из поездки на Афон»³⁰ и «Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера». Часть первая: Описание пяти пергаментных рукописей³¹. Часть вторая: Житие св. Варлаама Сиро-Кавказского (к вопросу о «Варлааме и Иоасафе»)³².

Свои работы, как и работы своих учеников и сотрудников, Марр публиковал в разных научных органах (чаще всего в ЗВОРАО), но главным образом в основанных им же сериях: Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, Bibliotheca Armeno-Georgica, Христианский Восток, Monumenta Agiographica Georgica и др. Марр публиковал прежде всего такие памятники, которые имели значение не только для грузинской литературы. Он отдавал предпочтение переводным произведениям, оригиналы которых считались утерянными. Своей публикацией «Исполит. Толкование Песни Песней» (ТР, III, 1901, XIV+32+67 стр.), например Марр обогатил мировую христианскую литературу. По поводу публикации Ипполита, Марр, между прочим, писал: «Грузинский текст Ипполитова «Толкования Песни Песней», дошедший до нас в рукописи X века, переведен с армянского, и, вероятнее всего, до IX века. Интересующимся самим памятником он дает текст наиболее древней даты, притом в объеме, в два раза с лишним превышающем известные до сих пор отрывки, все вместе взятые» (XVIII).

Из марровских публикаций памятников оригинальной грузинской литературы наиболее важными являются: Древнегрузинские одописцы (ТР, IV, 1902, XII+114+170 стр.) и Георгий Мерчул. Житие Григория Хандзтийского. Грузинский текст. Введение, издание, перевод Н. Марра, с дневником поездки в Шавшию и Кларджию (ТР, VII, 1911, 012+LXX+82+151+216). На наш взгляд, в марровской концепции грузинских одописцев очень много спорного и ошибочного, однако в целом это прекрасная работа, демонстрирующая колоссальную эрудицию исследователя, мастерство и тонкость филологического анализа текста, большого художественного чутья и вкуса, остроумия и т. д.

Марр образцово издал «Житие Григория Хандзтийского», снабдив его прекрасным переводом на русский язык, превосходным исследованием и словарем, а также пространним «Дневником поездки в Шавшию и Кларджию» летом 1904 года. Дневник Марра представляет собой первоклассный научный труд и живо написанный художественный очерк.

Два памятника древнегрузинской литературы вызвали особый и неослабный интерес Петербургской филологической школы грузиноведения — «Мудрость Балавара» и «Витязь в барсовой шкуре» Руставели. «Мудрость Балавара» — это грузинское название широко распространенной в мировой литературе повести «Варлаам и Иоасаф». «Мудрость Балавара» в первоначальном виде, по всей вероятности, была написана на санскритском языке. Но еще не обнаружены ни ее санскритский оригинал, ни его предполагаемые ближайшие переводы — пехлевийский и сирийский. Самой древней из существующих христианизированных версий повести, пожалуй, является грузинская версия, сохранившая всю свою архаичность и первоначальную художественную непосредственность. Некоторые греческие и латинские рукописи этой повести, относящиеся к XI веку, а также грузинский источник тоже XI века честь перевода этой повести на греческий язык приписывают Евфимию Афонскому (955—1028). Греческая версия повести, получившая название «Варлаам и Иоасафа», легла в основу всех ее европейских, в том числе славян-

²⁷ Сообщения Православного Палестинского Общества, СПб, 1903, т. XIV, ч. 2, Отд. отгиск, стр. 1—51.

²⁸ Forschungen aus dem Gebiete der alten grusinischen und armenischen Litteratur (Sitzungsberichte der preussischen Academie der Wissenschaften, XXXIV, Berlin, 1903).

²⁹ Н. Я. Марр, Описание грузинских рукописей Синайского монастыря, М.-Л., 1940, стр. 276 с 25 таблицами. Ответственный редактор издания акад. И. Ю. Крачковский, ред. И. В. Мегрелидзе; Н. Я. Марр, Краткое описание грузинских рукописей библиотеки греческого патриархата в Иерусалиме. Подготовка к печати Е. П. Метрели, Тб., 1955, 95 стр.; И. А. Джавахишвили, Описание грузинских рукописей Синая. Подготовлен к печати кабинетом им. И. А. Джавахишвили. Ред. Н. Бердзенишвили, Тб., 1947, стр. 317.

³⁰ ЖМНП, 1899, III, стр. 1—24.

³¹ ЗВО, т. XIII, 1900, стр. 1—88.

³² Там же, стр. 89—144.

ских, переводов. В разработке проблемы «Варлаама и Иоасафа» приняли участие не только грузиноведы, но и другие виднейшие русские востоковеды. Акад. И. Ю. Крачковский даже нашел возможным особо выделить «варлаамовский период русского востоковедения»³³.

Обострил варлаамовскую проблему ученый Зотенберг (H. Zotenberg), который в 1886 году опубликовал в Париже работу под заглавием: «Notice sur le livre de Barlaam et Ioasaph». По своей неосведомленности, если не сказать по невежеству, Зотенберг думал, что начало грузинской литературы падает на вторую половину X века. Как же могло быть, спрашивал он, чтобы на таком неразвитом (inculte) языке появилось такое совершенное по форме произведение, как «Варлаам и Иоасаф»?

С ответом Зотенбергу выступил авторитетнейший представитель русской востоковедческой школы акад. В. Р. Розен³⁴. Он легко отверг все доводы Зотенберга против Евфимия Ивера и против возможности существования «Варлаама и Иоасафа» на грузинском языке (текст грузинской редакции повести тогда еще не был известен) и выдвинул два научно вполне аргументированных тезиса: 1) Что роман («Варлаам и Иоасаф». — А. Б.) мог существовать на грузинском языке раньше, чем на греческом и 2) что св. Евфимий мог перевести его на греческий». Акад. Розен призывал специалистов включиться в исследование этого столь важного вопроса для истории мировой литературы. Первым откликнулся на призыв Розена молодой тогда Н. Я. Марр. Он открыл грузинский текст «Балавариани», собирался его издать и посвятить ему свою магистерскую диссертацию, от чего был вскоре вынужден отказаться по не зависящим от него обстоятельствам. В 1889 году Марр напечатал свою первую статью по данной проблеме: «Мудрость Балавара. Грузинская версия душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе»³⁵. В дальнейшем он не раз возвращался к этому вопросу. Марр решительно заявлял, что «грузины X века были весьма зрелого возраста в мировой культуре», что они многое сделали для обогащения византийской и арабской культуры переводами как церковной, так и изящной литературы³⁶ и что нет абсолютно никаких оснований подвергать сомнению данные первоисточников о грузинском происхождении греческой версии «Варлаама и Иоасафа». В дискуссии по этому вопросу приняли участие многие зарубежные и отечественные ученые³⁷.

Руствелологической проблематике Марр посвятил много разных работ.

Ряд заметок руствелологического характера разбросан в многочисленных трудах Марра, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к руствелологии.

Во всестороннее изучение весьма сложного поэтического наследия Руставели Н. Я. Марр вкладывал поистине героический труд. Однако нужно вспомнить, что он не всегда был последовательным в своих суждениях, а также часто чрезмерно преувеличивал значение внешних творческих сил. Марр не скрывал, а наоборот, усердно подчеркивал, что руствелологическая проблематика для него являлась соподчиненной частью его общетеоретической схемы зарождения и развития древнегрузинской светской литературы.

В конце концов Марр отошел от своих первоначальных ошибочных взглядов на Руставели.

В 1910 году появилась замечательная работа Марра «Вступительные и заключительные строфы Витязя в барсовой шкуре Шоты из Рустава, с этюдом культ женщины и рыцарство в поэме»³⁸, в которой он обосновывает положение о том, что поэма Руставели ярко отображает рыцарскую идеологию с культом женщины.

³³ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Перевод с арабского акад. В. Р. Розена под редакцией и с введением академика И. Ю. Крачковского, М.-Л., 1947, стр. 16, прим. 2.

³⁴ ЗВО, т. II, 1887, стр. 166—178.

³⁵ ЗВО, т. III, стр. 223—260.

³⁶ Грузинский текст «Мудрости Балавара» перевел на русский язык и издал ученик Н. Я. Марра И. А. Джавахишвили (ЗВО, т. XI, вып. I+V, 1899, стр. 1—48). Оправдалась научная догадка Марра о существовании и более древней и более пространной редакции «Мудрости Балавара». См. Балавариани (Мудрость Балавара). Предисловие и редакция проф. И. В. Абуладзе, Тб., 1962; The Balavariani, Translated from the old georgian by D. M. Lang, London, 1966.

³⁷ Подробно об этом говорится в моей работе: «Н. Я. Марр» (Исследование, V, 1971, стр. 239—279, на груз. яз.).

³⁸ Об этой работе Марра И. А. Джавахишвили писал: «Первая прекрасно написанная монография о мировоззрении, целеустремленности и поэтических взглядах гениального автора «Витязя в барсовой шкуре» принадлежит акад. Н. Я. Марру. Это его исследование положило начало новой эпохе в изучении «Витязя в барсовой шкуре», Литературное наследство, I, Тб., 1935; стр. 15 (на груз. яз.).

В целом Марр энергично утверждал, что Руставели — передовой, прогрессивно мыслящий поэт, антиклерикал и антидогматик, в неподражаемой художественной форме отображающий явления чисто грузинской социальной и национальной действительности.

Марр привлек к разработке руствелологических проблем крупного медиависта, будущего академика В. Ф. Шишмарева и своего ученика арменолога, тоже будущего академика И. А. Орбели.

Марр воспитал целую плеяду учеников-грузиноведов как старшего, так и младшего поколений, впоследствии выдающихся деятелей науки — И. Джавахишвили, И. Кипшидзе, А. Шанидзе, Ю. Абуладзе, В. Беридзе, Д. Кипшидзе, В. Путуридзе, Г. Читая, К. и В. Дондуа, Р. Блейка, Ю. Марра, А. Генко и других. Учеником и последователем Марра был и его большой друг и соратник Е. Такайшвили, а также магистр Киевской духовной Академии К. Кекелидзе. Кстати, еще в 1915 году ему было поручено Российской Академией наук по представлению Марра грандиозное научное предприятие — издание всей богатейшей грузинской агиографической литературы, оригинальной и переводной. В 1918 году в Тбилиси был напечатан в серии «*Monumenta Nagiographica Georgiae*» Российской Академией наук первый монументальный том так называемых кименовских, то есть первоначальных, простых, литературно еще не вполне обработанных редакций агиографических памятников (XLVIII + 351 стр.)³⁹.

Мы, таким образом, вплотную подошли к советскому периоду развития грузинской науки. Не преувеличивая, можно прямо сказать, что возрождение всей грузинской отечественной науки, в том числе, конечно, и филологическо-литературоведческой, обусловила Великая Октябрьская социалистическая революция. Новая грузинская филологическая наука первоначально, до создания Грузинской Академии наук (1941 г.) развивалась в Тбилисском университете. Ведущей силой национальной грузинской гуманитарной науки здесь стали деятели Петербургской (Петроградской) грузиноведческой школы во главе с И. А. Джавахишвили. Если в дореволюционный период изучением многовековой грузинской литературы так или иначе занимались отдельные энтузиасты, то в советское время это большое национальное дело поручено крупным коллективам, кафедрам высших учебных заведений и специальным научно-исследовательским учреждениям — институтам Академии наук Грузии (Институт истории грузинской литературы имени Ш. Руставели, Институт рукописей имени К. Кекелидзе, Институт востоковедения имени Г. Церетели).

С перемещением центра грузинской науки в Тбилиси Петербургская (Петроградская) школа грузиноведения еще продолжала свое существование. Н. Я. Марр, К. и В. Дондуа, А. Генко и другие организовали выпуск новой научной серии «Тексты и разыскания по Кавказской филологии». После смерти Марра возможности школы сильно сократились. Вскоре выбыли из строя А. Генко и Б. Руденко, а братья Дондуа переехали на работу в Тбилиси. В настоящее время грузиноведческой проблематикой занимается Кавказский кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения (бывший Азиатский музей); заведует кабинетом Р. Р. Орбели.

Тбилисская грузиноведческая школа со своей стороны в новых условиях развивается, углубляет и расширяет лучшие традиции Петербургской (Петроградской) школы грузиноведения. Ее достижения огромны⁴⁰.

Остановимся только очень кратко на наших контактах и связях с учреждениями Всесоюзной Академии наук.

Мы с искренней благодарностью должны отметить, что в 1922/1923 годах по указанию Советского правительства Российская Академия наук великодушно вернула Грузии свыше 300 драгоценных грузинских рукописей из ленинградских и московских собраний.

У нас установились прекрасные, дружеские, деловые отношения с соответствующими учреждениями Академии наук (реорганизованной в 1925 году во Всесоюзную Академию наук) — с Отделением литературы и языка АН СССР, с Институтом мировой литературы имени Горького и с Институтом востоковедения. Вместе с этими институтами мы проводим научные сессии, конференции, совещания, симпозиумы, дискуссии. Так, например, вместе с Ин-

³⁹ В 1912 г. в марровском «Христианском Востоке» (т. I, вып. 3, стр. 325—346) К. Кекелидзе опубликовал свое известное исследование «Иоани Ксифилин, продолжатель Симеона Мегафраста, которого академик В. Латышев признал «своего рода откровением» в истории византийской литературы (Четьи-миней Иоанна Ксифилина, ИАН, 1913, VI серия, № 4, стр. 237).

⁴⁰ Об этом кратко говорится в нашей статье «Литературоведение в Советской Грузии» («Литературная Грузия», 1971, № 5, стр. 9—15).

ституту имени Горького в Тбилиси в 1962 году провели научную сессию, посвященную творчеству молодого Горького, в мае 1970 года в Тбилиси была созвана всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии, а в 1967 — всесоюзная конференция на тему «Литература народов Востока». Всесоюзные научные конференции были посвящены проблемам археологии и изучения древних рукописей (в 1959 г. в Ереване, в 1969 г. в Тбилиси), текстологии и описанию рукописей (Ташкент, 1960 г.), рукописной и научной книге (Москва, 1973 г.). Институт рукописей имени К. С. Кекелидзе АН ГССР совместно с археологической комиссией при отделении истории АН СССР участвует в составлении «Сводного каталога» рукописей, хранящихся в СССР, предприятия по инициативе акад. М. Н. Тихомирова. Цель «Сводного каталога» — выявление, учет и введение в научный оборот рукописного наследия и обеспечение сохранности этого наследия. В настоящее время уже завершен учет грузинских рукописей IX—XV вв. по Грузии и закончено составление их краткого описания на русском языке.

В ноябре 1972 года в Тбилиси состоялась Всесоюзная научная конференция, посвященная теоретическим вопросам фольклора. Мы принимали активное участие в разных научных сессиях и конференциях по вопросам литературных взаимосвязей и реализма, которые проводились в Москве, Тбилиси, Ереване. Институт мировой литературы имени Горького совместно с литературными институтами Армении и Грузии провел в Москве в октябре 1963 года научную сессию, посвященную Саят-Нова.

Огромное внимание уделили академические органы АН СССР юбилейным датам Шота Руставели: 750-летию со дня написания «Витязя в барсовой шкуре» и 800-летию со дня рождения Руставели. Помимо совместных научных сессий, проведенных в Москве и Ленинграде, были опубликованы важные научные сборники с участием крупных русских ученых. Так, в Ленинграде в 1938 году под редакцией и с введением академика И. Орбели Государственный Эрмитаж издал специальный сборник «Памятники эпохи Руставели» (406 стр.). 3-й номер Известий Академии наук, серии «Литературы и языка» за 1938 год целиком посвящен Шота Руставели; здесь помещены интересные статьи видных советских ученых академиков А. Ф. Шнишмарева и В. В. Струве, члена-корреспондента П. Н. Беркова, а также текст вступительной речи президента Академии акад. В. Я. Комарова на торжественном заседании АН СССР, посвященном 750-летию поэмы «Витязь в барсовой шкуре» (16. I. 38 г., в Колонном зале Дома Союзов)⁴¹. В 1937 году под редакцией и со вступительной статьей академика И. Орбели в Ленинграде вышло первое издание русского перевода поэмы Руставели, выполненное поэтом П. Петренко. В 1959 году в Москве был напечатан сборник «Шота Руставели и его время», среди авторов сборника — академик И. К. Луппол («Образы и идеи Шота Руставели»). На торжествах по случаю 800-летия со дня рождения Руставели в Тбилиси приехала большая делегация Академии наук, в состав которой входили академики Н. И. Конрад и В. М. Жирмунский. Выступления этих ученых на торжественном юбилейном заседании АН ГССР опубликованы в печати⁴². На объединенной научной сессии Института имени Горького и Института имени Руставели, посвященной восьмисотлетию Руставели (в Москве, 21.X.66), весьма содержательный доклад сделал профессор Р. Самарин на тему «Значение Руставели в мировой литературе». Текст этого доклада в переработанном виде опубликован на русском и грузинском языках⁴³. Статьи действительных членов грузинской Академии А. Г. Шанидзе и А. Г. Барамидзе напечатаны в «Вестнике Академии наук СССР» (1961, № 8; 1966, № 9)

Особо хочу отметить замечательный доклад профессора И. Н. Неупокоевой «Николоз Бараташвили и европейская поэзия» (на сессии Института имени Руставели в Тбилиси в 1968 г.)⁴⁴.

⁴¹ Статья акад. Шнишмарева «Шота Руставели (несколько параллелей и аналогий)» в том же 1938 г. была опубликована на грузинском и французском языках в Известиях Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра (III, стр. 229—250, 251—274). Она вошла также в сборник избранных статей В. Ф. Шнишмарева (М., 1972, стр. 336—356).

⁴² Мацне (Вестник), 5, 1966, стр. 200—207, 208—209; выступление акад. Конрада «Витязь в тигровой шкуре» и вопрос о ренессансном романтизме» включено в его книгу «Запад и Восток», М., 1972, стр. 265—272.

⁴³ «Литературная Грузия», 1967, № 3; «Мнатоби», 1967, № 5.

⁴⁴ Текст доклада опубликован в сборнике «Литературные взаимосвязи» (2, Тб., 1968) и в «Литературной Грузии» (1969, № 1); см. также книгу И. Н. Неупокоевой «Революционно-романтическая поэма», М., 1971, стр. 291—307.

Совместно с Институтом мировой литературы имени Горького Институтом грузинской литературы имени Руставели подготовлена и в будущем году выйдет из печати «История грузинской советской литературы» (50 а. л.). Институт истории грузинской литературы участвует в подготовке 6-томной истории многонациональной советской литературы и 10-томной истории всемирной литературы (головной институт — Институт мировой литературы). В сотрудничестве с институтами востоковедения АН ГССР, АН СССР и АН Таджикской ССР тбилискими иранистами М. В. Тодуа и А. А. Гвахария под общим руководством академика Г. В. Церетели подготовлен научно-критический текст известной поэмы Гургани «Вис-о-Раман», который был издан в Тегеране в 1970 году научным центром Ирана.

Наконец, мы с большой благодарностью отмечаем, что в 50-ю годовщину образования великого Союза Советских Социалистических Республик общее собрание Отделения литературы и языка Академии наук СССР заслушало, обсудило и одобрило деятельность научного литературоведческого центра грузинской республики, Института истории грузинской литературы имени Руставели.

Даже этот краткий обзор, думается, в какой-то степени достаточно ясно показывает, какую огромную роль сыграла Российская Академия наук в развитии грузинского литературоведения. И тут уместно будет привести слова вождя национально-освободительного движения Грузии XIX века И. Г. Чавчавадзе: «Русская литература, безусловно, оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала большое воздействующее влияние на нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она наложила свой отпечаток на наши чувства и направление в целом. Нет среди нас сегодня ни одного деятеля на поприще литературы или общественной жизни, не испытавшего на себе воздействия русской литературы. И не удивительно: русская школа-наука открыла нам врата просвещения и русская же литература питала и направляла нашу мысль на путь движения».

К этому высказыванию великого грузинского поэта и мыслителя не могу не добавить слова профессора Петербургского и Тбилисского университетов А. А. Цагарели: «Забота о культурных потребностях грузинского народа, всегда готового принести и свою лепту в пользу просвещения и образования, конечно, составит и впредь честь и славу России в глазах всего цивилизованного мира и признательного потомства»⁴⁵.

⁴⁵ Сведения, III, 1894, стр. III.

ВЕРЕСАЕВ В ГРУЗИИ

САХАР

Вересаев имел карточку на сахар. В одном из ресторанов Тбилиси по этой карточке давали сахар и кофе.

В то время моя жена тяжело заболела. Нужна была глюкоза. Достать ее было очень трудно. На «черном рынке» килограмм сахара продавали втридорога. Я не мог его купить. И вот что делал Вересаев. Ходил пить кофе — без сахара, а тот кусочек, свою жизненную порцию, заворачивал в бумагу и приносил моей жене...

СЛЕЗЫ

На второй день после получения премии Вересаев сказал:

— Теперь я человек с деньгами. Могу заплатить за квартиру. Шесть месяцев, как я живу у вас. В месяц пятьсот рублей...

— Что вы говорите, Викентий Викентьевич? — воскликнул я. — Как это пришло вам в голову?

Наш разговор услышала моя жена. Она подошла к Вересаеву и сказала:

— Помните, когда я болела, вы приносили мне сахар? Тот сахар — свою порцию, — вы отнимали у себя... Помните?

— Ну и что?

— Давайте подсчитаем, сколько было того сахара! Тогда килограмм на «черном рынке» стоил баснословно дорого. Подсчитаем и заплатим вам...

— Боже мой, что вы говорите?! — вскочил Вересаев. — Разве так можно?.. Я ведь приносил как отец дочке!

— Вот и я тоже как дочь отцу говорю. ваш сахар был не только сахар! Это было ваше сердце...

И Ксения Элизбаровна заплакала.

«КАМЕННЫЙ МОСТ»

Вересаев был бескомпромиссным и принципиальным писателем. За такой характер его прозвали «каменным мостом».

Однажды редакция газеты «Заря Востока» прислала к нему журналиста Михаила Агаджанова. Он был хорошим другом Вересаева. Часто приходил к нему и беседовал об истории Армении, о литературе.

— Культурный и весьма образованный журналист, — говорил про него Вересаев, — я с удовольствием слушаю его.

И вот пришел Агаджанов и предложил ему откликнуться на положение на фронте.

Вересаев написал пространную статью «Историческое сведение». Агаджанов взял ее, но спустя несколько дней вернул: редакция просит внести поправку. «Надо несколько смягчить тон там, где речь идет о союзниках», — сказал он.

— Не поправлю! — твердо и холодно ответил Вересаев. — Я всегда говорю то, что думаю. Если нравится, печатайте, если нет — не надо!

Окончание. Начало в № 3.

Агаджанов попросил:

— Может, все же поменяете?

— Лицемерить не буду, — сказал Вересаев, — я верю, что мы и союзники победим фашистскую Германию, но в этой войне наибольшие жертвы понесем мы, а не они... Сейчас союзники откладывают открытие второго фронта... Об этом должен сказать я. Я — Вересаев...

Агаджанов не уступил. Вересаев не уступал. Наконец он спросил его:

— Вы сами, Михаил Васильевич, какого мнения?

Агаджанов тяжело вздохнул:

— Вы правы, Викентий Викентьевич!

Через несколько дней Агаджанов снова пришел, теперь уже повеселевший.

— Знаете, Викентий Викентьевич, академик Тарле высказался так же, как вы! Дайте статью!

Вересаев не дал.

В БОРЖОМИ

Два летних месяца 1943 года Вересаев провел в Боржоме. Здесь он хорошо отдохнул и интенсивно поработал. Вот что писал он мне оттуда:

«Дорогой Родион Каленикович!

...В Ликанах, несмотря на старания местного секретаря райкома, устроиться не удалось. Но он устроил нам питание в Боржоме. Комната, кою нам указала наша здешняя знакомая, оказалась очень сырая... Но хозяйка очень милая и заботится о нас, как о родных. Мы взяли комнату в этом же доме во втором этаже, сухую. Хозяйка ходит для нас на рынок и готовит еду...»

Второе письмо опять из Боржомы: 6. IX. 43.

«Дорогой Родион Каленикович!

...Здесь жарко бывает только с 12 ч. дня до захода солнца, а остальное время — приятная прохлада. Перед самым окном моей комнаты — две могучих акации, через кои солнце наполняет комнату зеленоватым светом. Пишется мне опять очень хорошо, написал уже десять «невыдуманных рассказов», и в голове зарождаются все новые».

В ЦХАЛТУБО

«23. IX. 43. Цхалтубо. Корпус № 3 (генеральский)

Дорогой Родион Каленикович!

...С 19-го числа после очень трудного и утомительного переезда из Боржомы мы в Цхалтубо. Хотя и не без труда... и труда очень большого мы устроились с помещением и с питанием. Отдыхаем после путешествия, берем ванны, наслаждаемся теплым воздухом, вечно ясным небом и широким горизонтом с горами в большом отдалении. Занимаем мы номер в т. н. «генеральском» госпитале, хотя ни одного генерала тут не видели. Питание очень хорошее...»

В СЕМЬЕ

Вересаеву не нравилось, что вся тяжесть домашней работы лежит на женщине. Поэтому он всегда помогал своей жене в домашних делах. Сам приносил керосин, мыл посуду, чистил картошку. Это я видел своими глазами.

Однажды за такой работой его застал один знакомый. Он так удивился, что даже поздороваться забыл.

— Чему удивляетесь? — спросил Вересаев. — Надо отвыкнуть от барского отношения к женщине... Не нравится мне равнодушное отношение некоторых наших мужчин к домашним мелочам. Придет со службы, сядет на стул, положит ногу на ногу и говорит жене: «Быстро, подай на стол!»

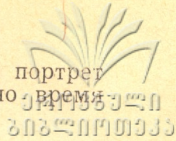
А жена сама только что пришла с работы...

Раз и навсегда надо избавиться от такого безобразия в семье. Надо больше уважать женщину... Ленин тоже помогал Крупской в домашних делах!

КАРАНДАШ И ЖИЗНЬ

Как-то к Вересаеву пришел художник Александр Гвелесиани и попросил разрешения нарисовать его портрет в красках. Вересаев согласился, и начались сеансы.

Гвелесиани сначала рисовал карандашом. Затем хотел написать портрет красками, но почему-то не сделал этого. А работа в карандаше одна выставлялась в Тбилиси, в Художественном салоне.

Вересаеву эта картина нравилась, и он часто говорил:

— В какое время мы живем! Тут художник пытается кончиком карандаша выразить мысль и чувство, а там в небе летает человек, который хочет уничтожить жизнь на земле.

«Там» был фронт. Была война. Вересаев ненавидел войну.

Однажды в беседе с Гвелесиани он сказал:

— Человек изобрел карандаш и бомбу. То, что делает карандаш, бомба уничтожает... Диалектика превратности... Диалектика смерти и жизни...

— Это тоже вечная тема искусства, — добавил Гвелесиани.

— Нет! Жизнь победит фашизм!

ПУШКИН И ГРУЗИЯ

Вересаев был пушкинистом. Он автор большого опубликованного труда о Пушкине — «Пушкин в жизни». Этот труд широко известен.

От имени Тбилисского университета к Вересаеву пришел профессор Серги Дanelия и попросил его прочитав студентам лекцию о Пушкине. Вересаев с удовольствием согласился.

Несколько дней готовился. Прочел лекции, которые вызвали большой интерес. Вересаев был доволен: какое культурное студенчество в Тбилиси! Видно, знают Пушкина и любят его. Вообще, студенчество всех стран не только барометр совести нации, но и показатель ее культуры, ее интеллекта... Каким невежественным было царское правительство, когда не разрешило открыть университет в Грузии...

— Помню, — сказал Вересаев, — кавказский наместник Воронцов-Дашков представил ходатайство царскому правительству об открытии кавказского университета. Обратите внимание «Кавказского», а не «Грузинского», но даже и в этом отказало глупое правительство... Тогда министром просвещения был несговорчивый Кассо!

На заключительной лекции Вересаев обратился к студентам:

— Когда начнете свою деятельность, вспомните о Пушкине. Он верил в лучшее будущее Грузии.

ЛОМТИК ШОКОЛАДА

В Тбилисском Доме офицеров Вересаеву устроили встречу члены семей офицеров. Были выступления, приветствия, цветы. В заключение Вересаев прочел несколько своих невыдуманных рассказов. Аудитории они понравились, и автору долго не давали спуститься с трибуны. Тогда одна женщина, врач, протянула ему кусок шоколада.

Вересаев взял шоколад и сказал:

— Это мой лучший гонорар.

И прочел еще один рассказ — «Букет». Вот его содержание. Гимназист Андрей влюбился в гимназистку Наташу Казаченко и каждое утро, перед тем как уйти в гимназию, посылал ей через товарища букет цветов. Прошло время. Гимназисты поселились; встретившись уже на службе, не узнали друг друга. И тут выяснилось, что товарищ передавал Наташе букет от своего имени.

«Букет» вызвал бурные аплодисменты и смех. Когда аплодисменты смолкли, женщина-врач, передавшая Вересаеву шоколад, вытерла слезы и сказала:

— Ох, Викентий Викентьевич, что-то похожее было и в моей жизни...

Вересаев крепко пожал женщине руку. Она открыла сумочку и еще раз протянула ему кусок шоколада. Вересаев отказался.

— Это для сердца, — сказала женщина.

И Вересаев взял.

«...ОН И СЕГОДНЯ С НАМИ...»

Вересаева попросили прочитать в Тбилисской филармонии лекцию о творчестве Пушкина. Он прочел на тему «Патриотизм А. С. Пушкина». Охарактеризовал его, как большого патриота.

— Пушкин гордился патриотизмом русского народа, — сказал он, — его оптимизмом и стойкостью. — Особо выделил Вересаев те произведения, которые перекликались с Отечественной войной. Разобрал стихотворение «Напо-

леон», противопоставил друг другу нашествие одержимого манией величия Наполеона и самоотверженную борьбу русского народа за родину. Разобрал «Медного всадника», связав его с текущим моментом.

— Пушкин и сегодня с нами, в наших рядах, — сказал Вересаев и добавил: — Всем личным, даже жизнью мы должны пожертвовать ради родины и ее спасения...

Эти слова были встречены бурными аплодисментами. Одна женщина воскликнула:

— Два моих сына на фронте, Викентий Викентьевич! И я аплодирую вам!..

Потом женщина заплакала. Вересаев снял пенсне и тоже вытер глаза.

На этом вечере артисты Тбилисского театра русской драмы имени Грибоедова представили несколько сцен из произведений Пушкина.

После вечера Вересаева проводили домой матери, сыновья которых были на фронте.

ЗА ЖИЗНЬ!

1942 год. Дождливый и безрадостный март. На фронтах положение тяжелое. Союз писателей Грузии устроил встречу с ранеными в офицерском госпитале. К ним пришли Вересаев, Новиков, Шалва Дадиани, Лео Киачели, Сандро Эули, Васо Горгадзе, Симон Цверва, Бесо Жгенти и автор этих строк. Большой клуб госпиталя и коридор полны ранеными и медицинским персоналом.

Доклад сделал Бесо Жгенти. Его слушали внимательно. Затем выступили писатели. Вересаев прочел свои невыдуманные рассказы. Они понравились. Раненые без руки аплодировали одной рукой, хлопая ею по колену, те, кто был без ног, аплодировали обеими руками. На это было тяжело смотреть. Вересаев прекратил чтение и обратился к аудитории:

— Друзья, вы не думайте, что я только писатель и спокойно читаю вам эти рассказы. Я тоже, как и вы, был на фронте.

— Ссс!.. Шшш!.. — раздалось отовсюду, хотя никто не шумел.

— Я военный врач, — продолжил Вересаев, — участник русско-японской и первой мировой войн. Я хорошо знаю психологию раненого. Поэтому могу беседовать с вами, как воин с воинами... Мне особенно дороги ваши аплодисменты — такие вот... одной рукой. Такое мне не приходилось испытывать. Это настоящая Отечественная война, и вы настоящие герои...

Вересаев разволновался.

— Советские воины! — заключил он. — Я уверен, мы победим. На войне велика сила духовного фактора. Сила жизни. Да здравствует жизнь!

Бойцы устроили Вересаеву овацию.

Тогда встал Шалва Дадиани. Он взял за руки Вересаева и Новикова и спустился с ними в зал. Они подошли к лежащим на носилках бойцам и молча обняли их. Начальник госпиталя сказал:

— Дорогие наши писатели! Слова лечат раненых не хуже лекарств... Вы вселили в людей надежду и бодрость.

Возвращаясь из госпиталя, Вересаев сказал:

— Какое удивительное творение человек! Рук и ног нет, и все же радуется... Чему? Жизни радуется... И эта война ведь тоже борьба за жизнь!

ЗНАКОМСТВО С НИНО НАКАШИДЗЕ

В Союзе писателей Грузии я познакомил Нино Накашидзе и Вересаева. Они долго беседовали. Из клуба Вересаев проводил Нино до дому. Вернувшись, сказал:

— Очень интересную беседу имел с Нино Накашидзе. Оказывается, она хорошо знакома с Толстым.

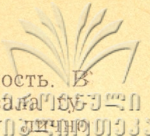
— Она говорила с вами о «Душечке»? — спросил я.

— Да-а, — засмеялся Вересаев. — Нина Иосифовна права, а Лев Николаевич нет. «Душечка» Чехова — тень человека, карикатура, ни больше ни меньше. Но дело не только в этом. Дело в том, что для спора с Толстым недостаточно желанья спорить, надо иметь опору, интеллект. А у этой маленькой и слабой женщины, ох, какой большой интеллект!..

— Слабой?!..

И я рассказал Вересаеву один эпизод из биографии Нино Накашидзе.

В 1905 году царские войска разорвали Гурию. Нино Накашидзе явилась к генералу Султану Крымгирею и потребовала вывести их оттуда. За револю-

дионную деятельность Нино Накашидзе заключили в Метехскую крепость. В тюрьме она подняла восстание политических заключенных и потребовала от губернатора. Представьте, губернатор вынужден был явиться в тюрьму и удовлетворить некоторые требования Нино. Ведь она все же княгиня была... — Вот как! — удовлетворенно воскликнул Вересаев. — Женщина, мой дорогой, которая подняла восстание в Метехской крепости, действительно могла поспорить с Толстым.

ГОМЕР, ТОЛСТОЙ И КАРТОФЕЛЬ

В Тбилиси большим другом Вересаева был Лев Бежанов. Он служил в плановой комиссии Грузии. По профессии юрист. В свое время окончил Московский университет и знал Викентия Викентьевича еще по Москве.

Бежанов часто бывал у Вересаева и помогал ему в быту. Живя в Тбилиси, Вересаев отшлифовал перевод «Илиады». Здесь же писал он и свои новые невыдуманные рассказы. Однако ни перевод «Илиады», ни «Невыдуманные рассказы» не были бы созданы, если бы писатель не имел керосина и хлеба, картошки и мыла. Он был пожилым человеком, и ему трудно было ходить за продуктами. Часами стоять в очередях. Вот Бежанов и взял на себя все это.

Мне часто приходилось видеть, как собирались вместе Вересаев, его супруга Мария Гермогеновна и Бежанов. Мария Гермогеновна была женщина большой культуры. Одно время она заведовала литературной частью Московского художественного театра.

Иногда я тоже садился вместе с ними, и у коптящей керосинки начинались беседы о Гомере, Толстом, о переводе «Илиады». Беседы серьезные, интересные. Вересаев много видел, и с ним приятно было беседовать. Многие повидал и Бежанов. Беседу вел то один, то другой, только Вересаев говорил громко, а Бежанов — тихо, словно произнося молитву. Бежанов хорошо знал все тбилисские новости и поставлял Вересаеву огромную информацию. Мы слушали ее, как лекцию. В это время Вересаев чистил картошку или протирал тряпкой пыль, а Мария Гермогеновна считала, сколько осталось картофеля, кусков мыла, бутылок керосина. Это она делала каждый вечер и называла «ведением хозяйства».

Когда Бежанов кончал говорить, Вересаев мыл руки и выносил перевод «Илиады» — ту часть, которую сделал в тот день или накануне, и читал ее нам. Мария Гермогеновна бросала «вести хозяйство» и слушала затаив дыхание. Мы — Бежанов и я — тоже превращались в слух.

И это соседство «Илиады» Гомера с мылом и картошкой казалось вполне естественным, не вызывая никакой неловкости. Просто время было такое: тяжелое время скудного хлеба и многих трудностей.

Это тяжелое время Вересаев облегчал себе переводом Гомера, а добрый Бежанов — доставкой ему картофеля и мыла... А еще Вересаеву нужен был собеседник — человек большой культуры, которой наряду с подлинно добрым сердцем обладал Бежанов.

Перевод «Илиады» Вересаев читал в частях Тбилисского гарнизона и студенческих аудиториях. Я присутствовал на этих чтениях и видел, как хорошо воспринимались приключения далеких героев Гомера, повествование об их мужестве и борьбе с трудностями. Истинное искусство вечно...

В то лихолетье Вересаев своим переводом Гомера вселял мужество в нашу молодежь, в наш народ...

И тбилисские друзья помогали ему в этом патриотическом деле.

ПРОИГРЫШ ЮЖИНА

В воспоминаниях Вересаева есть эпизод о том, как Южин выиграл, а потом проиграл 100.000 рублей.

А нам он вот как рассказал об этом интересном случае:

— В тот вечер дежурным старостой в клубе был я. Банк достиг 100.000 рублей. Я стоял тогда рядом с Южиным. Всех охватило мистическое настроение: не шутка ведь 100.000! И человек может проиграть такую сумму?

Когда Южин проиграл, я посмотрел на него — переживал он или нет острую ситуацию? Ничего подобного! Вовсе нет! Бросил карты на стол и удивительно небрежно сказал:

— А теперь пойдем и выпьем нахетинского вина!

Меня восхитили спокойствие и выдержка Южина. Тогда я удивился этому факту: был то жест или такова природа Южина? А теперь здесь, в Тбилиси,

очень точно почувствовал его характер. Он был грузин. А вы, грузины, — не рабы денег... Это тоже одно из ваших национальных свойств, и мне это нравится. Раб денег всегда унижит другого, а повелитель — никогда...

РУКА ПОМОЩИ

Однажды к Вересаеву пришел сухопарый до худобы человек и представился писателем Иваном Дмитриевичем Василенко.

Видно, он был болен. Кашлял. Да и как мог не кашлять, когда на дворе зима, а он — в летнем пальто... Потом мы узнали, что и это пальто ему пришлось у кого-то одолжить.

В тот день, познакомившись с Вересаевым, Василенко оставил ему свою книгу: «Артемка». Это было утром. А вечером Викентий Викентьевич с большой радостью и даже с восхищением говорил:

— Знаете, как превосходно пишет этот Василенко? Читаю, читаю и не могу оторваться. Давно не испытывал такого удовольствия от книги.

Спустя несколько дней Вересаев снова сказал мне:

— Второй раз читаю книгу. Но теперь по частям, чтобы продлить удовольствие... Ах, какой писатель!.. Какой писатель!.. Интересно, почему он не идет?

Василенко пришел через неделю. Вересаев тепло принял его, пожал руки, пригласил на чай, расспрашивал.

Выяснилось, что Василенко окончил педагогический институт, работал учителем, был партийным работником, лектором авиационного института. Перенес туберкулез. Великую Отечественную войну встретил в своем родном городе Таганроге. Бежал от фашистов и сейчас живет в Тбилиси... Хотя разве это жизнь? Голодает и мерзнет...

Вересаев помог ему. Купил пальто. Часто звал к себе. Сиделись пить чай, и Викентий Викентьевич долго беседовал с ним. А беседовать с Вересаевым было не так легко — ведь он обладал огромной эрудицией. К чести Василенко надо сказать, что он оказался достойным партнером Вересаева...

Прошло немного времени, и Василенко стал лауреатом Государственной премии за написание прекрасной повести «Звезда».

Как знать, случилось бы это, не помоги тогда ему Вересаев, не протяни ему руку человеческого человека.

СОБАКА И ЧЕЛОВЕК

Согласно учению Павлова, животные действуют по инстинкту, разум у них отсутствует. Я спросил Вересаева, что он думает на этот счет как врач. Вот что он ответил.

— Однажды весной я плыл из Египта в Грецию, значит, с юга на север. И заметил, что перелетные птицы облепили мачты судна. Спросил у матросов, чем объясняется это явление. Они ответили: так делают птицы весной и осенью, когда возвращаются с севера на юг. Птицы путешествуют пароходом в обоих направлениях, они отдыхают на пароходах... Поняли?

Я понял, сказал Вересаев, но понял не только то, что знают матросы. Я понял, что у птиц есть разум... В этом случае одного инстинкта было недостаточно...

Тогда я рассказал Вересаеву о случае, который произошел в Тбилиси.

В одной семье скончался трехлетний ребенок. У него была собака, которую он очень любил. Собака тоже любила ребенка. Все время лежала у его кровати. Ребенка похоронили, и собака пропала. Родителям было не до нее, и они не стали ее искать. А когда спустя несколько дней пришли на могилу, увидели мертвую собаку с рубашкой ребенка в зубах. Было ясно, что она украла эту рубашку, пошла на могилу и там испустила дух.

— Это не инстинкт! — воскликнул Вересаев. — Я в некоторых своих рассказах описываю умную и благородную собаку... Жаль, что не знал этого факта! Напишите вы! А после некоторого раздумья добавил: — Если некоторые люди будут подражать таким собакам, не проиграют... У меня есть один рассказ о собаке. Здесь, в Тбилиси, видел ее. На улице Кирова у входа в хлебный магазин всегда лежит собака. Видно, она старая, едва передвигается. Кроме того, ослабла от голода. Представьте — хлеб выдают по карточкам, кто же собаке даст? И эта бедная собака выходит на тротуар, садится и смотрит, как выгружают хлеб. Кругом стоит одуряющий запах свежеспеченного хлеба. Не то что собаку, даже меня пробирал этот запах. Хлеба несут два человека. Когда

они входят в магазин, машина остается без присмотра. Собака может украсть одну буханку, но она не делает этого: у нее выработана внушенная человеком мысль о том, что воровать нельзя. И собака соблюдает эту мораль, эту обязанность. Я это видел собственными глазами...

И я тоже видел эту картину и эту собаку. И разделяю мнение Вересаева...

ХОРОШИЙ ДРУГ

В 1942 году в клубе Союза писателей Грузии видному русскому писателю Ивану Алексеевичу Новикову устроили творческий вечер. Пригласили на него и Вересаева. В городе была светомаскировка, транспорт работал нерегулярно. Вересаев целый час прождал трамвая. А когда потерял надежду, пошел пешком, хотя жил далеко и ему трудно было ходить, болела нога.

Шалва Дадвани уже закрывал вечер, когда в дверях показался Вересаев. Его встретили аплодисментами.

Даже не передохнув, он поднялся на трибуну, извинился за опоздание и сказал:

— Трудно было идти, но Иван Алексеевич мой друг и я не мог не прийти. Мог ведь больной человек не прийти? Но пришел, чувство дружбы привело. Пришел и украсил вечер. Произнес замечательную речь.

Хорошо, когда у человека есть друг...

ТАЙНАЯ СИЛА ВОДЫ

Вересаеву очень нравились тбилисские серные бани.

— В бане не только моют тело... Это хорошо понимали в Риме, где был культ бань. Русские тоже любят баню, но для нас баня — фактор физического здоровья, не больше. Русский человек из раскаленной бани бросается прямо в снег. Это — физическая закалка. А на юге, например, у вас, баня — еще и фактор духовной жизни. Слышал, в ваших банях и пировали, и пели, а свахи проверяли красоту девушек... Вспомните, когда началось извержение Везувия, Плиний сидел в бане. Город рушился, а он, истинный римлянин, не жился в бане, пока не насадился вдоволь.

— И погиб, — засмеялся я.

— Именно в этом и состоит секрет воды, — смеясь, ответил Вересаев. — Не смог расстаться с первобытной силой жизни. Ведь вода — источник жизни! В тбилисской бане я чувствую первобытную силу жизни, словно растаял лед и вздохнуло первое существо...

Прав ли Вересаев? Но ведь он был еще и философом!

ПАРТИЙНЫЙ ДОЛГ

В годы реакции Вересаев оказал большую помощь семье В. И. Ленина. А сам ему об этом ничего не сказал. Впоследствии тоже нигде не обмолвился об этой помощи, даже когда Владимир Ильич вернулся из эмиграции.

Об этом Викентий Викентьевич рассказал мне во время одной из бесед.

Я спросил: отмечен ли этот факт где-нибудь? Или сказал ли он об этом Владимиру Ильичу после революции?

— А зачем? — вопросом на вопрос ответил Вересаев. — Я ведь выполнил свой партийный долг перед товарищем по партии. И разве только партийный долг? Человеческий тоже...

Не знаю, не думаю, чтобы этот факт был отмечен в русской литературе. В воспоминаниях Вересаева его тоже нет.

У ТОЛСТОГО

Однажды Лев Толстой заболел и в качестве врача пригласил Вересаева.

— Я испугался, — признался мне Викентий Викентьевич, — как я мог стать ответственным за жизнь этого великого человека? Представьте такую картину. Приехал я в Ясную Поляну. Толстой лежит в постели. Выглядит как библейский патриарх. Этот подлинный патриарх мировой литературы. Я сажусь на стул. Толстой протягивает руку. Беру ее и думаю:

— Эге, Лев Николаевич, значит, все же существует пульс? Значит, не смеет смеяться над медициной? А говорили: «Несмотря на то, что большого де- чили лучшие врачи, он все же выжил».

Подумал я так и не посмел проверять пульс Толстого... Отказался: 00000000

— Спустя много времени все же приехал к Льву Николаевичу. Весь день провел у него, и представьте себе, у Толстого — голова другая, а пульс? Пульс, дорогой мой, как и у меня.

Об этом Вересаев часто вспоминал в Тбилиси. Почему-то любил вспоминать. Наверное, потому, что сам был простым человеком и в великом Толстом тоже простоту искал: пульс...

СЛУЧАЙ В РЕДАКЦИИ

В 1904 году, перед тем как отправиться на русско-японскую войну, Вересаев прочел А. П. Чехову один свой рассказ. Антону Павловичу он понравился. Но, не имея времени напечатать рассказ, Вересаев его спрятал. А после возвращения из Маньчжурии не нашел.

В 1937 году рукопись оказалась в архиве, и Вересаев предложил ее одной редакции. Редактор попросил зайти через неделю.

— Рассказ надо поправить, — сказал редактор, — вы допустили в нем 32 стилистические ошибки.

— А ну покажите, что за ошибки! — Вересаев раскрыл рукопись.

В тридцати двух местах она была небрежно, пренебрежительно подчёркнута красным карандашом. Будто держал кто-то кнут и бил куда попало.

— Но, гражданин редактор, я читал этот рассказ Чехову, и ему он очень понравился! — сказал Вересаев.

— То был Чехов, а я Резник! — последовал ответ.

— Да, видно, что Резник! — произнес Вересаев. — Только Резник литературы... — И унес рукопись, — сказал Викентий Викентьевич, — вот такие люди и режут все своими ножницами, никого не стесняются.

ЗАПИСКА ЛУНАЧАРСКОГО

Мы должны были пойти на какой-то литературный вечер. Я не спешил, а Вересаев все поторапливал. И вот что он мне тогда рассказал:

— Был я членом ЦЕКУБУ. Однажды опоздал на заседание, всего на пятнадцать минут, и то из-за трамвая. И все же пришел первый. Вижу, на столе лежит записка: «Тов. Вересаеву». Раскрыл и что же вижу? Пишет Луначарский (он был наркомом просвещения и членом ЦЕКУБУ): «Тов. Вересаев! Пришел в назначенное время. Ждал десять минут и ушел. А. Луначарский».

Я расстроился. Луначарский был моим хорошим другом, и как это случилось со мной? Когда потом встретил его, попросил извинения. Причину опоздания тоже назвал. Луначарский засмеялся и сказал:

— Опаздывать на собрания и совещания — наша общая болезнь. А разве вы не знаете, что Владимир Ильич нарушает это правило безмятежности и никогда не опаздывает? Надо ценить время. Это ведь и уважение друг к другу!

— После этого опаздывать на заседания считаю преступлением, — добавил Вересаев. — А сейчас, к сожалению, что происходит? Зачастую, чем выше стоит функционер аппарата, тем позже приходит... Нет, не приходит, а «спускается» с высоты своей должности.

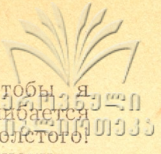
Когда это сказал Вересаев! А по сей день не устарели его слова.

ПРИРОДА ПИСАТЕЛЯ

Иногда Вересаев говорил, что ему не нравились его известные и нашумевшие в Европе «Записки врача». «Упражнение сырым пером», — говорил он. Я не соглашался с ним. Не соглашалась и его супруга. Эта книга принесла Вересаеву мировую славу. Она нравилась Льву Толстому. А сам автор продолжал стоять на своем.

И вот что произошло.

В одной из организаций Тбилиси я прочел доклад о творчестве Вересаева. Поскольку он присутствовал там и ему не нравились его «Записки врача», я тоже ничего не сказал о них. А в Тбилиси с Вересаевым часто беседовали именно об этом произведении.

Я, конечно, поступил неправильно. Справедливость требовала, чтобы я высказал свое мнение на этот счет. Ведь известно, что автор порою ошибается в оценке собственного произведения. Возьмите хотя бы Гоголя или Толстого! И я понял, что Вересаев был бы непротив, если бы я похвалил «Записки»...

СЕКРЕТ «НЕВЫДУМАННЫХ РАССКАЗОВ»

Несколько своих невыдуманных рассказов Вересаев написал в Тбилиси, здесь же составил из них сборник, который издала «Заря Востока». В этот сборник вошли 24 рассказа.

До опубликования он читал их нам. Мы имели обыкновение устраивать «среды». В этот день собирались некоторые из приехавших из Москвы деятелей искусства и тбилисцы. Говорили о литературе, искусстве, вспоминали прошлое. Очень интересными были воспоминания самого Вересаева, так как он был лично знаком с Толстым, Чеховым, Горьким, Андреевым, Куприным, Луначарским, Южиным и с множеством других известных замечательных личностей. Некоторые из этих бесед он в свое время опубликовал.

Однажды я заметил Вересаеву, что он мог бы внести в свои невыдуманные рассказы что-нибудь из жизни в Тбилиси.

Вересаев задумался, потом ответил: «Мои невыдуманные рассказы маленькие, но в их основе лежат не маленькие события... Нужны большое наблюдение и слияние с описываемыми событиями... Ты должен быть хозяином фабулы, а я ваш гость... Гостю же не подобает шарить рукой в чужой семье... Вот в чем секрет этих рассказов...»

Этим и объясняется, что в книге «Невыдуманных рассказов», изданной в Тбилиси, нет ничего грузинского. Правда, еще раньше, в 1940 году, они были опубликованы в России. Вересаев — родоначальник этого жанра в русской литературе.

А мысль, высказанная им о секрете невыдуманных рассказов, бесспорно, интересна и верна.

ПОЭЗИЯ ПОДЛИННАЯ И «СДЕЛАННАЯ»

Вересаев был полиглот: знал много языков. В подлинниках читал древнюю греческую и латинскую литературу. Латинская поэзия ему не нравилась, он называл ее «сделанной», искусственной, построеной на тенденциозной идеологии. Совсем другое дело — греческая поэзия, говорил он, она построена на искренних побуждениях, на непосредственных чувствах. Вергилий, возможно, и превосходит Гомера формальным мастерством, но по непосредственности и глубине Гомер все же лучше. Гомер и Вергилий взяли в качестве сюжетов своих поэм сказки, но какая между ними разница! Герои Вергилия передвигаются на ходулях, а Гомера — хорошо нам знакомые люди. Очень далекие, но очень знакомые... Вергилий как бы говорит: посмотрите, какой я! А Гомер совсем не заинтересован, слушают его или нет. Поется, и поет... Поэзия не рассуждение формулами, а пульсация правды... После Гомера и Сафо человечество прошло большой путь в своем развитии. Изобрело самолет и поднялось в небо. Но наша поэзия не всегда поднимается до Олимпа!

По этому вопросу Вересаев прочел лекцию для раненых, которые слушали его очень внимательно. Ведь они воевали за правду и потому легко уловили разницу между поэзией подлинной и «сделанной»...

ПРОЩАНИЕ

Настал день прощания. Вересаев возвращался в Москву. Полковник Дзахов приехал на машине, чтобы отвезти его на вокзал. Все мы печальны. Печальным выглядит и Вересаев, хотя рад возвращению на родину.

— Что-то остается здесь... — говорит он.

Перед дорогой по обычаю сели, молчим. Джильда, грустная, стоит в дверях.

Вересаев позвал ее. Джильда подошла, и он обнял девочку.

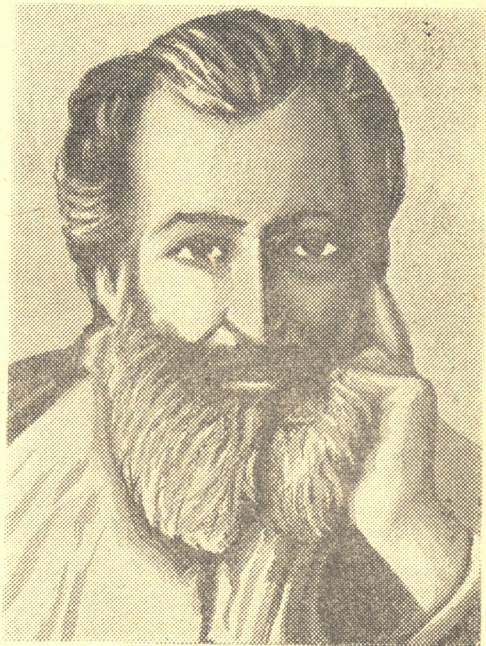
«Это всем... всем вам». — говорили глаза Вересаева.

В лице Джильды он прощался со всеми грузинскими друзьями, с Грузией...

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ

●
К 125-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА КАЗБЕГИ
●

НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ» ОТВЕЧАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
МИНИСТРОВ ГРУЗИНСКОЙ ССР **О. Е. ЧЕРКЕЗИЯ**

Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии и Совет Министров Грузинской ССР постановили торжественно отметить 125-летие со дня рождения классика грузинской литературы, выдающегося общественного деятеля Александра Казбеги. Создана республиканская юбилейная комиссия под председательством заместителя председателя Совета Министров Грузинской ССР Отара Евтихиевича Черкезия. В юбилейную комиссию входят Григол Абашидзе — председатель праздника Союза писателей Грузии (заместитель председателя юбилейной комиссии), Ираклий Абашидзе, Александр Барамидзе, Дмитрий Бенашвили, Алексей Гомиашвили, Реваз Джапаридзе, Георгий Джигладзе, Нодар Думбадзе, Бесо Жгенти, Реваз Иланишвили, Лавросий Каландадзе, Серго Клдиашвили, Александр Кутатели, Константин Лордкипанидзе, Элгуджа Маградзе, Реваз Маргиани, Георгий Натрошвили, Элгуджа Кавкасидзе (секретарь Казбегского РК КП Грузии), Серго Ригвава, Арчил Сулакаури, Георгий Таваманишвили, Георгий Цицишвили, Джансуг Чарквиани, Тамаз Чиладзе, Серги Чилая, Вахтанг Челидзе, Отар Чхеидзе, Ванო Шадури, Демна Шенгелая.

Корреспондент журнала «Литературная Грузия» встретился с председателем юбилейной комиссии О. Е. Черкезией и попросил его рассказать о предполагаемых мероприятиях в связи с предстоящим юбилеем.

Ниже мы приводим эту беседу.

ВОПРОС: — Чем, по вашему мнению, творчество Александра Казбеги дорого советскому читателю и что для него особенно характерно?

ОТВЕТ: — Александр Казбеги — неповторимый художник, замечательный мастер слова, создал незабываемые образы мужественных грузин-горцев, самоотверженно борющихся за социальную и национальную свободу. Его романы, повести, пьесы имели огромный успех. Они будили народ, революционизировали его, звали к борьбе с классовым неравенством, социальной несправедливостью, политическим гнетом, затхлостью общественной жизни, темнотой, бескультурьем, косностью.

Страстный пропагандист свободы и братства народов, он смело разоблачал беззакония царских чиновников и местных феодалов, противопоставляя им героические образы благородных и мужественных крестьян.

А. Казбеги продолжил лучшие традиции вождей народно-освободительной борьбы грузинского народа Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Благородное патриотическое чувство, лишенное какой бы то ни было национальной ограниченности, тесно переплетается у А. Казбеги со свободолюбивыми идеалами справедливости, гуманности, демократизма. В каждом своем произведении он призывает облегчить тяжелую участь народа, помочь ему найти путь к свободе и счастью. Его герои, так полюбившиеся широчайшим народным массам, смелые борцы за справедливость. Почти все они гибнут в неравной борьбе, но не изменяют однажды выбранному пути и до конца верят в победу народа. Поэтому произведения А. Казбеги проникнуты глубочайшим оптимизмом, уверенностью в неизбежности скорого прихода долгожданного времени социальной и национальной свободы.

А. Казбеги — певец моральной красоты. Он проповедовал духовное совершенствование человека, твердо верил в его красоту и чистоту. Именно поэтому положительные герои А. Казбеги кристально чистые, благородные люди. Они верно служат отчизне и народу. Их возвышает готовность к самопожертвованию ради свободы, чести и достоинства. Именно в этом суть романтического пафоса творчества этого замечательного писателя-реалиста, так красиво передавшего внутренний мир своих героев — простых горцев-крестьян, зажатых в тиски двойного гнета и всеми силами души рвущихся к свободе, к светлому будущему.

Многие произведения А. Казбеги вошли в сокровищницу грузинской литературы, став любимыми произведениями народа. Таковы его романы и повести «Элгуджа», «Отцеубийца», «Хевисбери

Гоча», «Элисо», «Пастырь», «Цико» и другие.

А. Казбеги был большим интересным читателем. Он прекрасно знал историю мировой литературы, был большим знатоком французской словесности, с образами которой знакомился в подлинниках, высоко ценил литературу и искусство русского народа, положительно оценивая великий исторический факт присоединения Грузии к России. Еще будучи студентом Московской Петровско-Разумовской академии, он близко познакомился с русской культурой, любовью и уважением к которой пронес через всю свою жизнь.

А. Казбеги как бы предугадал суть гениального положения В. И. Ленина о существовании двух культур в каждой национальной культуре. Стойко борясь с царским самодержавием, его бюрократическим аппаратом, он горячо любил великий русский народ, его прошлое и настоящее, его бессмертную литературу и культуру.

В своих произведениях Александр Казбеги проповедовал любовь и уважение ко всем народам, смело обличал империалистическую политику натравливания народов друг на друга, политику разжигания национальной вражды, которая уводила трудящихся в сторону от их основных целей и облегчала задачи классовых угнетателей.

ВОПРОС: — А. Казбеги был и известным драматургом. Но его пьесы уже давно не ставились на грузинской сцене. Удастся ли нашему зрителю ознакомиться в юбилейные дни с драматическими произведениями писателя и что для этого предполагают сделать наши театры?

ОТВЕТ: — А. Казбеги много сделал для развития и совершенствования так называемого «возобновленного» профессионального грузинского театра второй половины XIX века. Он был большим энтузиастом театрального дела и не только писал пьесы, помогал режиссуре, но и с успехом сам выступал на сцене, иногда даже суфлировал.

Пьесы А. Казбеги созданы преимущественно на историческую тему. Посредством историко-патриотических произведений автор старался разбудить национальное самосознание грузинского общества.

Более чем из десятка пьес, принадлежащих перу А. Казбеги, на сцене до-революционного грузинского театра неизменным успехом пользовались «Арсен», «Мученица Кетевана», «Царевич Константин», «Утро после свадьбы», «Один из несчастных» и другие. Кроме того, инсценировались многие его прозаические произведения, а некоторые даже экранизировались. Но, к сожалению, вот уже много лет пьесы Казбеги не видят сцены. Думается, что грузин-

ские драматические театры проявят к ним должный интерес, покажут в юбилейные дни хотя бы отрывки из старых постановок.

ВОПРОС: — Расскажите, пожалуйста, Отар Евтихийевич, читателям «Литературной Грузии», какие произведения А. Казбеги будут изданы к его юбилею и какие литературно-критические работы будут опубликованы?

ОТВЕТ: — К юбилею намечено издать двухтомник избранных произведений А. Казбеги на русском языке, причем ряд произведений будет переведен заново. Это важное мероприятие осуществит издательство Союза писателей Грузии «Мерани», его русская редакция. Такой же двухтомник (идентичный по своей структуре) готовит государственное издательство «Сабчота Сакартвело» на грузинском языке. Отдельными книгами будут выпущены монографии о жизни и деятельности замечательного классика грузинской литературы. Одна из них, написанная известным грузинским критиком Георгием Натрошвили, уже находится в производстве.

ВОПРОС: — Как обстоит дело с переводом художественных произведений А. Казбеги на русский язык?

ОТВЕТ: — Произведения А. Казбеги не раз переводились и издавались на русском языке. Можно, например, назвать несколько изданий: Избранное, том I (1948 год) и том II (1949 год), выпущенные издательством Союза писателей Грузии «Заря Востока», и двухтомник избранных произведений А. Казбеги, увидевший свет в 1957 году (то же издательство). Отдельными изданиями вышел и ряд произведений А. Казбеги. В частности, «Элисо» (1934 г.), «Эльберд» (1939 г.), «Отцеубийца» (1964 г.), «Хевисбери Гоча» (1951 г.), «Элгуджа» (1951 г.). Некоторые из них вошли в сборник «Грузинские повести XIX века» (Тбилиси, 1964 г.).

Однако следует отметить, что на русский язык переведена очень малая часть литературного наследия А. Казбеги, да и качество переводов оставляет желать лучшего. Надо прямо сказать, что преобладающее большинство переводов произведений А. Казбеги не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Их художественный уровень ни в коей мере не соответствует высокому художественному мастерству писателя. Союзу писателей Грузии, Главной редакционной коллегии по делам художественного пе-

ревода и литературных взаимосвязей ГССР, республиканским издательствам следует продумать этот вопрос и оперативно взяться за организацию переводов произведений А. Казбеги.

ВОПРОС: — Хотелось бы подробнее знать о юбилейных торжествах, о том, какие мероприятия намечаются, когда и как они будут проходить?

ОТВЕТ: — Об изданиях на грузинском и русском языках я уже говорил. Что же касается других мероприятий, то юбилейная комиссия утвердила их дату и характер проведения. Постараюсь коротко рассказать о них.

В октябре нынешнего года на родине писателя, в районном центре Казбеги, будут проведены митинг трудящихся Казбегского района и большой литературный вечер, посвященный этому классику грузинской литературы. В них примут активное участие литераторы — гости из Тбилиси и других городов и районов Грузии.

К юбилейным торжествам в Краеведческом музее районного центра Казбеги, а также в республиканском Литературном музее имени Г. Леонидзе будут организованы выставки, посвященные Александру Казбеги.

В сентябре-октябре в таких культурных центрах Грузинской ССР, как Сухуми, Батуми, Цхинвали, Кутаиси, Рустави, Гори, Телави, и некоторых других будут проведены юбилейные вечера с участием грузинских писателей. Такие же вечера и утренники состоятся в высших и средних специальных учебных заведениях, а также в средних школах республики.

В юбилейные дни республиканская пресса, радио, телевидение будут широко освещать вопросы, связанные с творчеством А. Казбеги и самим ходом торжеств. Тбилисской телестудии поручено создать и показать во время юбилейных торжеств документальный фильм об А. Казбеги.

Во второй половине сентября Союз писателей Грузии и Институт истории грузинской литературы имени Ш. Руставели Академии наук Грузинской ССР проведут совместную научную сессию, посвященную 125-летию со дня рождения писателя. Закончатся юбилейные празднества большим торжественным заседанием, в котором примут участие гости из братских республик и стран народной демократии.

Сдано в производство 21 марта 1974 г. Подписано к печати 5 апреля 1974 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ 710

Тираж 4000

УЭ 000114

201/13

Цена 40 кол.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა